ISSN 0131-0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

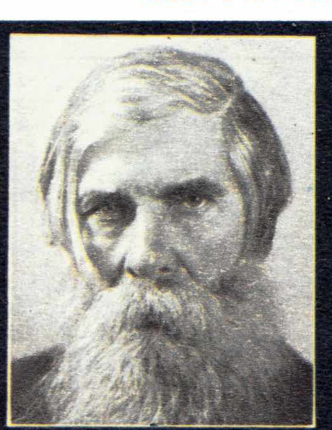
№ 14 АПРЕЛЬ 1989

КАРТИНЫ-ЭМИГРАНТЫ

ОПАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

СУДЬБА БЕХТЕРЕВА

ВЗЛЕТАЕМ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 14 (3219)

1—8 АПРЕЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Так начинался день на шестом чемпионате Европы по полетам на воздушных шарах. (См. в номере материал «Летайте шарами Литовского общества воздухоплавателей!».)

Фото Евгения СТЕЦКО

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 13.03.89. Подписано к печати 28.03.89. А 04417. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 280. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

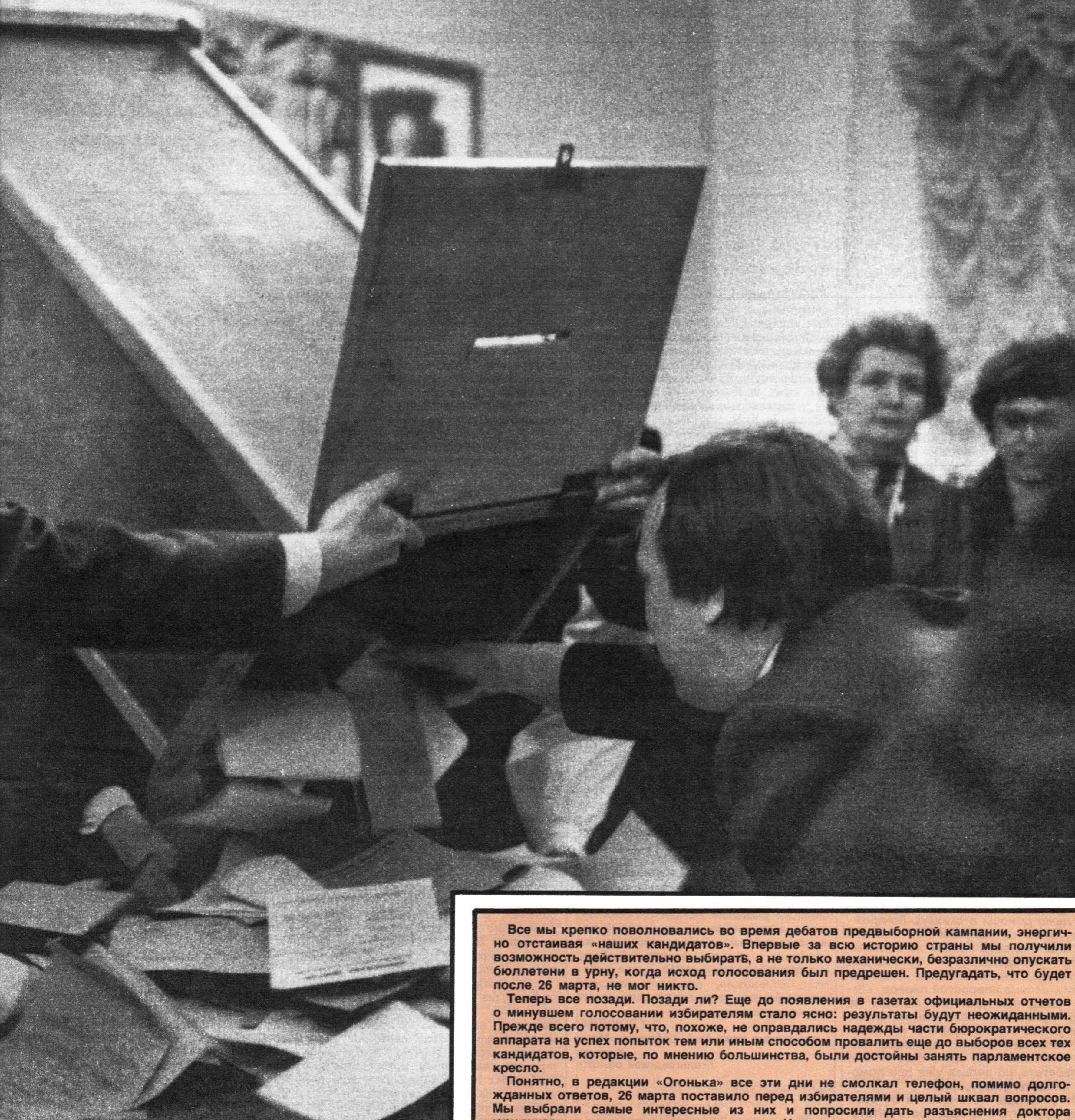
Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВЫБОР СД

ЕЛАН!

Все мы крепко поволновались во время дебатов предвыборной кампании, энергично отстаивая «наших кандидатов». Впервые за всю историю страны мы получили возможность действительно выбирать, а не только механически, безразлично опускать бюллетени в урну, когда исход голосования был предрешен. Предугадать, что будет после 26 марта, не мог никто.

Теперь все позади. Позади ли? Еще до появления в газетах официальных отчетов о минувшем голосовании избирателям стало ясно: результаты будут неожиданными. Прежде всего потому, что, похоже, не оправдались надежды части бюрократического аппарата на успех попыток тем или иным способом провалить еще до выборов всех тех кандидатов, которые, по мнению большинства, были достойны занять парламентское кресло.

Понятно, в редакции «Огонька» все эти дни не смолкал телефон, помимо долгожданных ответов, 26 марта поставило перед избирателями и целый шквал вопросов. Мы выбрали самые интересные из них и попросили дать разъяснения доктора юридических наук, ведущего сотрудника Института государства и права АН СССР Бориса Павловича Курашвили.

Ю. Ф. Певчев: «Положение статьи 55 Закона о выборах утверждает, что выборы признаются несостоявшимися, если в них приняло участие менее половины избирателей, внесенных в список. Распространяется ли это положение на статью 60 о повторном голосовании?»

— Без всякого сомнения. Положение статьи 55 применяется и к первичному, и к повторному голосованию.

Е. С. Твердохлебов: «Если повторное голосование все же состоялось, а кандидат-победитель получил 5—10 процентов от общего числа избирателей, может ли такой депутат считаться народным избранником при явном недоверии большинства?»

— Как ни странно, Законом это допускается. Согласно статье 60 избранным считается кандидат, получивший при повторном голосовании наибольшее число голосов избирателей по отношению к другому кандидату. Это положение Закона явно нуждается в доработке. На мой взгляд, и для повторного голосования должно быть действительно положение статьи 55: «Избранным считается кандидат.., получивший на выборах больше половины голосов избирателей...»

Л. А. Харитонова: «Не считается ли нарушением Закона агитация «за» и «против» кандидата в период подготовки повторного голосования?»

— Из статьи 47 следует, что предвыборная агитация может проводиться и при повторном голосовании, кроме дня, назначаемого для выборов.

Итак, выборы состоялись. Выборы продолжаются. Мы делаем выбор.

Фото Анатолия БОЧИНИНА

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

За первые месяцы нынешнего года количество редакционной почты резко возросло. Письма все интереснее — радостно получать их. Зреет и укрепляется ощущение, что страна твердо вступает на путь демократического развития. Очень важно, что мы видим время ответственнее и четче; только что прошедшие выборы подтвердили всенародное понимание решительности нынешнего момента, необходимость все более определенного личного участия в перестройке. Все разговоры о сугубо коллективной ответственности стимулируются, как правило, теми людьми, кто хочет немалый собственный грех разделить поровну между всеми.

В письмах ваших — множество опасений по поводу нестабильности демократических завоеваний, по поводу того, что консервативные силы еще могут перейти в контратаку и смять добытое за первые годы перестройки, убавить свободы, запугать, затормозить.

Ни в коем случае.

Страна, люди наши — каждый в отдельности и все вместе — уже не те, что были пять Апрелей назад. Нельзя преуменьшать завоеванное, но следует осознавать, сколь сложен происходящий процесс. Требуется инициатива и готовность отстаивать свою позицию. От каждого из нас требуется. От интеллигентов, от крестьян и рабочих. Это мысли из ваших писем, дорогие читатели. Это ощущение времени.

И не надо бояться, если обновление кому-то дается с трудом, если многим приходится преодолевать себя, а некоторым — по-прежнему не терпится преодолеть оппонентов. Не переспорить, а именно преодолеть.

Мы уже упоминали о скоординированной и постыдной кампании наветов, обрушившейся на «Огонек» в последние месяцы. Ряд публикаций (статьи в журналах «Москва» и «Молодая гвардия», уже обсуждавшееся «письмо семи», выступления «Нашего современника») апеллировали не к рядовым, так сказать, читателям, а к руководству, сигнализируя о политической опасности самого существования «Огонька». Обстрел этот не ослабевает, заставляет его организаторов и творцов использовать любые средства для достижения своих целей (в мартовском номере «Молодой гвардии» напечатаны даже доносы в стихах). По-прежнему кажется неприличной вся эта вакханалия, хоть нельзя не испытывать определенного сочувствия к людям, переживающим, судя по всему, весьма непростой период, когда привычные для них методы не дают привычных результатов. Очень важно, что страна вошла в тот период демократического процесса, когда человека или дело еще можно оклеветать, но нельзя уже при помощи клеветы уничтожить.

От редакции «Огонька» и от себя хочу выразить благодарность читателям, приславшим сотни писем и телеграмм с выражением поддержки журнала, с неприятием вранья, которым столь активно пытаются запятнать репутацию «Огонька».

Нам работается очень непросто. Поверьте, мы хорошо понимаем, насколько безопаснее делать журнал безликий, беспринципный; мы ни в коем случае не опустимся до такого журнала. Сейчас необходимо делать все возможное для укрепления и консолидации демократических сил, отчетливо понимать, какие политические позиции отстаивает каждая из спорящих сторон.

Дорогие читатели, сегодняшний «Огонек» был бы невозможен без вашего участия. Мы уже не раз благодарили вас за доверие. Мы и в дальнейшем будем делать все возможное, чтобы это доверие оправдать.

Виталий КОРОТИЧ

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

СКОЛЬКО СТОИТ ГЛАСНОСТЬ? ●
ВЫСТАВКОЙ СЫТ НЕ БУДЕШЬ... ●
СПЕЦПРОПУСК... В ДЕМОКРАТИЮ? ●

■

У нас в цехе проблема номер один — отсутствие охраны труда и здоровья рабочих, нарушение техники безопасности. Мы дышим хлопковой пылью, концентрация ее в несколько раз превышает допустимые нормы, температура воздуха на 5—9 градусов ниже положенной. За вредность не платят, считается, что ее нет, однако цифры эти я взяла из данных проверки СЭС, которые вам посылаю. Кстати, результаты проверки от нас скрываются. И еще. Мы на хозрасчете, но премиальный фонд распределяется келейно, а не трудовым коллективом. Выборы нас не коснулись, все за нас решили.

Вопросы эти я поднимала на собрании, но ответ один: «Грошева, ты слишком умная, а по делу — ничего»... Выступила в районной газете с критикой в адрес администрации фабрики и получила сразу три наказания: лишили ста процентов прогрессивки за декабрь, а потом и за январь, и 13-й зарплаты. Официальная версия — взяла донорский день якобы без ведома администрации. Вот я и думаю: сколько стоит гласность? Мне она обошлась в 200 рублей. У меня нет уверенности, что такой произвол не прекратится, внутри предприятия искать справедливость наивно: управление держится за оклады, а рабочие в нашем цехе если и не согласны, то промолчат. Все даже самые вопиющие нарушения творятся с их молчаливого согласия. Причина: каждый из них социально не защищен, и с ним могут поступить, как и со мной.

Немного о себе. Мне 31 год, воспитываю одна сына, выросла в интернате. Училась в Ленинграде (культпросветработник). Вот уже пять лет не работаю по специальности, из-за материальных трудностей пошла в рабочие. Сейчас работаю на фабрике в одеяльном цехе № 2. Это, не скрою, уже не первое место работы, и, видимо, придется отсюда увольняться, т. к. переделать ничего не могу.

Л. ГРОШЕВА,
работница цеха № 2 фабрики «Мир»
Кировск
Ленинградской области

■

Хочу поддержать высказанное в нашей печати мнение о необходимости восстановления советского гражданства выдающимся деятелям культуры М. Ростроповичу и Г. Вишневской.

Мною движет при этом не только желание исправить одну из крупнейших ошибок «аппаратчиков» от культуры, с бездумной легкостью «подаривших» Западу двух музыкантов с мировым именем. Мне довелось в течение месяца общаться с М. Ростроповичем во время его гастрольной поездки по Кубе, где я работал советником посольства по вопросам культуры.

В то время вся Куба была мобилизована для отражения возможной агрессии империализма. Мстислав Леопольдович выразил пожелание морально поддержать своей музыкой кубинских «милисианос», занявших оборону в труднодоступных горах. От батальона к батальону он шел по горным тропам с виолончелью (сопровождавший нас «джип» туда забраться уже не мог) и давал импровизированные концерты. Он исполнял не только классику, но и народные кубинские песни. После каждого такого выступления музыкант рассказывал о нашей стране, о ее поддержке правого дела кубинского народа, а в заключение виртуозно (да, да, на виолончели!) исполнял «Интернационал». Нужно было видеть восторг кубинских товарищей!

В благодарственном письме кубинского руководства на имя советского посольства говорилось, что Советский Союз может гордиться такими деятелями культуры и патриотами, как М. Ростропович. Посольство СССР на Кубе поддержало в свое время предложение общественности о присуждении М. Л. Ростроповичу Ленинской премии.

Думаю, что вопрос о гражданстве Ростроповича и Вишневской и их возвращении на Родину важен во всех отношениях — для утверждения перестройки, обогащения нашей культуры, в борьбе с бюрократией (готовой растранжирить все — от Эрмитажа до великих музыкантов), а также для обретения во всем мире веры в наше новое мышление.

Ю. ГАВРИКОВ
Москва

■

За красоту природы Туву называют второй Швейцарией. Академик Чазов в № 42 «Огонька» за прошлый год сказал, что часто посещает самые болевые точки нашего здравоохранения, расположенные в Средней Азии. Что же тогда в центральной ее части? В частности, в географическом центре Азии городе Кызыле и всей Тувинской АССР?

...Высокая детская смертность, туберкулез, острая нехватка медикаментов, врачей и среднего медицинского персонала. Инъекционные иглы выпуска конца середины «железного века» вызывают неистовый трепет у пациентов. Понятие об одноразовых иглах, шприцах и капельницах здесь весьма смутное.

У меня четвертый год в сердце на фоне септического эндокардита стучит искусственный аортальный клапан. Ежегодно весной и осенью необходимо ложиться в стационар, чтобы отразить ревматические атаки.

Сделать это непросто. В единственной больнице для сердечников хронически не хватает мест. Палаты переполнены, люди лежат в коридоре. Больные неделями ожидают освободившихся коек. И даже если займут, наконец, оборону на койке, отражать атаки врачам нечем. Нет «боеприпасов». Из десятка медикаментов, рекомендованных клиникой Мешалкина для лечения эндокардита, мне за три года не было инъецировано ни одного!

Об экологической обстановке в г. Кызыле вслух уже не говорят. Можно заглотить сверхнормативную сажу. Это лучше увидеть. Желательно со стороны Москвы с борта авиалайнера, заходящего на посадку в столице самой молодой автономной республики Союза и... (по природе) второй Швейцарии.

Н. АНТИПИН,
инвалид II группы
Кызыл

■

Болезненно я и моя семья переносим многие неудачи перестройки. Показуха всегда приносила огромный вред нашему обществу, но сейчас, уверен, она особенно вредна. Всем известно, что в Харькове с 6 по 8 февраля проходило Всесоюзное совещание-семинар, в котором принимали участие и члены Политбюро.

Участники совещания, как это водится, побывали на предприятиях, посетили продовольственные магазины нашего города. Богатейший ассортимент был на прилавках! Особенно бросалась в глаза до блеска вымытая морковь. По телевидению показали овощную базу, овощи аккуратно разложены, картофель, который мы не видели в магазинах с прошлого года, в новых контейнерах. Спасибо ТВ: на прилавках шаром покати, а на экране все есть. Хорошо, что Белгород рядом, за 80 км, туда и ездим за овощами, пока местные власти не установили таможенный досмотр.

Выставками же, которые устраивает наше руководство в дни приезда высоких гостей, увы, сыт не будешь. Хотя, если честно, в магазинах изредка можно еще кое-что достать... но именно достать, т. к. слово купить уже исчезает из нашего лексикона. Настораживает же другое: какой опыт и кому мы можем передать? Разве только умение прожить без продуктов.

В. МАТЮПАТЕНКО
Харьков

■

Посылаю решение Воркутинского исполкома горсовета «О введении временного порядка реализации моющих средств по талонам». Пункт первый гласит, что нужно выдать талоны: по мылу — на первое полугодие, по синтетическим моющим средствам — на март. Пункт второй устанавливает нормы отпуска: а) мыло (туалетное и хозяйственное вместе) — 350 граммов на период с марта по июнь включительно, б) синтетические моющие средства — 500 граммов на март. Сколько людей задействовано в выдаче трех кусков мыла: директор по торговле и общественному питанию ПО «Воркутауголь» Ю. А. Жорник, начальник ОРСа-8 Северной железной дороги Н. М. Раев, начальник ОРСа «Промтовары» С. Д. Зорин и еще трое начальников ОРСов. Пункт шестой решения возлагает контроль за выполнением на отдел коммунального хозяйства (т. Прорубщиков А. А.). Заседали, постановляли, подписывали...

Что же получается, товарищи: идет второй этап перестройки, который решает серьезнейшие вопросы политической власти, правового

государства, демократии, гласности, а вот вопрос о мыле решить не может. Не пора ли перестать распределять стиральный порошок и мыло на число прописанных в квартирах, а призвать к строгой партийной ответственности тех, кто повинен в сложившейся ситуации?

С. КАЗАКОВ
Воркута

■

В газете «Известия» в заметке «Пропуск на чрезвычайное происшествие» говорится о том, что отныне Министерством обороны СССР, МВД СССР и Союзом журналистов СССР утверждено «Положение о порядке допуска и пребывания представителей средств массовой информации в местах проведения мероприятий по обеспечению общественного порядка».

Согласно этому «Положению» теперь журналисту прежде, чем попасть на митинг, собрание, демонстрацию, шествие или различные ЧП, необходимо обзавестись спецпропуском, выданным МВД.

Начальник пресс-бюро МВД СССР, полковник, кандидат юридических наук Б. Михайлов комментирует это событие довольно радужными словами: «...не надо толковать решение о выдаче журналистам спецпропусков как ущемление демократии». (А как?) «...порядок работы органов внутренних дел по взаимодействию с журналистами остается прежним: открытым и гласным». «Убежден: в современных условиях демократизации жизни, расширения гласности это нововведение поможет нашей прессе, радио, телевидению оперативно освещать события, связанные с чрезвычайными происшествиями, избежать конфликтов. (С кем?) А они, увы, уже были». (Не 30 ли октября 1988 года в Минске имеется в виду?)

Итак, на словах все якобы во благо. А если вникнуть? Я, журналист, прежде чем попасть на пожар, должен сначала получить спецпропуск у чиновника МВД, а затем уж прибыть на место...

У каждого работника средств массовой информации имеется удостоверение, где указано, какую организацию он представляет. Если недостаточно этого документа, можно предъявить еще и паспорт, удостоверение члена Союза журналистов СССР, свидетельство о рождении, расчетную книжку за коммунальные услуги (как при получении талонов на сахар) и пр.

Зачем же понадобилось вводить еще один документ? По-моему (вслед за неудачей с лимитами на подписку), это еще одна попытка антиперестроечных сил накинуть узду на гласность. Взять ее под свой контроль. (Ведь можно же впоследствии ввести и лимиты на спецпропуска.) К тому же в первую очередь означенный документ получат более удобные, владеющие мастерством мимикрии, а пишущие правду побегают, стремясь получить нужную бумажку «во избежание конфликтов».

Недаром ведь министр внутренних дел Белоруссии В. Пискарев предупреждает: «В противном случае газетчики будут рассматриваться, как люди, нарушающие закон и порядок».

И. БОЖКО,
член Союза журналистов СССР
Одесса

■

Прочитал в № 5 «Огонька» письмо М. Башкирова о том, что прописка в Тюмени стоит 7300 руб. Так вот, «учитывая сложившуюся социально-бытовую ситуацию, Чебоксарский городской Совет народных депутатов на сессии 9 декабря 1988 года принял решение о внесении предприятиями, организациями города средств за каждого привлеченного иногороднего работника в сумме 12,2 тыс. рублей».

Оба эти решения — и Тюменского, и Чебоксарского горсоветов народных депутатов — близнецы, только имена разные. Плдхо у вас в Тюмени считают, так как 7,3 тыс. рублей, да еще по сибирским меркам, где все обходится дороже,— это слишком мало, если у нас в Чебоксарах за то же самое требуют на пять тысяч больше, да и то жалеют, что передоверились расчетам специалистов г. Киева. Посчитали сами и за голову схватились: «Караул, продешевили!» Оказывается, эта сумма гораздо больше, аж за 19 тыс. рублей. Девятнадцать тысяч — за койко-место в общежитии или еще в каком-либо углу. Интересно, сколько стоит прописка в... деревне? Там ведь для создания социальной и бытовой инфраструктуры тоже нужны деньги?

Я радиоинженер, решающий задачу, где жить, уже почти год. Приехал в «родной» город после учебы в вузе и работы по распределению. Хочешь устроиться на работу — давай прописку. Без этого штампика в паспорте никто не принимает. Да и прописка нужна только городская. К родным сестрам не прописывают, требуют не менее 12 кв. м на члена семьи, а сестры у меня, увы, не профессора.

Кем мне только не предлагали работать — грузчиком, литейщиком пластмасс, гальваником и т. д. и т. п., но только не по специальности.

Не объявить ли всесоюзный аукцион на прописку: Тюмень — 7300, Чебоксары — 12 200 рублей — раз! 12 200 рублей — два! Кто больше?! Впрочем, мне не до шуток. Хотелось бы выяснить, конституционно ли это решение горисполкома, которое вам посылаю, и правомочен ли исполком именно так решать вопросы с пропиской.

Л. НИКОЛАЕВ,
инженер без прописки
Чебоксары

■

Согласитесь, чудо из чудес талант писателя. А писатель писателей Михаил Афанасьевич Булгаков. Есть ли второй такой в мире? По мне, так и нет. Если бы он был армянином, я бы просто лопнул от гордости. Но я горжусь тем, что он мой соотечественник. Стоят на нашей земле сотни ждановых, ворошиловых, а то и просто девиц с веслом. Стоят те, кто уже официально признан душителем правды, людьми с черной совестью. Инерция? Может быть. Наверное, она виновата в том, что нет на нашей земле памятника М. А. Булгакову. Нет! Не она, а мы! Бывают ситуации, когда атмосфера, настроение людей напоминают пересыщенный раствор. Достаточно маленького толчка, крупинки, чтобы началась цепная реакция консолидации. Образуется монолитный кристалл. «Господи, да откуда он?» — спрашивают люди. А он был растворен в воздухе. Сам я ничего не смогу сделать. Кто я? Простой врач. Поэтому я прошу вас объявить со страниц журнала, на который подписалась у нас каждая вторая семья, об открытии счета в банке на сооружение памятника М. А. Булгакову. В этой просьбе я вижу свой гражданский долг. Это нужно не мне, это нужно будущим гражданам России. От этого памятника, как от плацдарма Правды, погонят они тупость, чванство, бюрократизм из пределов нашей земли. Я верю, что в стране еще много порядочных людей. Нужен только сигнал.

Д. МАНУКЯН
Ставрополь

■

Мы много говорим и пишем о реабилитации политической. Но пора бы начинать разговор о реабилитации партийной. Речь идет о тех коммунистах, которые были осуждены незаконно. Не секретом является то, что существует до автоматизма отлаженная система исключения человека из партии сразу же после того, как прокуратурой ему предъявлено обвинение. Но вот на суде, как это нередко бывает, «рассыпается» состряпанное дело, а гражданина оправдывают, то есть реабилитируют в части закона.

Казалось бы, человек обретает долгожданную свободу... Что же дальше? А дальше выясняется, что честное имя коммуниста не всегда так просто вернуть. В результате получается реабилитация наполовину. Но кому она нужна, такая полуреабилитация? Кому, спрашивается, нужна полусвобода, при которой человек находится в плену кривотолков и намеков типа: «Раз партбилет не вернули, значит, не все чисто...». А сколько еще таких вот полуреабилитированных! Уверены, они исчисляются тысячами.

И за примерами ходить далеко не надо. Для нашего села это прежде всего уважаемый нами учитель истории Дорвард Карапетян. Он не совершал никаких преступлений, но местные правоохранительные органы осудили его за якобы незаконное строительство собственного дома, конфисковав впоследствии у многодетной семьи дом и выселив ее. Шесть лет понадобилось нам, односельчанам, помогавшим строить это жилище, чтобы суд вернул многострадальной семье ее законный дом. Прокуратура Союза ССР прекратила уголовное дело по реабилитирующим обстоятельствам — «ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ». Дом возвращен. Но в партии сельский учитель до сих пор не восстановлен.

Такие случаи, к сожалению, не единичны. Это один из примеров половинчатой полуреабилитации честного человека. Но их быть не должно. И уж коль смогли автоматически человека исключить, то и восстановление в партии должно осуществляться так же автоматически ТЕМИ ЖЕ партийными органами при предъявлении документа о реабилитации. Иначе быть не должно. Вернули свободу — верните и честное имя.

Г. АРАКЕЛЯН, А. ГЕВОРГЯН, А. АВЕТИСЯН
(всего двадцать подписей)
с. Оганаван Армянской ССР

■

Для начала представлюсь. Я — Салоп Михаил Дмитриевич, член Союза журналистов СССР, очеркист, печатающийся в молодежной, педагогической и научно-популярной печати. По национальности еврей — в свете того, что хочу вам сказать, эта деталь немаловажна. И еще: пламенный сторонник и постоянный читатель «Огонька». Это тоже важно, потому что сегодня я собираюсь вас критиковать.

Представим такую гипотетическую историю. Некто совершил страшное, циничное, аморальное преступление. Скажем, зверски убил кого-то, ограбил, изнасиловал малолетнюю... Взяли его, судили, приговорили. А мы говорим: стоп, не расстреливайте его пока. У нас есть сведения, что у этого человека очень интересные морально-философские взгляды — ну там, на совесть, нравственность, общественную мораль. Интересно все это записать. Дайте нам его на пару дней: мы возьмем у него интервью и опубликуем, а потом делайте с ним что хотите...

Именно в таком духе я воспринял материал «Интервью с антигероем». Заслуживает ли этот Норинский подобного отношения? Мне кажется: нет. Этот недоумок и негодяй представил в дурацком виде Бакланова, редактора одного из прогрессивнейших наших журналов, у которого, как и у вас, и без того нелегкая жизнь. Он выдал индульгенцию «Памяти» и другим реакционерам на их акции: теперь, что бы ни случилось, «простой» человек из «Памяти» может сказать, что «а-а, это опять жиды провоцируют!».

Вы скажете: но обо всем этом тоже говорится в материале. Да, но в таком случае тот ли это человек, устами которого надо говорить об опасности «Памяти» и о проблемах, связанных с антисемитизмом?

Прошу вас, не оставляйте тему антисемитизма и не оставляйте в покое «Память»: в Мюнхене в 20-е годы тоже начиналось с такой «Памяти» за кружечками пивца. Но, мне кажется, «Огонек» должен быть более разборчив в «знакомствах». Не всякий стоит интервью в «Огоньке».

М. САЛОП
Москва

■

Моя мать получала маленькую колхозную пенсию — 50 рублей и последние три года своей жизни жила вместе со мной. Недавно она умерла. Я не из числа остронуждающихся, за все расплатился, за помин, ограду и т. д. Вспомнил, что в похоронном бюро мне выдали бумагу, по которой я должен был получить те 20 рублей, о которых пишет С. Сергеева в № 7 «Огонька». Каково же было мое удивление, когда в собесе мне ответили: «Не положено, она была колхозницей». Оказывается, мало что изменилось и наши колхозники до сих пор — люди второго сорта, даже в таком деле, как смерть и похороны.

Так вот, мне это пособие не нужно. Обидно, что наш гегемон, как называли мы недавно рабочий класс, отказал своему младшему собрату в мизерном, уже заочном пособии. Прежде чем ставить вопрос об увеличении пособия, надо охватить им всех граждан страны.

М. БАГРОВ
Клин Московской области

■

Я не любитель пива. Но иногда с приятелями неплохо бы посидеть за кружкой Плзеньского. И чтобы была в баре «легкая удобная мебель, исполненная из нескольких пород дерева. Интерьер в стиле современного пивного бистро создает уют, располагая к приятному отдыху». Так пишет наша газета «Вечерняя Одесса». Однако та же газета, хочет она этого или не хочет, напоминает нам, что мы в своей стране — люди второго сорта, ибо пиво и бар, о котором я говорю, не для всех — они на валюту. Безусловно, прямое сотрудничество с зарубежными фирмами есть явление замечательное и для «Интуриста» — это достижение. Но достижение ли это для остальных?

М. РЫБАК
Одесса

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

НАБОР ВЫС

Юрий ГОВОРУХИН
Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

ФЕНОМЕН КОРНЕЛИЯ СУЛЛЫ

Был такой римский консул — Корнелий Сулла. Правил сурово, подданных держал в страхе, случалось, рубил головы безвинным и миловал преступников, кроваво воевал с врагами, границы империи укреплял. Судьбы мира решал этот человек. И вот происходит удивительное: консул все бросает к чертовой бабушке и уезжает в свое поместье выращивать капусту. Иными словами, он отказывается быть главным чиновником и берет индивидуальный подряд. Даже по нынешним меркам Корнелий Сулла — чудак, добровольно отказавшийся от власти.

— Так, так,— смеется Юло Андресович, сохраняя, однако, в глазах настороженную строгость. Случай-то — из его собственной практики, самому пришлось выслушать немало упреков в «странности», а подначек, даже добродушных, наши первые секретари, в том числе и бывшие, не очень любят. Однако мой собеседник старается быть верным ироничной тональности беседы.— Правда, между мной и Корнелием Суллой есть некоторые различия. Во-первых, в наше время правят гораздо демократичнее, а во-вторых, причины подобных поступков, думаю, разные...

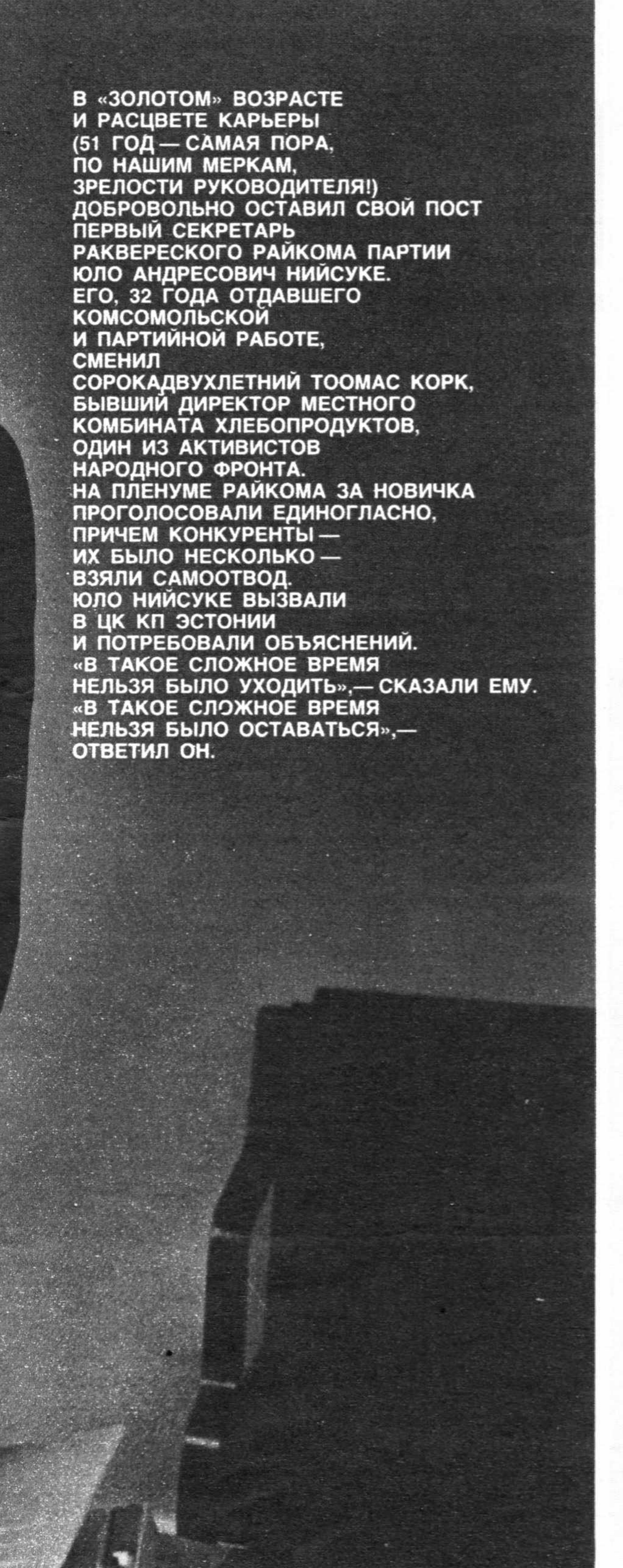
Действительно, в консульском варианте просматривается главным образом стремление отойти от государственных дел, бросить якорь в тихой гавани, жить спокойно и беззаботно. Здесь же уход с партийного поста мотивировался необходимостью смены лидера, чтобы ускорить перемены к лучшему в нашей жизни. «Знаете,— считает Юло Андресович,— если бы вовремя ушли Хрущев и Брежнев, может быть, мы не оказались бы в кризисной ситуации, а застойные явления не были бы такими глубокими и парализующими».

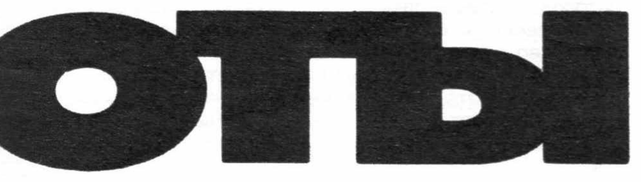
Верная мысль, хотя и не ставшая руководством к практике. И потому я спросил Нийсуке:

— Не обижайтесь, Юло Андресович, но вы все-таки чудак, и опасный для сотоварищей. Вы из той породы аппаратчиков, которые, будучи воспитанными партийной кастой, «выламываются» из ее рядов и совершают, по мнению очень многих властей предержащих, предательство. Предательство, как они говорят, интересов дела и принципов партийного товарищества...

— У меня ведь это был не порыв романтика с партийным билетом,— ответил он спокойно,— еще в пору хрущевской «оттепели» я задумывался о природе и назначении партийной власти в нашей стране, точнее, самих носителей этой власти на местах в лице первых секретарей райкомов. Тогда я был секретарем райкома комсомола, и передо мной прошла целая вереница первых лиц районного масштаба. Позже я сам, попав в номенклатуру, «обойму», испытал, так сказать, на собственной шкуре технологию конвейер-подготовки партийных кадров у нас.

Что же мы имеем на протяжении многих лет? Функционеров, обкатанных на блюмингах комсомоль-

ского и партийного аппаратов. Кадровый состав постоянно формируется из положительных и перспективных личностей с чистенькими анкетками, а точнее — послушных и исполнительных. Штамповочная, самостраховщаяся система выявляет и тут же отторгает мало-мальски мыслящую, неординарную личность, позволившую себе иметь собственное мнение. Сколько мы знаем примеров, когда сходили с круга, «горели» сильные и смелые. Но удерживались, процветали покорные и льстивые! Вот почему подчас продукция системы — одинаковые, стандартно мыслящие и неумело действующие партийные руководители, способные только смотреть в рот начальству и говорить одно и то же.

Радикальные взгляды Нийсуке — сами по себе явление уникальное, реликтовое по своей исключительности. Они сформировались, безусловно, в непростом человеке. И их зарождению предшествовали, видимо, какие-то отправные моменты. Были ли они, ведь все имеет свои истоки?

Да, были. В 1950 году отца, колхозного бригадира, арестовали как врага народа. Большой крестьянской семье Нийсуке, где росли десять детей, пришлось худо. Но вот интересный поворот — в 1952 году колхозники выбирают 16-летнего Юло бригадиром в бригаде отца! В 1953 году — учеба в Раквереском агрономическом техникуме, в 1956 году отца реабилитировали, а еще через год Нийсуке становится первым секретарем райкома комсомола. Далее номенклатурный рост, хоть и был запрограммирован, стимулировался личными качествами, организаторскими способностями: 1962—1973 годы — секретарь райкома партии по идеологии, 1973—1979 — председатель райисполкома, 1979—1988 — первый секретарь.

Нравственный ожог, полученный в юности, привил иммунитет к диктату на всю жизнь. «После долгих раздумий я твердо пришел к убеждению, что быть первым лицом более 10 лет не нужно и опасно. 5—7 лет человек на ответственном посту «набирает обороты», дальше начинается инерция, которая развращает и носителя власти, и его окружение». Так рассуждает партийный руководитель, выработавший, по признанию окружавших его людей, свой, отличный от обычного — коллегиальный — стиль работы. Все решалось в райкоме только на основе совета с хозяйственниками. «Ты не руководишь, а либеральничаешь!» — говорили ему. «Я как раз руковожу, но не командую!» «Почему не обсуждаете на бюро планы мероприятий?» «А зачем? Надо дело делать, а не утверждать бумаги».

Запомнилась многим развернувшаяся в начале восьмидесятых годов «драчка» с Минмясомолпромом, задумавшим закрыть в Раквере молокозавод. «Зачем он вам,— говорили из Москвы,— если мы построим в Кохтла-Ярве крупный молочный комбинат?» Юло Андресович, однако, уперся: «Вы же на голодный паек нас посадите!» Тогда его пригласили в ЦК КП Эстонии, попросили: «Подпиши бумагу». Он отказался, сказал: «Если вы разрешите закрыть нам молокозавод, то я даю людям ваши телефоны, по которым они смогут узнать, почему в городе и районе нет молока».

Заводик им оставили. Комбинат в Кохтла-Ярве строили несколько лет. Те, кто доверился министерству и свернул местное производство, кусали локти, а Нийсуке еще раз убедился, как важно почаще проверять «верхнеэтажные» директивные мнения «нижнеэтажным» здравым смыслом.

Выходит, аппаратчики, подобные Юло Андресовичу,— случайные «просочившиеся» в круг функционеров, конвейер тут сдает сбой, вот и проскакивает «нестандартная продукция». Тем не менее в условиях перестройки Нийсуке испытывал все большую неудовлетворенность собой.

«Почему?» — спросил я его. И он ответил вполне откровенно: «Понимаете, я все-таки, так сказать, продукт своего времени, я просто воспитан определенным образом — мне ближе и понятней хозяйственные вопросы, я могу мобилизовать людей, нацелить их на выполнение определенной задачи, проводить линию... Чувствуете трафареты? А как жить и работать без них?! Не представляю. Сейчас у нас много говорят, например, об экологических проблемах, люди активно включаются в республиканское движение «зеленых». Забота ли райкома координировать это движение, как-то в нем участвовать? Не знаю. Всю жизнь с меня требовали: «План!», «Обязательства!», и я их давал. Мы, партработники, даже не задумывались о том, какой ценой все достается. Теперь, когда движение разгорелось и набрало силу без нас, как-то неудобно, по-моему, возглавить его, а в стороне оставаться вроде бы тоже нельзя... Потеря политического лидерства, сомнения — смогу ли преодолеть собственные стереотипы — убедили меня: я не только определенным образом устарел, но уже и не способен принести какую-либо пользу как партийный руководитель».

Да, нечасто мы бываем честны сами с собой настолько, чтобы правильно оценить свои возможности, отказаться от власти и не мешать. «Крамольные» мысли привели к «крамольному» решению...

«НАМЕСТНИКИ» ИЛИ «ПРЕЗИДЕНТЫ»?

Итак, находясь у власти, Нийсуке задумывался о ее природе. В конце концов власть — это «всего лишь», а также в общем и целом просто власть, и ничего больше. Одних над другими. И тут давайте без эвфемизмов. Она построена на единоначалии. Партийные секретари единоправны в масштабе района или области, все, буквально все решается лично либо при участии первых секретарей. Или без них не решается ничего. Проблемы хозяйствования, кадры, строительство, финансы, глубина пахоты, справедливость, награждения и наказания... При такой концентрации власти в одних руках мы уповаем обычно на личные качества руководителей и говорим, что они должны быть чуткими, честными, обладать широтой взглядов и глубоким умом. Но такой образ руководителя, в том числе и партийного, скорее собирательный, чем реальный. Этот непогрешимый образ создается розовыми портретными очерками и заклинаниями газетных передовиц.

А разве не стало давно ясно, что из принципа демократического централизма — выборность снизу доверху, отчетность сверху донизу — мы взяли только его первую часть. А сверху донизу — приказ, указание, директива. И вся эта система единоначалия сложилась в годы сталинщины. Ленинские нормы партийного руководства массами, коллегиальность, вкус к дискуссиям, терпимость к мнениям зачастую забыты, выпали из обихода. Мы не желаем и не умеем пользоваться ими, потому что нас от этого отучали и отучили крепко. Сложившийся тип человека нашего общества настолько свыкся с партийной властью, что всякое послабление ее для него, даже в малых дозах, уже перестройка.

«Сейчас «сильные личности», верящие в собственную непогрешимость, дискредитируют и нашу социальную систему, и перестройку,— считает Юло Андресович.— Среди них есть недалекие и некомпетентные партийные лидеры, которые проваливают экономическую реформу. А есть и умные, энергичные, такие привыкли «брать за горло», и дело проваливают те, кого они подавляют. Так вот, «наместников» необходимо поставить перед возможностью потери своей неограниченной власти».

Как? А так: срок пребывания на посту первого секретаря, как в районе, так и в области, надо ограничить тремя годами. Тремя — не больше! Избрание на второй срок сделать возможным только после местного референдума, раз уж наши партийные секретари станут председателями местных Советов, когда не менее восьмидесяти процентов избирателей скажут «да» хорошему, по их мнению, руководителю. Третьей возможности не должно быть предоставлено никому. При этом власть предержащие дают накануне референдума широким кругам общественности подробнейший, исчерпывающий отчет о проделанной работе, который затем комментируется и оценивается прессой, а также рассказывают о своей программе.

«Нам следует подумать и о введении такого порядка в государственном масштабе, в высших эшелонах партийной власти»,— подчеркнул Юло Андресович.

Тогда наши руководители станут подконтрольны. Тогда даже из-за честолюбивого стремления к власти, боязни потерять ее они попробуют быть достаточно объективными, заинтересованными в людях, в своих избирателях. Тогда рашидовы и иже с ними не успеют создать свой клан, обрасти подпевалами и прилипалами, погрязнуть в протекционизме. А их, в свою очередь, просто не успеют купить. А если даже и купят, то ненадолго.

Другого выхода нет. Заклинаниями дела не поправишь. В условиях однопартийной системы механизму аппаратчиков надо противопоставить не слова и призывы, а силу безотказной и демократичной машины, воспроизводящей первых руководителей районного и областного диапазона. Нам просто необходимо запустить машину, механизм справедливости, создать обстоятельства, которые заставят и нас, и поставленных над нами перестроиться.

Против антидемократизма нам поможет прежде всего радикальная перестройка избирательной системы партийных органов. И на переправе коней меняют, к каким бы трудностям это ни привело.

Да, мы сможем, нам надо, просто необходимо, вырастить поколение, которое бы не парализовало упоминание о мнении «столоначальника», способного все рассудить по справедливости и найти единственно верное решение. Должны исчезнуть страх и неуверенность в собственных силах. Тогда мы не позволим безжалостно выпалывать здоровые, хрупкие ростки демократии, уничтожать, «задвигать», компрометировать критически мыслящие, самоотверженные личности. В создании демократического механизма мы должны сделать трудный и реальный шаг.

И как сказал один умный человек, надо идти за теми, кто ищет правду, но бояться тех, кто говорит, что нашел ее.

ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ ДОГМЫ

Тоомасу Корку, новому первому секретарю, достался крепкий район с отличными показателями. Все хозяйства рентабельны, их общий хозрасчетный доход за прошлый год превысил 45 миллионов рублей. Объем производства молока, мяса, яиц — самый большой в республике. В Раквере — 23 процента существующих в Эстонии перерабатывающих предприятий, «весь цемент и вся известь». «Все обстоит неплохо,— согласился Корк, принимая дела.— Однако надо все менять».

Что же его не устраивало, когда он оказался в кресле первого секретаря? С первых же дней работы стало очевидным на практике то, о чем раньше говорили как можно тише: в людях сильно подорвано доверие к партийной власти, причем это результат, так сказать, не местной, а глобальной политики аппаратчиков в годы застоя. Потеря авторитета партийных лидеров ощущается и в хозяйствах, и на предприятиях, выражается она в массо-

вом отчуждении людей, настороженности к словам и делам секретарей парторганизаций, их собственной растерянности перед апатией и плохо скрытым недоброжелательством. Точнее, масса настроена против высокого партийного начальства, но «отыгрывается» на местных секретарях парткомов. Ошибок совершено много, и потому очень важно не разочаровывать народ качествами тех, кто пришел к власти, будучи не назначенными, а действительно выбранными.

«А как вы оцениваете себя?» — обратился я к Корку. И он сказал без обиняков:

«Положительно. Я не аппаратчик, а хозяйственник. Смею утверждать, что многие наши партийные секретари некомпетентны, мало читают, не умеют говорить без бумажки. Да и как хозяйственник я работал с людьми гораздо больше, чем любой аппаратчик».

Родился Корк в Тарту, после окончания сельскохозяйственной академии был заведующим лабораторий НОТ и управления. Затем его перевели в поселок Тамсалу Раквереского района заместителем директора комбината хлебопродуктов. С 1977 года — директор комбината, а с августа прошлого года — новый поворот... Отмечу и сложность партийной карьеры. В 1968 году за студенческие беспорядки в сельхозакадемии, связанные с событиями в Чехословакии, Корку отказали в приеме в партию. Его, секретаря комитета комсомола Эстонской сельхозакадемии, кандидатский стаж был прерван. Он стал коммунистом позже, когда работал на комбинате. Как видите, «грехи молодости» не остались несмываемой печатью, не помешали нормально жить и работать. Однако свое появление на партийной арене Тоомас расценивает как признак перемен к лучшему. «Раньше я не соглашался со многими вещами и критиковал: «так не надо делать»,— заметил Корк.— Теперь мне своей практикой предстоит ответить на вопрос «а как надо?».

Есть ли у него программа? Конечно. Причем реализует ее вместе с соратниками, в их числе прежде всего друзья и единомышленники: председатель райисполкома Лембит Кальюве, редактор районной газеты Юрий Пейнар. Они самым активным образом взялись за оздоровление экологической обстановки в районе, ведут большую кампанию против планов Минудобрений и Минэнерго развернуть добычу фосфоритов и горючих сланцев. С помощью Верховного Совета республики удалось приостановить губительное для водных ресурсов бурение на территории района. Эти шаги предприняты в русле всенародного движения за экологически чистую Эстонию. Люди не захотели привыкать к лунным пейзажам, рубцам на земле как результату добычи полезных ископаемых открытым способом. Им небезразлично, какую воду пить, чем дышать, что придется оставить детям и внукам. Другой важнейший пункт программы также отвечает идеям Народного фронта — о хозрасчетной Эстонии. Суть проста: надо самим хозяйствовать и в республике, и в районе и отвечать за результаты самим. Это исключает иждивенчество, несправедливость. Сейчас в Раквере хорошо развивается арендный подряд, фермерство...

Но это все-таки больше тактика. А как насчет стратегии? В центре внимания — проблема демократизации политической жизни. Сидеть Корку в кабинете некогда да и не нужно, он целыми днями находится в рабочих коллективах — встречается с людьми, отвечает на их вопросы, подчас весьма острые и болезненные как для официальных версий, так и для собственного самолюбия. Людей все меньше смущают ранги и звания, они не боятся спрашивать и хотят знать правду.

«И все-таки что вы понимаете под партийной работой?» — допытывался я у него. «Прежде всего агитацию и пропаганду новых идей, для этого надо освободить райком от хозяйственных функций. Да, в экономическом отношении я принял сравнительно крепкий район, но надо ли, как и раньше, сосредоточивать силы на «подстегивании» хозяйств и предприятий? В условиях хозрасчета просто абсурдно кого-то делать «маяком», а с кого-то взыскивать. Как я могу командовать арендаторами, фермерами, кооператорами? Да и зачем? Должна работать экономика, пусть указывает, взыскивает, контролирует и «ставит на вид» рубль, партийной власти тут, по-моему, делать нечего».

Тут я весьма усомнился: на нынешнем этапе это просто идеализм! Кто же позволит первому секретарю райкома самоустраниться от решения хозяйственных задач?! Корк не растерялся, заявил решительно: «А мы попробуем! Надо же когда-то и начинать. У нас в стране никак не поймут, что движение вперед, и прежде всего в экономическом плане, невозможно без раскрепощения человека. Не принуждение, а хозяйственные условия, максимум инициативы, предприимчивости должны способствовать прогрессу. Я убежден, что партийный контроль за хозяйственниками не нужен. Под контролем должны находиться условия хозяйствования, создающие режим наибольшего благоприятствования кооператорам, арендаторам, фермерам, колхозам, совхозам и предприятиям. А это уже забота государства, точнее — Советской власти.

Выходит, он за более четкое разделение функций партийного и государственного аппаратов? Да. Мало того, отнюдь не приветствует решение о совмещении обязанностей первого секретаря и председателя райсовета. Как он считает, мы тут делаем ошибку, сохраняя за первым секретарем роль «надсмотрщика» за хозяйственной жизнью. «Нам надо, напротив, освободить его от этой роли. Но вы же не обнародуете такое мое мнение»,— заметил Тоомас не без некоторого ехидства.

Ну, что же — мы тоже попробуем. В конце концов и нам, журналистам, надо менять старый порядок, когда собственное мнение обязательно должно быть в русле официальной версии. И тогда оно перестает быть чьим-то мнением и становится «выражением всенародной поддержки»...

Замечу также, что в стратегическом плане Корк видит свое назначение в том, чтобы быть максимально доступным людям. Пусть они с ним спорят, не соглашаются, но пусть видят, что он, живой человек, не изрекает истины, а ищет совета, верного решения вместе с ними. Надо сломать стену между первыми секретарями и народом, партийные лидеры должны выйти к нему напрямую и говорить с ним на равных. Но мы еще так далеки от истинной демократии! Что это за милиция у парадных подъездов в обкомах и республиканских ЦК? Да что говорить — даже захудалая контора непременно держит на входе хмурого Аргуса! Это не внешняя атрибутика. Это красноречивая деталь нашего бытия.

Стиль работы Корка вызывает, мягко говоря, оторопь у части райкомовцев. Прием посетителей он начинает в шесть вечера, когда возвращается из района, и ведет его порой до глубокой ночи. Сам аппарат райкома сокращен на треть. Корк хотел убрать половину партийной «обслуги», но в инстанциях ему это делать не рекомендовали. Свое окружение, однако, он представляет так: у него два заместителя — по идеологии и промышленности, один советник по экономическим проблемам, в райкоме отделы — общий и оргработы, партийная комиссия, сектор учета и методический кабинет с консультантами на общественных началах. Модель такого райкома отпугивает многих своей простотой и демократизмом, но он отстаивает именно ее.

Отмечу, что и Тоомас Корк, и его программа популярны в районе. Вальдур Лийв, секретарь цеховой парторганизации колхоза имени Эдуарда Вильде, оценил первые шаги Корка как «набор высоты». «У нас чувствуется все большая раскрепощенность в мнениях, это рождает энтузиазм,— сказал он.— Надеюсь, что мы преодолеем кризис доверия к партийным органам, а для этого люди должны наконец уверовать в силу своего мнения».

Итак, несомненно возрастающее значение личности партийного руководителя в условиях перестройки. Мы мало говорим об этом, потому что привыкли к подолгу сидящим в своих креслах партийным функционерам. «Ему пять лет до пенсии осталось — пусть дотягивает»,— считают доброхоты, и их снисхождение дорого нам обходится. Вросшие в должность первые секретари, а их у нас немало, не способны не только перестроиться, но даже повернуться лицом к реальности, не всегда понятной и приятной. Партийные лидеры в большинстве своем остаются надсмотрщиками за выполнением планов. И когда мы их призываем не вмешиваться в хозяйственную деятельность, они впадают в неразрешимое противоречие.

Конечно, есть объективные факторы, способствующие уходу со сцены партийных «наместников». Один из таких факторов — время. Однако надежды на «старение» и «тихий уход» несостоятельны. Молодая, цепкая поросль аппаратчиков не видит причин для уныния — конвейер по ее воспроизводству работает в прежнем режиме и ритме. И роль личности в партийном руководстве остается важнейшей при сложившейся у нас однопартийной системе. И никакие призывы к демократизации не заставят измениться ни партийный аппарат, ни самих носителей власти.

Назрел вопрос о ротации партийных кадров как важнейшей грани демократизации нашей жизни, о притоке свежей крови, приходе к руководству новых людей — с широкими взглядами, людей, не обремененных догмами, компетентных, отсортированных волеизъявлением большинства и требованиями времени, а не являющихся «назначенно-избранными». Роль общественного мнения должна наконец возобладать над ролью партийной власти. Те, кто мешает обновлению, должны уйти. Заставить их это сделать способно не только время, но и мы сами — политикой, экономикой, собственной позицией.

И вообще кто же добровольно отказывается от власти? Правда, есть, однако, и такие, даже в наше время. Но исключение лишь подтверждает правило.

Раквереский район,
Эстонская ССР

ЛИЧНОСТ

Валерий АГРАНОВСКИЙ

Журнал «Огонек» дважды на протяжении минувших полутора лет обращался к этой нелегкой и щепетильной теме («О почестях и наградах», «О звездах, подвигах и славе», №№ 25 и 48 за 1987 год). Мы были не одиноки, критикуя наше «наградное хозяйство», хотя и понимали, что в общем перечне наиважнейших проблем, стоящих сегодня перед обществом, эта проблема далеко не из первых. Но как тут не вспомнить одесситов, которые говорят: «Наш город, конечно, не первый в мире, но и не второй!» Так или иначе, а голос общественности был услышан, и в августе 1988-го центральные газеты опубликовали текст постановления, хотелось бы добавить, ко всеобщему удовлетворению. Увы,— прошу отметить в моем тоне горечь и сожаление — добавить так не могу. Почему? Ответом на вопрос, надеюсь, и послужат предлагаемые вам, читатель, эти размышления...

ОБ ИСПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ. Напомню прежде всего: впервые в нашей стране постановлением провозглашен отказ от награждения граждан орденами в связи с их юбилеями, а также городов, областей и республик — это раз; от повторного присвоения званий Героя Труда и Героя Союза — два; и отказ от массовых награждений, «в том числе по итогам пятилеток» — три; собственно говоря, именно эти пункты составляют не столько главный, сколько видимый смысл постановления.

И что же? Не успели высохнуть, как говорится, чернила, которыми подписали закон, как буквально через несколько дней был обнародован Указ о награждении деятеля культуры — за что? Вы совершенно правы, читатель: в связи с его юбилеем, хотя в Указе говорилось только о «заслугах». Но мы уже тертые калачи, мы все понимаем, тем более что и «тертости» особой не требовалось: именно в те дни печать торжественно отметила «летие» этого деятеля.

Фамилию награжденного называть не буду, но не потому, что чего-то боюсь или редактор «не пропустит», а по другим причинам. Во-первых, читатель и без меня знает эту фамилию и может прибавить к ней с десяток — полтора новых, ведь юбилейные награды и сегодня сыплются как из рога изобилия. Во-вторых, кто-кто, а уж сам награжденный — человек достойный и, главное, не виноватый в том, что происходит открытое нарушение только что принятого закона. Наконец, в-третьих — и это уже моя личная причина,— перед каждым перечнем в газетах и журналах фамилий, долженствующих, по мнению авторов, подтверждать какой-либо негативный факт или явление, я хоть и не вижу глазами, но как бы отчетливо слышу: «позвольте доложить». Мне и в прежние времена претила в печати, не говоря уже о жизни, эта формула, и было бы странно, если б было наоборот. Никому я ничего не «докладываю» и никаких конкретных «мер» в чей-либо адрес не требую. Речь веду о другом: о привлечении пристального внимания общественности к тому печальному обстоятельству, что мы сами не умеем исполнять наши собственные правильные законы, приближая тем самым коэффициент их полезного действия к нулю.

Почему это происходит? Ответ предельно прост, по крайней мере в нашем случае: наградная машина была запущена до принятия постановления, и остановить ее оказалось не под силу практически никому. Маховики, продолжая работать в направлении, обратном сути нового закона, все гнали и гнали «продукцию», весьма красноречиво продемонстрировав технологию сопротивления. Сообразительности хватило только на то, чтобы в последний момент вычеркнуть в готовых Указах слова «в связи с летием» в наивной надежде, что этот косметический ремонт создаст видимость перемен. Общественность между тем промолчала: ни в прессе, ни по телевидению, несмотря на гласность, протеста не было, как нет его до сих пор.

К чему это привело? Полюбуйтесь, пожалуйста, как мы отказались от «массовых» наград, сделав вид, что не заметили «юбилейных»: 5 декабря 1988 года был опубликован Указ Президиума Вер-

Ь РЕШАЕТ ВСЕ!

РАЗМЫШЛЕНИЯ, ПОВОДОМ ДЛЯ КОТОРЫХ ЯВИЛОСЬ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР «О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОРЯДКА НАГРАЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ НАГРАДАМИ СССР»

ховного Совета СССР, которым «за успехи, достигнутые при сооружении Балаковской и Запорожской атомных электростанций», орденом Октябрьской Революции награждены 3 человека, Трудового Красного Знамени — 20, Дружбы народов — 25, Почета — 39, Трудовой Славы III степени — 41, медалью «За трудовую доблесть» — 65, «За трудовое отличие» — 69 человек. Если это не «массовое награждение», очень хотелось бы узнать, как трактуется слово «массовость» в том словаре, которым пользуются сотрудники наградного отдела Верховного Совета СССР, готовя на подпись указы, не говоря уже о том, как быть школьным учителям, объясняющим детям, до какой цифры надо считать «мало», а с какой начинается «много»? Ловлю себя на сарказме, но попробуйте сами задать этот вопрос, сохранив беспристрастность, на которую способны разве что иностранные наблюдатели.

Но это еще не все, теперь немного фантазии. Мы вроде бы осудили разнарядки даже в таком важном деле, как выборы народных депутатов страны. А как, позвольте спросить, с разнарядками в делах наградных? Берем для примера вышеупомянутый Указ от 5 декабря 1988 года. Предполагаю: строители двух АЭС, вычитав из Постановления, что «каждый трудовой коллектив имеет право самостоятельно возбудить соответствующее ходатайство о награждении государственными наградами» и что «кандидатуры для награждения рассматриваются на собрании трудового коллектива или его советом», так и поступили, сами определив себе и ассортимент наград, и количество кандидатов. А затем выставили перед Верховным Советом «заявку»: мол, орденов Ленина нам не надо, на такую награду у нас пока никого нет, зато дайте нам, пожалуйста, три ордена Октябрьской Революции, двадцать пять Дружбы народов, а вот на орден Трудовой Славы и именно третьей степени у нас ровно сорок один кандидат,— так, наверное? А из Верховного Совета им ответили: что ж, дорогие товарищи, это не «Жигули» какие-нибудь и не мыло со стиральным порошком, ордена у нас идут без лимита, следовательно, сколько есть достойных людей на ваших АЭС, столько наград и берите,— вам решать, коллективу! Я бы, конечно, мог и в наградной отдел обратиться за подтверждением своей версии об отсутствии разнарядок или, не поленившись, мог бы и в Балаково съездить, чтобы и с начальством поговорить, и со строителями. Но, откровенно сказать, не решаюсь: знаете, а вдруг нас объединит не только праздничность, но и некоторое неудобство...

Пишу и думаю: та ли это проблема, о которой сегодня время говорить? Вот и судите: она хоть и типично «пережиточная» — не социальная и не экономическая, кто-то бы сказал: побрякушечная,— но какой зримый атрибут прошлых лет, наглядно показывающий нам механизм перенаграждений. Чем это кончается, гадать, полагаю, не будем. Важно продолжить, а уж там — не остановишь: магнит, как известно, не только притягивает к себе иглы, но и передает им способность притягивать другие. Неужели нам мало, неужели еще не наелись?

О СЛАБОСТИ И НЕСОВЕРШЕНСТВЕ ЗАКОНА. Процедура принятия Постановления уже не сулила ничего хорошего, потому что была откровенно недемократичной: без публикации проекта и без его предварительного обсуждения. Келейно разработали закон,— с недавних пор у нас появились при высших органах власти странные «разработчики», тщательно укрытые от общественности, так что и спорить вроде не с кем, и претензии обращать не к кому,— обсудили в тиши кабинетов, там же и приняли, а затем поставили нас перед свершившимся фактом. Может в итоге получиться что-нибудь путное? Судите сами.

Надо было наводить порядок во взаимно пересекающихся статусах орденов и в их количестве, явно великом, обеспечивающем и тут стране первое место в мире, как по тракторам и комбайнам. Но авторы закона, оставив все, как есть, вдруг добавили к имеющимся новый орден «За личное мужество»,— спрашивается, зачем? По мысли учредителей, этим орденом должны награждаться граждане, проявившие мужество и отвагу «при спасении жизни людей, охране общественного порядка и социалистической собственности, в борьбе с преступностью» и т.д. А куда девать, в таком случае, орден Красной Звезды, которым и по сей день награждают за мужество и отвагу и воинов-интернационалистов, и работников милиции? Кому показалось, что милой сердцу и ничем не опороченной «звездочки» — мало?

А зачем, скажите на милость, специальным пунктом Постановления орден «Знак Почета» переименован в просто орден Почета? Какой глубокий смысл вложен в это таинственное переименование? Может невидимый автор Постановления ответить на этот вопрос хотя бы для того, чтобы избавить нас от подозрений: а не желал ли он создавать всего лишь видимость законодательной деятельности?

Теперь взгляните, как «упорядочены» почетные звания. Отныне «Народными СССР» могут быть пять категорий граждан: учителя, врачи, артисты, художники и архитекторы. Точка. Про ученых, юристов, писателей и композиторов забыли. Или сознательно не удостоили чести? Впрочем, композиторов можно, по-видимому, «пустить по актерам». Но почему тогда архитекторов, многие из которых и сегодня с гордостью носят звание «Народный художник СССР», с такой непоколебимой уверенностью отделили от «сродственников» и сделали самостоятельной группой? Я мог бы продолжить перечень нелогичностей, заложенных в Постановление, но потороплюсь к выводу: исполнять закон, когда знаешь, что он несовершенен и сам нуждается в додумывании, трудно, если вообще возможно.

Обращаю ваше внимание, читатель, и на то, как странно, хотя и привычно для нашего уха, звучит название нового закона: «О совершенствовании порядка...» Давайте, однако, спросим себя: можно ли совершенствовать то, чего нет? Не знаю, как вы, а я весьма скептически отношусь к официальным решениям, содержащим глухие формулировки типа: «улучшить», «усилить внимание», «повысить», «углубить» или «ускорить», изначально обреченным на неисполнение в силу своей абсолютной неконкретности и, я бы даже сказал, обезоруживающей безликости. У нас любят говорить: проделана «определенная» работа, в наличии «определенные» недостатки,— вам известно, как следует это понимать? Еще в детстве, помню, будучи стихийным реалистом, я пытался зримо представить себе некоторые лозунги, входящие в наше сознание, как входит нож в масло, не оставляя следа. «Выше знамя советского спорта!» — вот так и надо тянуть руку со знаменем все выше и выше, а чтоб еще выше было, становиться на цыпочки? Господи, чего только не цитировали мы в ту пору, чего не пели, совершенно не вникая, как попки, в смысл произносимых слов. «Подари мне, сокол, на прощанье саблю, вместе с острой саблей пику подари!» — вы только представьте себе: уезжает, стало быть, «сокол» на войну, и если он действительно выполнит просьбу своей возлюбленной и подарит ей «на прощанье» пику с саблей, то чем он, спрашивается, будет воевать? Но мы, молодые «винтики», всласть орали популярную песню, потому что были отучены шевелить мозгами и еще потому, что вместо сердца, как и положено винтикам, имели «пламенный мотор».

Вникать и задумываться мы стали только теперь: блаженное время, не многие, к сожалению, это ценят сегодня, а зря. Вот уже и «да здравствует» перестало безумолчно звучать с высоких трибун, тихо и незаметно растворившись в нашем страстном желании освободиться от ритуальных штампов и в нашей разумной сдержанности к руководителям: когда покажут, на что они способны реально, тогда, возможно, и провозгласим здравицу, а пока подождем. Именно по этой причине, то есть по причине того, что стала, кажется, уходить из нашей жизни абстрактность призывов и демагогическое пустословие, мы сегодня точно знаем: если проделана «определенная» работа — значит, ничего не сделано, нам просто пудрят мозги, если имеются «определенные» недостатки — значит, и сами не желают их видеть, и нам не хотят показывать. По этой же причине многие из нас готовы «углублять» только в том месте, где уже что-то вырыто, «улучшать» — где уже есть что-то хорошее, «ускорять» — где уже началось движение, «усиливать» — где уже приложены пусть небольшие, но силы. В противном случае безликость призыва делает его реализацию бессмысленной. Согласитесь, читатель, что видимость движения есть наибольшее зло из всех возможных, поскольку, маскируясь под перестройку, на самом деле ее дискредитирует. «Повышать внимание к качеству продукции» — глупость, так как внимание — не температура воздуха в помещении, его нельзя ни повысить, ни понизить, оно или есть, или его нет, и если внимание действительно есть, то и качество будет, причем без лозунгов. Ну а когда попадается такой перл бюрократического творчества, как «усилить внимание на повышение качества товаров народного потребления», что было написано в одном из высоких постановлений черным по белому, тут уж дальше ехать некуда: можно сливать воду.

Лично я отдаю безусловное предпочтение призывам ясным и конкретным: «создать», «ввести», «разрешить», «передать», «построить», «изъять», «перестроить», что, между прочим, тоже трудно выполнить из-за яростного сопротивления любителей безликих лозунгов.

О МЕХАНИЗМЕ ТОРМОЖЕНИЯ. Когда вместо полноценного шага вперед делается его половина, «недошагнутое» — и это нам следует отчетливо понимать — делается назад. Это и есть истинное торможение: не топтание на месте, как мы наивно полагаем, а именно полшага назад. Открываю Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: есть у него «перестройка»? Представьте себе: есть! «Перестроить — выстроить и отделать иначе»; обращаю ваше внимание на то, что Даль ведет речь не о латании дыр, не о косметическом ремонте, а о том именно, чтобы «выстроить», а потом еще «отделать иначе». Смотрю словарь дальше и не верю собственным глазам: **«НА ВСЯКУЮ ПЕРЕСТРОЙКУ СМЕЛО КЛАДИ ВПОЛОВИНУ БОЛЬШЕ ПРОТИВ СМЕТЫ»!** Не люблю восклицательных знаков, полагая, что вопросительные продуктивнее, но тут щедро ставлю. Потому что беда наша в том-то и заключается, что куда чаще мы поступаем ровно наоборот: «смело» вкладываем в перестройку вполовину **МЕНЬШЕ,** уповая на «улучшение», «повышение», «совершенствование» и «усиление внимания». Я слабый историк и плохо знаю, сколько революций было проиграно из-за нерешительности, непоследовательности, несмелости их устроителей.

Окинем взором минувшие три года наиболее активной, как нам кажется, перестройки: Закон о государственном предприятии оказался полушагом благодаря немедленному введению госзаказа, после чего коллективы, по сути дела, собственными руками вернули пожалованную было им финансовую и хозяйственную самостоятельность; Закон о кооперации тут же уполовинили Указом о налогах, а когда он не прошел, то Постановлением Совмина СССР, которым с завидной категоричностью и в лучших административно-командных традициях многие кооперативы были отданы под контроль государственных учреждений, после чего здоровая конкуренция с ними стала невозможной, а сама идея кооперации бессмысленной; готовим теперь правовую реформу, но уже мудрые головы думают, как укоротить ее практическое применение; добавлю сюда Закон о выборах народных депутатов СССР с парализующими его (коль понадобится) процедурными толкованиями, и идею республиканского хозрасчета, и аренду,— могу множить и множить примеры, однако прерываю себя, чтобы подвести сказанному итог: в чем мы истинно последовательны, так это в нашей вопиющей непоследовательности.

Все это приводит к тому, что механизм торможения превращает перестройку в горизонт, удаляющийся по мере приближения к нему. Зато звучат со всех сторон прекраснодушные заверения в верности идее, в чем мы удивительно быстро поднаторели, и громкие лозунги, и грозные обличения «антиперестроечников» по хорошо обкатанному принципу «держи вора!», а уж публично выданными обещаниями у нас всегда можно было мостить дороги, увы, не ведущие к храму. Когда-то Хрущев обещал народу коммунизм, причем ровно в восьмидесятом году. Мы, как заколдованные, поверили обещанию, никто в стране не посмел не поверить, даже странным это сегодня кажется. Потом выяснилось, что от того «коммунизма» не досталось каждой советской семье хотя бы по отдельной квартире. Сегодня, когда всем стало ясно, что без заботы о людях никакого светлого будущего не выстроить, поскольку не Хрущевы должны его строить, а сам народ, уже обещаны семьям всего лишь отдельные квартиры, причем ровно к двухтысячному году. Но опять эти «круглые даты»! — в них подчас больше политики, чем научно обоснованного расчета, который, как известно, не отвергая энтузиазма масс, все же молится одному богу: цифре. Вспомните, когда миновал восьмидесятый год, спросить с Хрущева за брошенное на ветер обещание

было невозможно, но спросить с кого-то все же следовало. С кого? Сакраментальный этот вопрос, как вы понимаете, обращен, конечно, не в прошлое, а в будущее: наступит двухтысячный год, подведутся итоги, и что тогда? Хоть бы сбылось обещание, а то ведь внуки скажут, что наша ответственность, мол,— это песня не только без слов, но и без музыки. Так не лучше ли уже сегодня задавать сакраментальные вопросы, как успели это сделать в связи с поворотом рек, быстро найдя и виновников, и тех, с равнодушного согласия которых чуть было не свершилось насилие над природой и обществом? Да нет, не наказаний мы жаждем, а всего лишь обоснованного, солидного подхода к обещаниям, к проводимой линии.

Оптимисты полагают, что, учитывая силы торможения, реальную отдачу от перестройки следует считать не в годах, а в пятилетках. Пессимисты же уверены, что надежнее в «поколениях»: это исполнится через два поколения, а это через три. Нам, сегодня живущим, хотелось бы верить, разумеется, оптимистам, но, как говорится, блажен, кто верует. Кстати, нынче стало модным цитировать к месту и не к месту чеховскую мысль о том, что надо выдавливать из себя раба по каплям. Нет уж, думаю я про себя, эдак мы и за тысячу лет не управимся. По мне, если действительно возрождать наше нравственное и социальное достоинство, да еще за время жизни хотя бы трех поколений, нужно, дорогие товарищи, раба из себя выдавливать не по каплям, а попробовать сразу ведрами.

Вернемся, однако, к наградам и званиям,— впрочем, разве мы так уж далеко ушли от темы, если подумать? Было б Постановление радикальнее, чем оно есть, мы бы незамедлительно увидели его действие. К сожалению, за его пределами остались некоторые принципиальные вопросы, без разрешения которых невозможно навести порядок в нашем «наградном хозяйстве».

Добавлю: и в жизни тоже.

О ТОМ, КОГО, КОГДА И ЗА ЧТО НАГРАЖДАТЬ. Относительно просто обстоят дела с премиями, которые присуждаются к точно установленным датам: Ленинская — ко дню рождения В. И. Ленина, Государственная — к ноябрьским торжествам, Нобелевская, если кого-нибудь интересует,— ко дню рождения ее учредителя, шведского изобретателя и промышленника А. Нобеля.

А как быть с нашими «бездатными» наградами?

Когда подписывать указы? И за что? Вопросы серьезные, не допускающие разных толкований, поскольку опыт показывает, что отсутствие единообразия в применении закона чревато злоупотреблениями.

Обратимся к зарубежному опыту, имеющему русский оттенок; вам сейчас станет ясно, почему я так сказал. Недавно нашу страну посетил с деловым визитом американский профессор-экономист, лауреат Нобелевской премии, иностранный член Академии наук СССР Василий Васильевич Леонтьев. Известно, что некоторое время назад он получил в Японии высший и самый почетный орден «Восходящего солнца»,— за что? В связи с окончанием работы по планированию ускоренного экономического развития страны. Ученый ЗАКОНЧИЛ РАБОТУ, это и был достойный повод для награждения. В конце концов мы тоже стремимся к тому же, по крайней мере когда выплачиваем заработок не за «просто так», а по конечному результату: это ли не веление нашего «хозрасчетного времени»? А чем лучше или хуже награда?

Недавно я обнаружил отечественную и почти идеальную в этом смысле ситуацию: листопрокатный цех Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина, пользуясь терминологией Указа Президиума Верховного Совета СССР, впервые в нашей стране ЗАКОНЧИЛ и ВНЕДРИЛ технологию горячей прокатки некоторых марок стали и ОРГАНИЗОВАЛ производство холоднокатаной ленты, за что и был отмечен наградами. Причем, весьма скромно: орден Трудовой Славы I степени получил один человек, орден Трудового Красного Знамени — один человек, медали «За трудовую доблесть» — один и «За трудовое отличие» — два человека. Все! Люди сделали ДЕЛО, повторяю: СДЕЛАЛИ — вот вам критерий, вот точка отсчета. Обошлось и без юбилеев, и без массовых вручений наград. А вы представляете, какой бы рекой полились награды лет десять назад, сколько стоящих вокруг «с ложками» отхватили бы себе по ордену?

И еще случай, с одной стороны, вселяющий надежду, с другой — ее «выселяющий»: совсем недавно группа участников операции «Гром» была отмечена государственными наградами. В их числе учительница Наталья Ефимова, кажется, одной из первых в стране и вполне заслуженно получила орден «За личное мужество». Полковник Евгений Шереметьев, который, рискуя жизнью, добровольно отдал себя в заложники бандитам, захватившим в Орджоникидзе самолет с детьми, награжден орденом Красного Знамени. Не буду касаться все той же путаницы в статусах орденов, и тут проявившейся. Скажу о главном. Указ принят по совершенно конкретному поводу, и это вселяет надежду: порядок в наградном производстве возможен. Имело место событие, было героическое ДЕЛО и, кроме того, блестящий результат: спасены тридцать детских жизней, не потеряна ни одна взрослая,— критерий для награждения, таким образом, четко определен самой жизнью.

Что же смущает меня в Указе и, заранее предскажу, сейчас смутит и читателя? Увы, рецидив старой болезни: наградодатель, натянув, образно говоря, оказавшееся коротким одеяло на «дело», оголил невзначай отвергнутую Постановлением «массовость». И вот что получилось из тришкиного кафтана: двадцать семь человек получили ордена и медали за операцию «Гром»! Среди них, как мотивировано самим Указом, «проявившие мужество и отвагу» секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС, секретарь Минераловодского горкома КПСС, руководитель консульской группы МИДа в государстве Израиль, ответственный сотрудник Прокуратуры РСФСР, многочисленные работники гражданской авиации и несколько старших офицеров МВД во главе с генералом. Нет спора: в отличие от тех головотяпов, которые преступным образом не сумели разобраться в ситуации, возникшей при попытке угона самолета Овечкиными, участники операции «Гром» поступили разумно, нормально и грамотно,— но не более того. Возможно, некоторым из них понадобилось проявить при этом известное гражданское мужество, но чтобы — отвагу?! Надеюсь, вы согласитесь со мной, читатель: неразборчивость и щедрость при раздаче орденов еще никогда не стимулировали к повторению аналогичных поступков, чаще наоборот — развращали: пора бы нам вынести этот печальный урок из недавнего прошлого. Так или иначе, но, пожалуй, хватит с нас невнятных «больших заслуг», «устойчивых урожаев» и «выдающихся производственных достижений», приносящих относительно малому количеству людей почести, награды и привилегии, а всему народу то, что мы вот уже три года энергично расхлебываем и все никак не можем расхлебать.

В нашей печати уже публиковались цифры замечательных «побед», самую малую часть из которых я намерен сейчас привести исключительно для того, чтобы сделать затем предложение, вряд ли способное удивить читателя. Итак, в 1985 году потребление мяса на душу населения составляло у нас в стране 62 килограмма (как заметила одна домохозяйка, с костями и бумагой), а в США — 120 килограммов, то есть в два раза больше. Про остальные продукты питания говорить не хочется, тут положение наше просто унизительное, особенно в их доступности. (По данным Отто Лациса, 35 миллионов человек ежедневно «работают» у нас в очередях, «зато,— не без горького юмора комментирует это обстоятельство Андрей Нуйкин,— в стране нет безработицы!») По товарам массового потребительского спроса, таким, как одежда, обувь, электроприборы, о качестве которых даже заикаться нет смысла, доступность в СССР в 10—20 раз ниже, чем в продолжающих загнивать Штатах. В докладе на недавнем Пленуме ЦК КПСС, посвященном аграрной политике, было сказано, что «дефицит продовольствия создает социальную напряженность, вызывает не просто нарекания, а уже недовольство людей». Хоть и прошли с 1985 года четыре десятка месяцев перестройки, и кооперация начала действовать, и аренда поднимает голову, но все же рискованно сравнивать с «их-ней» и нашу технологию, и бытовые услуги, и здравоохранение, и уровень компьютеризации,— я далеко не все перечислил из того, что просится в перечисление, но не хочу больше сыпать соль на все еще не заживающие раны нашего общественного достоинства.

Коли так, разве не правомочен вопрос: ДО ОРДЕНОВ ЛИ НАМ СЕГОДНЯ? Не стоит ли вообще с ними повременить?

Неужели минувшие десятилетия звонкого бренчания на тысячах пиджаков всяческими наградами не подвели нас к простому выводу: нет, не «работают» ордена в качестве стимула, не желают «работать». Ныне даже деньги уже не стимул, потому что они не обеспечены товарной массой, мы давно и хронически не способны прикрыть товаром денежные закрома. Люди «гибнут» не за «металл» а за право внеочередной покупки. Что же касается стимула, то он начал сегодня постепенно перемещаться из материальной сферы в социально-нравственную: нет большей мечты у нормального человека, чем стать наконец хозяином собственной жизни. Это очень точно и последовательно формулируют многие умные люди, не уставая с самых высоких трибун реанимировать лозунги, рожденные еще Октябрем: «Фабрики — рабочим!», «Землю — крестьянам!», «Власть —

Продолжение на стр. 21.

ПАЛИТРА

КОЛЛЕКЦИОНЕР ЛЮДВИГ

ЕЖЕГОДНО СОТНИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ УВОЗЯТ ИЗ НАШЕЙ СТРАНЫ ЗАПАДНЫЕ КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ, ИЗДАТЕЛИ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРЕСТИЖНЫХ ГАЛЕРЕЙ. И ЕСТЕСТВЕННО НАШЕ ЖЕЛАНИЕ УЗНАТЬ: КТО ЭТИ ЛЮДИ, ЧТО ИМИ ДВИЖЕТ, КАКИЕ ЦЕЛИ ОНИ ПРЕСЛЕДУЮТ. ЗНАКОМЬТЕСЬ: ОДИН ИЗ КРУПНЕЙШИХ СОБИРАТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ ЖИВОПИСИ ПЕТЕР ЛЮДВИГ.

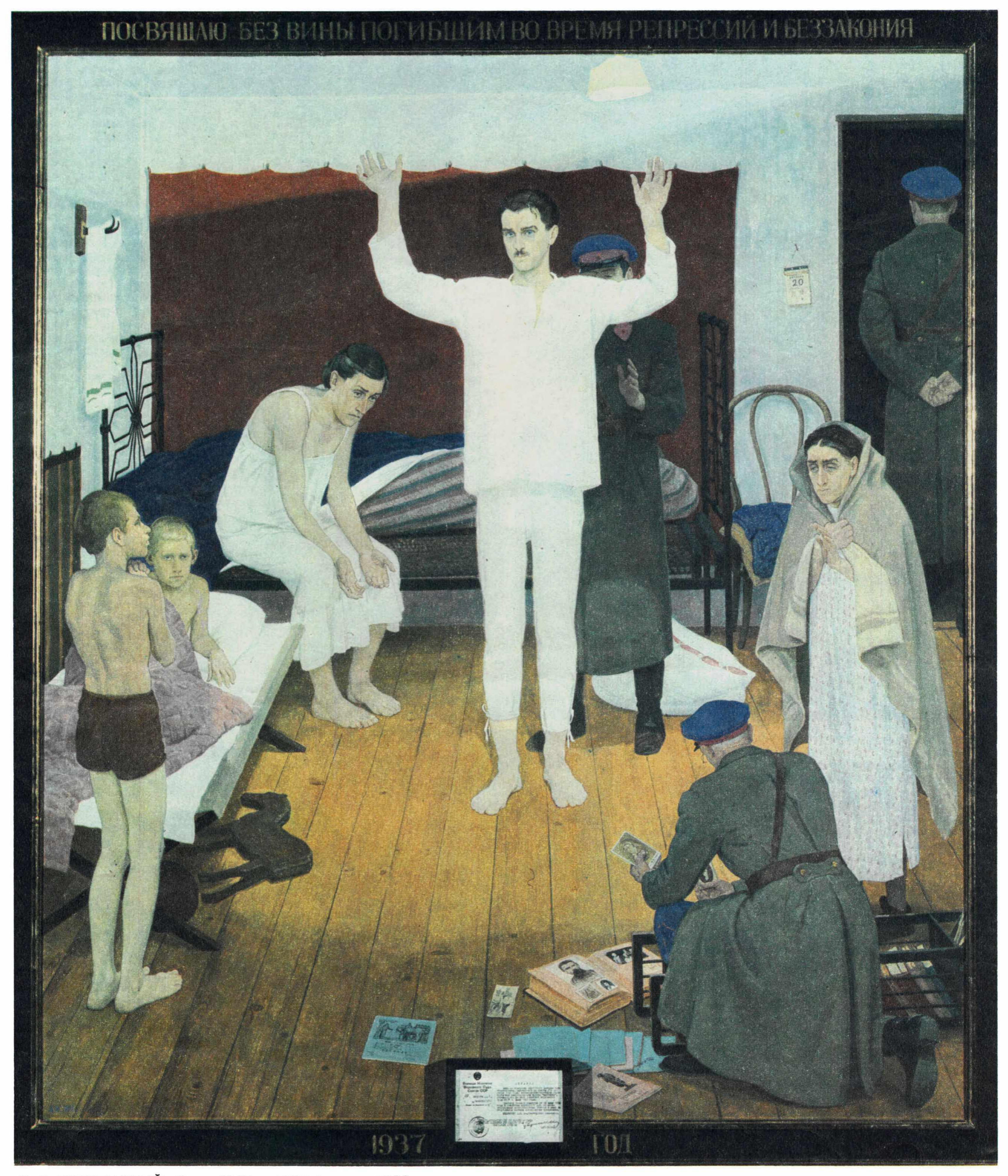
В пятидесятых годах молодой философ и искусствовед Петер Людвиг женился на дочери главы шоколадной компании Ван Гутена. Сегодня Людвиг известен в мире не как шоколадный магнат, а как знаменитый коллекционер и знаток искусства, меценат общественных галерей и основатель уникального по своей экспозиции музея современного искусства в Кёльне. Международный опрос, проведенный несколько лет назад службой информации, показал, что наибольшее влияние на сегодняшнюю ситуацию в искусстве оказывает именно он, Петер Людвиг. Дело в том, что Людвиг и его жена собирают произведения искусства не для себя лично, а чтобы предоставлять затем их в распоряжение людей.

— Все художественное достояние, которым располагаем мы с женой,— говорит профессор Людвиг,— постепенно перейдет общественности. Это уже твердо решено и даже отмечено нами в завещании.

Коллекция Людвига обширна — античное искусство, средневековые произведения, раскопки доколумбовского периода, классический и современный модерн... Но почти все эти произведения размещены, приняты на хранение и на научную обработку многими европейскими музеями. Кстати, Людвиг был первым, кто показал Европе американский поп-арт, фотореализм, современное искусство ФРГ...

А сам он оценивает свою деятельность весьма скромно:

— Я всего лишь человек, и силы мои ограничены. Но нам с женой очень хотелось заполнить те пробелы в информации о современном искусстве, которые, мне кажется, существовали слишком долго... В наших действиях я вижу нечто миссионерское... Ведь мы идем по этому пути не ради аплодисментов сегодняшнего дня. Мне кажется, мы служим святому делу — сделать большое искусство доступным людям, чтобы различные народы и культуры ближе познакомились друг с другом.

Д. Д. ЖИЛИНСКИЙ. Род. 1927. «1937-й год». 1986.

Д. Д. ЖИЛИНСКИЙ.
Род. 1927.
АДАМ И ЕВА. 1979.

А. Г. СИТНИКОВ.
Род. 1945.
СОН. 1983.

Откуда в солидном бизнесмене столько альтруизма? Практически все, что он получает как предприниматель, он раздает как меценат...

Людвиг объясняет мотивы своих поступков очень просто:

— Когда у тебя есть какой-то дар, нужно поделиться им с обществом. Если вы отличный спортсмен, то вы постараетесь завоевать для своей страны олимпийские медали. Если вы хороший пианист, то вы будете играть для людей. А если вы имеете только достаток, то предложить его обществу — ваш долг.

Свой долг он увидел и в том, чтобы показать западному зрителю искусство огромной, но малознакомой ему страны. Верный своему принципу «закрывать бреши», он решил создать уникальную коллекцию, охватывающую все стили и направления советского искусства с начала века до наших дней.

Почетный доктор философских наук, искусствовед, профессор, Петер Людвиг впервые приехал в нашу страну в 1979 году.

— Эта поездка,— рассказывает он,— стала переломным моментом в нашей жизни. Сегодня большая часть мира является коммунистической. Это сотни миллионов людей... И у них есть свое искусство, которое для нас явилось откровением. С тех пор, устраивая экспозиции, пытаемся убедить своих сограждан, что искусство существует не только в нашей общественной системе...

За первые три года Людвиг приобрел свыше 100 живописных полотен, 300 графических листов и скульптур современных советских художников. Они были показаны в здании Кёльнского городского музея. Выставка называлась: «Аспекты советского искусства современности». Людвига обвинили в тщеславии коллекционера-дилетанта (он осмелился заявить, что эти произведения — работы Д. Жилинского, И. Обросова, П. Никонова, Т. Назаренко и других — имеют музейную ценность); упрекали, что в экспозиции нет работ диссидентов (одни только «официальные» художники)...

— На меня обижались потому, что я мало покупал и мало показывал работы диссидентов. Но ведь моя задача не демонстрировать свои политические взгляды, а показывать искусство.

Сегодня в Западной Европе его коллекция — самая крупная и полная коллекция советского совре-

Продолжение на вкл. IV

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ В 1927 ГОДУ

В. Д. ТОПОЛЯНСКИЙ, кандидат медицинских наук

Декабрь 1927 года принес в Москву вместе с морозами и метелями какое-то неясное ожидание и неопределенное беспокойство — смутное чувство, названное впоследствии психиатрами свободно плавающей тревогой. Многоснежная зима лепила в пасмурном городе синеватые сугробы. Поезда опаздывали почти на двое суток из-за снежных заносов, но XV съезд ВКП(б) открылся в назначенный срок 2 декабря.

В своем докладе Сталин потребовал от оппозиции «заклеймить ошибки, ею совершенные, ошибки, превратившиеся в преступление против партии», угрожая в противном случае исключением из партии; а через несколько дней произнес свой знаменитый монолог о политической тележке, из которой выпадает тот, кто не может удержать равновесие на крутых поворотах. «Когда я критикую,— по существу отвечал ему Муралов,— это значит, что я критикую свою партию, свои действия и критикую в интересах дела, а не ради подхалимства». Оппозиция говорила о «неслыханных репрессиях» по отношению к старым членам партии, не раз доказавшим свою преданность революции, и обвиняла ОГПУ во вмешательстве в политическую внутрипартийную борьбу. В воскресенье 18 декабря пресса сообщила о награждении орденом Красного Знамени ряда известных чекистов, и в первую очередь заместителя председателя ОГПУ Ягоду, «проявившего в самое трудное для Советского государства время редкую энергию, распорядительность, самоотверженность в деле борьбы с контрреволюцией».

В такой обстановке 17 декабря в Москве собрался I Всесоюзный съезд невропатологов и психиатров. Почетными председателями съезда были избраны Бехтерев, Минор и Россолимо. С 18 декабря ежедневно с 9 до 14 часов делегаты слушали программные доклады; с 16 до 19 часов проходили прения по обсуждаемой теме. В последний день съезда, 23 декабря, утром состоялись секционные заседания; в 16 часов делегаты утвердили резолюции съезда. На следующий день, в субботу, должен был приступить к работе под председательством Бехтерева I Всесоюзный педологический съезд, но в воскресенье газеты объявили, что он начнется во вторник, 27 декабря.

В тот год еще отмечались рождественские праздники; поэтому 25 и 26 декабря магазины, почтамт и его городские отделения были закрыты, доставлялась лишь спешная корреспонденция. Тем не менее уже рано утром 25 декабря в Москве и Ленинграде узнали о внезапной загадочной кончине академика Бехтерева. Слухи распылялись, клубились, расцвечивались новыми подробностями. Утомленные всей предшествующей информацией утренние газеты отдыхали до среды, но вечерние, проскочившие во вторник 27 декабря, успели выплеснуть на свои страницы обрывки бесценных сведений. С этого момента слухи стали постепенно кристаллизоваться в легенду, бережно передаваемую от одного поколения врачей другому, а своеобразная хроника рождественской сенсации 1927 года прочно осела в подшивках газет и журналов.

* * *

В этот приезд в Москву Бехтерев остановился, как обычно, на квартире известного гинеколога Благоволина в Дурновском переулке рядом с Собачьей площадкой. Утром 23 декабря он был совершенно здоров и делился с окружающими научными планами. Днем участвовал в работе съезда, выступил с докладом о коллективной психотерапии при алкоголизме, сразу после заседания осмотрел лаборатории Института психопрофилактики, а вечером поехал в Малый театр на спектакль «Любовь Яровая».

Сразу же по возвращении домой у него началась рвота. Утром был вызван профессор Бурмин, определивший желудочное заболевание. В течение дня самочувствие несколько улучшилось, но в 19 часов пришлось вновь обращаться за врачебной помощью в связи с резким утяжелением его состояния. На этот раз вместе с Бурминым приехал профессор Шервинский. Кроме них, у постели больного оказались еще два врача — Константиновский и Клименков (обе фамилии привела «Вечерняя Москва», в остальных репортажах Клименков фигурировал под псевдонимом «и др.»). Состоявшийся консилиум подтвердил диагноз острого желудочно-кишечного заболевания и установил ослабление сердечной деятельности. Вслед за этим профессора уехали, а оба врача остались и отметили у больного сначала помрачение, а затем потерю сознания, расстройство дыхания и коллапс. Больному проводили искусственное дыхание и впрыскивали камфару. В 23 часа 45 минут была констатирована смерть, наступившая, по заключению врачей, от паралича сердца.

Всю ночь у тела Бехтерева дежурили его вдова, член ВЦИК Рейн, названный близким другом покойного, и все те же два врача. Утром 25 декабря состоялось совещание московской профессуры с участием Россолимо, Минора, Абрикосова, Крамера, Шервинского, Бурмина, Гиляровского и Кроля. Не исключено, что на нем присутствовали оба врача, не отходившие от Бехтерева до и после его смерти, но уже под именем «представителей Наркомздрава». Совещание постановило исполнить волю покойного о передаче его мозга в Ленинградский институт по изучению мозга. Днем Абрикосов вскрыл череп умершего, извлек его мозг, весивший значительно больше, чем предполагалось, отправил его на временное хранение в Патологоанатомический институт 1-го МГУ, а в тело ввел формалин.

После этого у гроба Бехтерева постоянно несли почетный караул его друзья, ученики, студенты. Утром 26 декабря в Москву прибыли вызванные телеграммой дети покойного. Торжественный церемониал похорон 27 декабря был расписан по часам. Через 3 часа после кремации урна с его прахом и мозг были доставлены на Октябрьский вокзал и отправлены в Ленинград. Похороны снимали на кинопленку; в газетах напечатали выдержки из траурных выступлений Калинина, Семашко, Луначарского, Вышинского.

Вся эта скудная информация кажется на первый взгляд несколько сумбурной и нарочито запутанной.

* * *

Современники были потрясены внезапностью его кончины. Человек богатырского здоровья и невероятной энергии, о котором в профессорских кругах говорили «неутомим, как Бехтерев», всемирно известный ученый, работавший без развлечений и домашнего отдыха по 18 часов в сутки, вдруг погибает от «случайного» желудочно-кишечного заболевания и даже не в больнице, а в чужом доме. «В нем поражала прежде всего его молодость, как это ни звучит парадоксально, если вспомнить его возраст — 70 лет, подвижность, свежесть мыслей и планов» (Луначарский).

Начало его заболевания связано как будто с посещением Малого театра. Упоминание об осмотре Бехтеревым театрального музея промелькнуло только в вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты». Ее корреспонденты, узнав о случившемся, имели возможность обратиться к московским коллегам и вернувшимся в Ленинград делегатам съезда невропатологов и психиатров. Поскольку в «Вечерней Москве» эта информация отсутствует, дать ее мог лишь кто-то из участников съезда. Напрашивается вывод: по окончании съезда часть делегатов получает билеты на достаточно нашумевший спектакль, и один из них присутствует при том, как Бехтерева приглашают в музей. Какими же экспонатами его туда заманили? Народная артистка СССР Е. Н. Гоголева рассказывает мне: «В 1927 году «Любовь Яровая» делала полные сборы. В Ленинграде ее не ставили, и интерес Бехтерева к спектаклю вполне понятен. Представление началось в 7 часов 30 минут и заканчивалось не позднее 11 часов вечера. Небольшой музей театра находился высоко, под чердачным помещением, и смотреть там в те годы было практически нечего. Актеры в нем не бывали. Очень странно, что Бехтерева туда пригласили. Проводить его наверх и показать музей могли три человека, но по окончании спектакля это должен был сделать скорее всего сам директор театра. Пока гость осматривал музей, в кабинете директора (на первом этаже у выхода из театра) могли подготовить что-то типа импровизированного приема — например, чай с пирожными. Думаю, что директор, человек хлебосольный, знающий, как встречать почетного гостя, просто не мог поступить иначе».

Теперь можно произвести приблизительный расчет времени: спектакль заканчивается примерно в 23 часа, не менее 30 минут потрачено на посещение музея и никем не замеченный прием в кабинете директора; 15—20 минут необходимы, чтобы доехать на извозчике от Малого театра до Собачьей площадки, и около 24 часов Бехтерев входит в свою комнату. Определенные неприятные ощущения он испытывает, очевидно, еще по дороге, поскольку рвота возникает у него сразу же по возвращении домой. В этой ситуации рвоту приходится связывать с неизвестным угощением в театре. Тем не менее ночь он проводит относительно спокойно (иначе жена вызвала бы «Скорую помощь» или хотя бы разбудила хозяина квартиры). Утром же в доме появляется Бурмин. Здесь стоит выслушать М. С. Благоволину — дочь видного московского врача, на квартире которого жил в те дни Бехтерев:

«Профессор Бехтерев с женой бывали в Москве почти каждый месяц и всегда останавливались в нашем доме. Для него освобождали столовую, и, пока он там жил, ни мы, дети, ни наши родители в эту комнату не входили; поэтому узнать о болезни профессора

наша семья могла только от его жены. Скорее всего именно она позвонила в поликлинику ЦЕКУБУ с просьбой прислать врача на дом. Если бы врача вызывал мой отец, он обратился бы, как обычно, к своему давнему другу, доктору Л. Г. Левину, лечившему нашу семью. Из поликлиники же прислали Д. А. Бурмина, которого в нашей семье считали хорошим клиницистом».

В поликлинике ЦЕКУБУ, организованной для научных работников в Гагаринском переулке, в 1927 году прием ведут такие известные терапевты, как Зеленин, Кончаловский, Плетнев, Фромгольд. Может быть, визит Бурмина — случайность? Но в это субботнее утро он должен находиться в своей клинике на Страстном бульваре. Приходится думать, что в поликлинике сочли целесообразным именно его направить к заболевшему Бехтереву. Дальнейшая схема поведения Бурмина вполне понятна: надо выслушать взволнованный рассказ энергичной жены академика, расспросить и осмотреть его самого, объяснить рвоту острым гастритом (наверное, съел вчера что-то не совсем свежее), перевести этот термин на будничный язык как «заболевание желудка» (специально для жены больного), посоветовать покой, диету и минеральные воды, выписать рецепт на микстуру или настойку и дать обещание прислать своих врачей для постоянного наблюдения за пациентом и при необходимости оказания экстренной помощи.

У постели больного собирается консилиум, и снова звучит по меньшей мере странный диагноз: «желудочно-кишечное заболевание».

Профессор Московского университета, свыше 30 лет занимающийся врачебной деятельностью, Бурмин просто не может выставить подобный, даже не фельдшерский, а просто обывательский диагноз. Тем более не может этого сделать профессор В. Д. Шервинский — признанный глава московских терапевтов, в те годы председатель Московского и Всесоюзного терапевтических обществ. Несмотря на то, что он с 1911 года не занимается непосредственной клинической работой, а выступает лишь в качестве консультанта, давно изучает проблемы эндокринологии и наследственности и не интересуется неотложными состояниями, Шервинский полностью сохраняет в свои почти 80 лет четкость мышления и способность к точным диагностическим формулировкам. Ясно, что в данной ситуации Бурмин использует его авторитет как собственное прикрытие. Не вызывает сомнений также, что врачебная оценка состояния больного, высказанная Шервинским, отличается от непрофессиональных описаний в газетах.

Приходится опять обратиться к репортажу «Вечерней Москвы», где сказано: «Дежурившие у постели больного до самого момента смерти врачи Константиновский и Клименков сообщили нашему сотруднику следующее...» Далее изложена короткая история заболевания Бехтерева, и именно этот текст, но уже без ссылки на его авторов, повторяется во всех остальных газетах. Еще одна интересная деталь. В беседе с корреспондентом Константиновский и Клименков обронили, что после того, как в 19 часов состояние больного резко ухудшилось, «немедленно были вызваны профессора Шервинский и Бурмин».

Бурмин должен был представить Шервинскому этих врачей как своих сотрудников, но ни в его клинике, ни в поликлинике ЦЕКУБУ они не работали. Согласно «Списку врачей СССР», опубликованному в 1925 году, Е. Г. Константиновский, 1885 года рождения, окончил медицинский факультет в 1915 году и специализировался по внутренним и венерическим болезням. Однако в аналогичных дореволюционных изданиях его фамилия не значится.

Не меньший интерес вызывает анализ справочника «Вся Москва», где указаны адреса руководителей и квалифицированных работников на основании сведений, представленных соответствующими учреждениями, организациями, предприятиями или ассоциациями (в категорию «квалифицированных работников» включены все лица, получившие высшее образование и занимавшие какую-либо должность в любом учреждении). В 1923 и 1924 годах Константиновский никаких должностей не занимает, в 1925-м — трудится в Губпартшколе, в 1927-м — переходит в управление московскими зрелищными предприятиями, а в 1929-м — вдруг становится невропатологом и психофизиологом в какой-то лаборатории (в справочнике отсутствует) Главнауки и Обществе по изучению советского зрелища.

И. Д. Клименков впервые появляется в качестве врача в справочнике «Вся Москва на 1928 год», но места работы при этом еще не имеет. На следующий год его фамилия меняется на Клименко, и он как будто получает должность терапевта в больнице имени Бабухина, но в список «квалифицированных работников» больницы не попадает.

Даже такое простое перечисление отдельных биографических данных показывает, что оба врача никак не могли оказать Бехтереву подлинную медицинскую помощь. Кроме того, не сообщать действительное место службы своих «квалифицированных работников» могла в те годы лишь одна организация — ГПУ.

Но пора вернуться в дом у Собачьей площадки. Состояние Бехтерева быстро ухудшается. Не исключено, что на самом деле он умирает в 22 часа 40 минут, когда пульс у него больше не прощупывается. Но смерть констатируют в 23 часа 45 минут, и в прессу не успевает просочиться соответствующая информация. Зато через три дня газеты доведут до сведения читателя принадлежащее тем же двум врачам заключение о причине смерти Бехтерева: «паралич сердца».

Ночь перед Рождеством продолжается. У тела Бехтерева сидит женщина, только что ставшая его вдовой. Тут же в комнате находится член ВЦИК Р. П. Рейн, названный газетой близким другом покойного. Что связывает 70-летнего академика с 40-летним профессиональным революционером, участником вооруженного восстания под Ригой в 1905 году, заместителем председателя (М. И. Калинина) Всероссийского комитета помощи инвалидам войны? Помимо них, несут вахту два сомнительных врача.

Здесь присутствуют лечащий врач Бехтерева Бурмин и консультант Шервинский, знаменитый патологоанатом А. И. Абрикосов, четверо невропатологов — В. В. Крамер, М. Б. Кроль, Л. С. Минор, Г. И. Россолимо и психиатр В. А. Гиляровский. Газеты называют их видными или самыми видными представителями московской медицины или медицинского мира вообще. Но такую оценку вправе давать лишь сами врачи, избравшие Бехтерева, Минора и Россолимо председателями съезда невропатологов и психиатров, а Кроля и Гиляровского — в президиум. Однако Крамер в президиум съезда не выдвинут и по меркам 1927 года считаться «виднейшим представителем медицины» не может. Зато известные всей стране ученики Бехтерева (М. И. Аствацатуров, Р. Я. Голант, В. П. Осипов, П. А. Останков и др.) на совещание не приглашены. Нельзя рассматривать собравшихся и только как представителей московской медицины, поскольку Кроль уже свыше трех лет возглавляет кафедру нервных болезней в Минске. Следовательно, присутствующие объединены по какому-то иному принципу, и состав совещания утвержден в других, совсем не медицинских инстанциях. Остается добавить лишь, что большинство собравшихся консультирует в Лечсанупре Кремля или медицинской системе ЦЕКУБУ; Крамер, Кроль и Россолимо принимали участие в лечении Ленина, Абрикосов производил вскрытие его тела. Таким образом, все присутствующие на совещании должны пройти соответствующую проверку, и благонадежность их, с точки зрения ГПУ, в тот момент сомнений не вызывает.

Само по себе такое совещание выглядит достаточно странным, но еще более неожиданно его решение, ссылающееся на «последнюю волю покойного»: патологоанатомическое исследование не производить, тело кремировать, а мозг передать созданному Бехтеревым институту в Ленинграде. После этого совершается акт совершенно беспрецедентный. Тут же, на квартире, Абрикосов вскрывает череп Бехтерева, извлекает его мозг и увозит на временное хранение в Патологоанатомический институт. Относительная масса мозга оказывается значительно больше средней, что можно объяснить сейчас его отеком.

В действительности это решение и последующая кремация полностью противоречат не только существовавшему и в те годы положению, требующему обязательного судебно-медицинского вскрытия во всех случаях скоропостижной смерти (тем более от неизвестной причины), но и научному завещанию Бехтерева, недвусмысленно сформулированному в его статьях, опубликованных в июле и ноябре 1927 года. Против кремации выступают также родственники погибшего, за исключением его жены. Но, как бы предвидя подобное возражение, сам Бехтерев подчеркивает: «Предубежденным родственникам необходимо сказать прямо, что... они не имеют права не допускать вскрытия мозга и тела вообще, ибо это противодействует развитию науки о происхождении таланта и гения, властям же следовало бы декретировать беспрепятственное вскрытие умерших знаменитостей...»

Таким образом, директивные инстанции, собравшие совещание профессоров, явно опасаются результатов вскрытия. Но убедить в необходимости кремации без судебно-медицинского исследования Шервинского, Минора и особенно Россолимо, всегда отличавшегося прямотой, безукоризненной честностью и выраженным «нежеланием гнуть спину перед начальством», можно лишь одним способом — предъявлением нового завещания, подписанного самим Бехтеревым. Вот для чего потребовалось, очевидно, ночное бдение двух сомнительных врачей: нужно изготовить это завещание и, главное, вынудить вдову академика представить его как «последнюю волю» умершего.

И последний вопрос: отчего же умер Бехтерев? Столь откровенное стремление избежать вскрытия заставляет думать о насильственном характере смерти.

Попробуем выстроить версию.

* * *

В 1922 году невропатолог Крамер становится одним из основных лечащих врачей Ленина. В марте 1923 года у Ленина возникает повторный инсульт, после чего состояние его расценивают как крайне тяжелое, а прогноз жизни — неблагоприятный. Крамер предлагает собрать развернутый консилиум с участием Бехтерева. В мае Бехтерев обследует Ленина в течение трех дней, дает определенные советы и рекомендует привлечь к лечению нескольких врачей, в том числе своего ученика Осипова. Вторично Бехтерев консультирует Ленина в ноябре и отмечает заметное улучшение его состояния. Предупредить катастрофу 21 января 1924 года ни он, ни другие профессора уже не в силах, но точность и тонкость его диагностики производит на Крамера неизгладимое впечатление.

В 1927 году Крамер, сотрудник кафедры нервных болезней 2-го МГУ и одновременно директор поликлиники ЦЕКУБУ, осматривает Сталина по поводу развивающейся атрофии мышц левой руки. Диагностические сложности и особая ответственность за любые промахи в лечении побуждают Крамера предложить консультацию Бехтерева. Сталин колеблется, но в середине декабря все-таки дает согласие. Тогда Крамер отправляет Бехтереву телеграмму с просьбой позвонить по приезде в Москву.

Несколько дней каждый из них занят своими делами. За это время намечаются наиболее приемлемые сроки консультации — 22 и 23 декабря во второй половине дня. Не исключено, что Бехтерев осматривает Сталина дважды, но 23 декабря он имеет для этого не менее трех часов. Как протекает беседа прославленного врача и крайне трудного пациента, наверное, никогда не узнать. Но можно утверждать, что Бехтерев — блестящий психотерапевт — при больном произносит лишь слова ободрения. Свой ошеломляющий психиатрический диагноз «паранойя» он сообщает только врачу, пригласившему его на консультацию, и уезжает в театр.

Неизвестно, каким образом Сталину удается услышать заключение Бехтерева. Но с этого мгновения Бехтерев обречен, а его диагноз причислен к разряду государственных тайн. Ярость Сталина усугубляется отчетливым пониманием того, насколько взрывоопасна (особенно сейчас, при уже начатом повороте политической тележки) эта информация в руках участников оппозиции, а Бехтерев — член Ленинградского Совета — вполне способен поделиться ею с Зиновьевым.

Исполнители сталинской воли вынуждены очень спешить. Операцию проводят по окончании спектакля. Расчет построен на применении одного из распространенных лекарственных средств, обладающих снотворным действием и высокой токсичностью в сравнительно малых дозах; тогда наступившую во сне смерть можно объяснить «параличом сердца». Этим требованиям отвечают, в частности, препараты группы опия. Однако вскоре после отравления у Бехтерева возникает рвота; при этом из организма удаляется значительная часть яда и происходит самоизлечение.

Что же испытывают участники неудавшегося покушения — растерянность, жгучую тревогу, ужас при мысли о гневе вождя? Операцию приходится разрабатывать заново. Еще одна осечка означает ликвидацию самих исполнителей.

Вечером в комнате Бехтерева появляются странные врачи. Кто их прислал: Крамер или Бурмин, поликлиника ЦЕКУБУ или Лечсанупр Кремля? Принесенными с собой снадобьями они подменяют лекарство, уже полученное в аптеке. Больной в очередной раз принимает якобы необходимую настойку. Через 30—40 минут после этого его жена вновь обращается в поликлинику.

После смерти академика псевдоврачи не только подделывают завещание и заметают следы, но также проверяют и на всякий случай изымают заметки Бехтерева за последние дни. Этого занятия им вполне хватает на всю ночь — покойный всегда возит с собой пару чемоданов, набитых рукописями. И все-таки журналисты из вечерних газет успевают спутать карты, отчего на всем этом декабрьском детективе остается налет какой-то торопливости и неорганизованности.

* * *

В этой версии, как и в любой другой, не хватает ряда звеньев. Восполнить эти пробелы могли бы только давно арестованные архивные материалы. В ЦГАЛИ сохранились, например, отчаянные обращения С. О. Грузенберга — верного друга Бехтерева, юриста и философа, погибшего в 1938 году, в редакции журналов с предложением опубликовать исчерпывающую биографию крупнейшего ученого страны. Основанная на неизданных автобиографи-

Окончание на стр. 27.

ПРОВИНЦИЯ

Москва — Новомосковск

Александр ТЕРЕХОВ,
фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Новомосковск Тульской области. Молодой, беспамятный, как многое в нашей новейшей истории. Бобрики — Сталиногорск — Новомосковск. Эпоха!

СЛЕДЫ ОТ САНОК — ПРОЛОГ

Сколько буду жить, буду завидовать людям, которые видят обратную сторону Луны.

Жизнь реальная и грубая тащит этих людей за собой, как огромная баржа, а они что-то видят свое в этой жизни, только своё и укладывают этот кусочек жизни в свои саночки, тащат их за собой. После всех остается широкий, ровный след все приминающей баржи. После них — крохотный, тонкий, но нестираемый — след их саночек.

Его зовут Сергей. Фамилия — Андреев.

Он нашел этот мир, ну, вы знаете, где это место, где «Тихий Дон», совхоз, сразу за городом, там пруд, из него — ручеек и овражек еще там. Он глянул: батюшки! — склон оврага сохранил в себе процентов семьдесят изначального сообщества. Чуть повыше по склону качался под ветром шалфей и неслышно звенели колокольчики, рос василисник, чуть пониже грустили кукушкины слезки и виднелся погремок и воинственный шлемник копьелистный. Одних васильков три вида — с красными цветами! Словно зеленый, серебренный солнцем сон в задыхающейся соловьиной капели... У самого города. В округе — безликие поля: татарник да крапива.

Андреев побежал во Дворец пионеров. Интересно, сказали ему.

Андреев побежал в Общество охраны природы. Посмотрим, сказали ему.

Тут его судьба швырнула в Монголию. Вернулся через три года. Пришел на это место: овраг, пруд, ручеек.

Вывеска «Садовый кооператив «Лешки». Дед траву косит. Растет картошка. Все.

Это была совсем небольшая краюха земли. Картошки можно было посадить, ну... ведра два. Не больше.

Кто знает, может быть, сейчас на карте бытия кто-то держит ногтем сверкающую капельку нашей Земли и шепчет, потея: «Ну... ведра два кинем, да? Или... нет, не влезет больше».

Счастье на то и счастье, что его немного. Оно всегда на костях тех, кому не досталось. Было бы всем — уже не счастье, уже талоны на сахар. Но этот зеленый, серебряный сон мог стать счастьем для всех. Которое не брать, а понимать. Такое счастье несут подвижники, в этом их святость. Ну, ладно, чего уж теперь, хватит...

Так, ну а за каким чертом понесло его в Монголию?

Обратную сторону Луны он видел с двенадцати лет — растения, бабочки, жуки. Видимая сторона цапнула после школы — строительный техникум, стройка. Вступил в партию — вызывают — поедешь на курсы трактористов. Два месяца в деревне. Страшное изумление: «Как мы только еще хлеба вдоволь едим?!» Потом обкашивал в городе газоны. Семья, дети, гм... квартиры нету. Окончил еще техникум — лесотехнический. Отправился в трест «Новомосковскбытхим». Мастером по ремонту обуви. Заниматься озеленением. Не надо перечитывать строчки — так мы жили. Так и живем. Ну а потом и поехал строителем в Монголию. За деньгами и бабочками.

Вернулся — место уже сократили. Озеленять не надо — хозрасчет. Теперь Сергей Андреев — один из самых авторитетных специалистов по растениям и насекомым Тульской области, маляр. И — счастлив.

ПЕРВЫЕ ШТРИХИ

Провинция бедна: два раза в день — поезд в Москву. Двести километров — пять часов. Туда — битком, обратно — битком, но с вещами: сумки, чемоданы, тачки, рюкзаки, из которых баллонами аквалангиста — батоны колбасы.

Провинция наивна: в психоневрологическом диспансере полированная полочка с табличкой — «Поэты — диспансеру».

Провинция дряхла: воды нет с двенадцати до пяти. На верхних этажах еще хуже. Дороги не ремонтируют — ремонтируют ямы. Каждый год облезает краска с института — каждый год красят. Постройки: центр — конструктивизм и советская классика, сталинские высокопотолочные квартиры, хрущевские пятиэтажки. Рушатся карнизы, балясины, балконы. Мастеров нет — поумирали. Замазывают — и все.

Провинция патриархальна: нет рокеров, металлистов, люберов, панков, хиппи. Только «фулиганы». Мода доходит с опозданием на два года. Пока все красавицы ходят под Пугачеву. Демонстрации, как на Красной площади: реденькие «живые» картины, пионеры к трибуне, машины с кумачом, взаимные помахивания колонн и трибуны с расстояния ста метров. Зрителей практически нет — все демонстрируют. К двум часам город мертв. Одни лопнувшие шарики. Народ празднует.

Провинция горда. Она не любит столицу. Столица не любит провинцию. В московской нелюбви к «сумчатым» гостям столицы — дремучий провинциализм. Прочное благополучие щедро — благополучие столицы хрупко.

Провинция счастлива: токсикомании — отдельные случаи. Есть кабинет реабилитации. «Вдохновение» называется. Проституции нет вообще. Рэкет отсутствует. Наперсточники раз приехали из Липецка, их ка-ак шуганули — они и уехали.

Провинция мечтательна: каждая провинция мечтает стать столицей. Нью-Васюки! В Новомосковске иногда поговаривают, что вот сольется он как-нибудь с соседними Узловой и Донским и станет городом тыщ так на четыреста! А когда справляли «полтинник», так вообще план возник: Москва, значит, столица СССР. Тула — РСФСР. А Новомосковск — областной город!

Провинция несчастна: плохо с жильем, критическое положение с теплоснабжением. Восемнадцать тысяч ждут телефонов. Из них полторы тысячи инвалиды и ветераны. Каждый год в воздух над городом «химия» выбрасывает двести тысяч тонн. Смертность младенцев в полтора раза выше, чем по области. У детей — нарушения сердечнососудистой системы, эндокринной деятельности, снижение иммунитета, функциональные отклонения в нервной деятельности. Более четырех тысяч человек живут под боком «флагмана советской химии» — ПО «Азот». Их некуда переселить.

Интеллектуальный «вершок» Новомосковска — единственный институт. Анкета для ста тринадцати студентов. «Что вы ждете от перестройки?» Частый ответ — «перемен». Реже — «ничего». Еще реже — «многова». И один пронзительно — «пива».

«Ваше отношение к письму Нины Андреевой?» Сто семь — «кто это?» Шесть — «положительно».

«Где хотите жить?» Особенно «повезло» Москве, Ленинграду, Прибалтике.

Их коллективный голос: «Я ненавижу свой город за магазины, пьяных, равнодушных, химию, милицию, пожилых, шпану, бардак, грязь, серость».

ИСТОРИЯ

езлесому месту на истоке Дона повезло — столица его заметила. Уголь, вода, Москва рядом. Это один супруг. Другой — 28 апреля 1928 года «О мероприятиях по химизации народного хозяйства Союза ССР». Ребенок — проект: тепловая станция, 15 заводов, город на пятьдесят тысяч. К весне 1931-го строителей уже 20 тысяч — энтузиасты, раскулаченные, инженеры. А поскольку обострение классовой борьбы, они же — вредители и саботажники. Едва родившийся ребенок уже нес в генах прошлое и будущее. Его торопили. За полгода 1930-го сменилось четыре секретаря базового партбюро и три председателя постройкома. Строили геройски: каждое воскресенье коммунистический субботник по колено в грязи. Весенний паводок грозил смыть плотину — полторы тысячи комсомольцев и коммунистов трое суток боролись и выстояли.

Людей не просто звали на стройку. Звали строить «Новую Москву». Величайшая в Европе земляная плотина! Химическая крепость Советского Союза! Многотиражка «Подмосковный гигант»! 1932—1933 годы.

Календарь чистки партии, «кто опоздает на пятнадцать минут — тот прогулял половину дня», массовый рейд по проверке выполнения шести указаний товарища Сталина. Два больших вечера

балета. Художественная драма «Тунгус Хенычара». «Кусов — саботажник и перерожденец». В ближайшее время на строительство приезжают поэты А. Сурков, В. Луговской, А. Безыменский, А. Гидаш. События на КВЖД, фашистское судилище в Лейпциге. Статья Карла Радека. Приезд на стройку зам. наркома тов. Пятакова. «Исключить из партии — скрывал шинкарство жены». Концерт молодых дарований, премированных на Всесоюзном конкурсе певцов. У нас в гостях редакция журнала «Октябрь» — Ст. Щипачев, Г. Серебрякова, Ф. Панферов, Н. Дементьев. «Заметка подтвердилась — снят с работы!» Колхоз «Ответ маловерам». Кандидаты на черную доску. Больше внимания работе нацмен. Сегодня концерт известного баса, вернувшегося из-за границы,— Платон Цесевич! Постановка ТРАМа «Лес» и выступление старых комсомольцев с воспоминаниями. «В чем выражалась твоя борьба за линию партии? Синиченко юлит, он не может вспомнить конкретные факты этой борьбы. Он — двурушник». Живет еще нэпманский душок в горпо. Для оформления праздничной колонны прибыла бригада художников из ЦПКиО имени Горького.

На первой полосе три фотографии одинакового размера: Франклин Рузвельт, тов. Литвинов и бригадир монтажников цеха концентрации тов. Максименко.

23 декабря 1933 года — пуск первой очереди. Поэт А. Жаров — приветственная речь и стихи. Комбинат имени Сталина. Электростанция имени Сталина. 27 декабря — город Сталиногорск! «Имя Сталина — наша гордость». На открытии — нарком Г. К. Орджоникидзе и секретарь ЦК и МК ВКП(б) Л. М. Каганович.

Счастливое детство города кончилось — его использовали.

А дальше: из «звезд» — Ярослав Смеляков, да и тот — банщиком в лагере на пятнадцатой шахте. Из гостей — Н. С. Хрущев: вручил Сталиногорску орден в 1959 году и сказал речь на сорок минут.

В 1961 году город стал Новомосковском. Памятник Сталину в простой шинели ночью исчез. Точно на его месте выстроили трибуну для руководства.

Наивное дитя застоя, я поинтересовался в музее: были ли письма трудящихся, их пожелания для первого и второго наименования города. Мне мудро улыбнулись в ответ: письма трудящихся — это совсем другая эпоха.

ПОРЯДОК

Начальник горотдела милиции майор Карпинский, беленький, аккуратный, лыжник:

— У меня какой критерий? У меня один критерий. Сидишь на бюро: Владимир Владимирович, что-то пьяных в городе много! Это плохо. Или: а вот пьяных-то не видать! Хорошо.

Новомосковск: за девять месяцев — 150 человек на принудительное лечение, четыре тысячи задержаны за мелкое хулиганство, четыре тысячи триста — вытрезвитель. В городе всего 150 тысяч — вы считаете?

Карпинский хватает коромысло телефонной трубки:

— Драка? Человек шестьдесят? Все машины туда немедленно! — И мне: — Сегодня водку дают. Очередь страшенная. Покатаемся по городу?

Покатаемся.

Вечер и дешевая позолота фонарей. Мы на «Волге». Мы быстро. Ночь простирает свои жуткие крыла над бедными светом домами, над ржавыми бусами электрического света, над сырой тишиной и темью осенней грязи.

Стоим. Перекресток.

Вдоль посадки, из сумерек, шатающимися, но гордыми шагами прутся полупьяные мальчишки лет четырнадцати. Один, совсем маленький, бежит следом.

— Сидим-м...— мычит Карпинский, весь подавшись вперед, смотрит в противоположную сторону, пропуская безмятежных пацанов к посадке, дергается, делает отчаянные знаки крадущемуся за нами милицейскому «уазику» и выпрыгивает из «Волги».

— Берите их всех! — и мчится в мрак, подбрасывая коленками полы светлого модного плаща. Сержант из «уазика», как неуклюжая гусыня, бежит на цыпочках за худыми спинами, растопырив руки, отрезая мальчишек от посадки, а потом уже летит, не таясь, со всех ног. «Волга» трогается, мы обгоняем бегущие по обочине фигурки, подрезаем дорогу вперед, шофер притыкает машину к обочине и убегает за своей жертвой, а я ступаю на землю в недоумении, что мне? Но милиционер, которому нет дела кто я и что я, бросает мне в руки первого беглеца: держи! и я неловко хватаю тонкие податливые руки, а шофер уже ведет из тьмы, ухватив ладонью за ярко-рыжую шевелюру, еще одного и мне: «Ты чего так держишь?» «Ты чо, дядь?» — гнусавит его подопечный и получает немедленно щедрую пощечину — щека пунцовеет.

— Но-но,— кричит запыхавшийся Карпинский, которому добыча не досталась, и орет в юное лицо: «Ты почему пьяный?» Ведут еще одного, а самый маленький приходит сам, он стоит в стороне, в немой тоске, упрятав ручонки в карманы коротковатого пальто, мне становится холодно, мне хочется опустить ладони в траву, отпуская своего пленника — опытные руки грузят его в машину, иду к деревьям и замираю: на земле неподвижная человеческая фигура. Мне не уйти, я показываю рукой: там. Карпинский быстро подбегает, наклоняется — пьяный, так и есть — пьяный, кричит сержанту: «Постой-ка тут, пока хук приедет, да поаккуратней, глянь, что там у него». А мы уезжаем, мы уезжаем...

ПАСЫНОК

Дыхание жизни, голоса в телефонной трубке, ноты городского житья: «В автобусах давка — на работу не уедешь, лезем друг на друга», «Если нет колбасы и мяса — чем кормить? Ведь сыров и рыбы тоже нет!», «У нас комната — семнадцать метров. Надежды на жилье нет. Завела третьего ребенка, чтобы получить жилье, когда?», «Четыре месяца не работает телефон — всюду обращалась, без ответа», «Живу в санитарной зоне химкомбината — нас переселять должны, а на плане — наш дом уже выселен. Нигде доказать не можем, что живем мы еще здесь, живем без туалета, без ванной, вода холодной струйкой течет со спичку», «В городе запах хлора!», «Работаю на химкомбинате — специалисты заставляют по воскресеньям делать сбросы», «Зачем две цены на колбасу: кооперативная в магазинах АПО и государственная? Начальство уже брало по госцене,так и берет. Пусть уж одна кооперативная будет», «В магазинах АПО колбаса по кооперативной цене — давайте теперь и зарплату кооперативную вводите. У меня — 132 в месяц, могу я батон колбасы купить за червонец?», «Три года лопается труба с горячей водой, влажность — сто процентов, ребенок болеет — я уже устала писать», «Нашу квартиру не отапливают. Мне 83 года», «На химкомбинате есть в столовой зал для начальства, туда только по списку. К приезду столичного начальника остановили полпроизводства, чтобы почище было. Пусть он глянул бы, как мы ночью или в выходные на смену на ощупь плетемся», «Тринадцать лет здесь живу, пятый этаж у меня, все тринадцать лет нет воды. Жена каждое утро говорит одно и то же — зачем мы тут живем?»

Зачем мы тут живем, господи? Чего нам ждать, если Дон Кихот кончает свои годы в доме-интернате Ламанчского собеса, если Робин Гуд мотает срок за браконьерство, если жизнь меняется к лучшему в докладах, если мучительно не хватает на всех добра и счастья, и так непонятно и дико устроена жизнь, что стоит над страной стон маленького человека и правят градоначальники и канцелярии, что правда одна лишь в столице, да и там ее не всем достает и стоит огромная народная очередь.

Есть место на карте, где механически пересеклись интересы министерств, главков, трестов, контор. Есть кучка невоспитанных детей-предприятий, у каждого свой папа, каждому не нашлепаешь,— папа вам покажет!

Горисполком под боком. Отцы города постоянно на грани лишения родительских прав. Реальные хозяева провинции в Москве.

А в жизни провинциалов временные трудности. Это те, что все время.

Горисполком может только просить. Конторы могут все, но только за расширение производства.

Шеренга городских «тузов» — объединения: «Азот», «Оргсинтез», «Новомосковскбытхим», завод «Полимерконтейнер», гипсовый комбинат, три завода ЖБИ, ГРЭС — все это дымит.

Город вымолил себе две лаборатории для контроля за атмосферой. Они трудятся в будни и днем. Различают семь веществ. По ночам, в выходные и в праздники в воздух уходят шестьдесят веществ. Исследования 1985 года показали превышение загрязнения воздуха в 2—6 раз. «Напишите «несколько»,— посоветовали мне.

Дальше — будет больше. Москва расширяет производство — город молчит.

Очередной «туз» — производство синтетических моющих средств — даст стране двести тысяч тонн порошков ежегодно. Проект японский. Обещана чистота. Но ни одно предприятие Новомосковска, по заморскому или доморощенному проекту возведенное, не выполнило обещаний проектантов. Дымят безвыбросные, спускают бессточные. Огромными усилиями закрываются старые, легко открываются новые. С каждым предприятием происходит история, как и с городом. Пустить, использовать и забыть.

Речушки Шат и Любовка уже не реки. Стоки уже под землю качают! Единственное живое водохранилище — час на автобусе.

Везде по городу мусор и строительные материалы — не на чем вывезти. Городские фасады облезают — жесткий экологический режим. Обязали красить предприятия — выполнение пять процентов! Каждое ведомство наклепало собственную котельную: себя обеспечим и ладно. В городе за пять месяцев пять совещаний по теплу; а что толку — лежат заявки на строительство тысячи квартир — для них тепла нет.

Чтобы каждая семья Новомосковска имела к 2000 году желанную квартиру, нужно в год строить по 70 тысяч метров жилья. 1986 год — 28 тысяч. 1987-й — 36. Чудес на свете не бывает.

Чтобы только содержать в порядке городские дороги, нужен ежегодно миллион рублей. Городу на это планируют 57 тысяч. А промышленные предприятия ежегодно отчисляют в вышестоящие бюджеты 95 миллионов. Блеск и нищета!

Провинции нужна свобода!

Местная кондитерская фабрика выпускает конфеты «Золотой петушок», «Ясная поляна», «Куликово поле», «Грильяж» — ау, огромная страна, кто ест эти конфеты? Распыляются по фондам — их нет нигде. Пусть они будут хотя бы в Новомосковске, пусть гордая столица приедет за ними сюда. Если люди не могут купить того, что они производят, а могут только вынести тайком, они не хозяева, они — воры.

Каждый месяц Новомосковск шлет в Москву сорок тонн колбасы.

Каждый месяц шестьдесят поездов и несметное количество ведомственных автобусов везет минимум пятьдесят тысяч новомосковцев в Москву за колбасой. Если даже каждый второй по батону — это уже больше сорока тонн. Зачем так?

Ведь сбережем бензин, командировочные расходы, достоинство свое, а если болит душа ваша за доходы бестолковой и медленной нашей железной дороги, пусть она не болит. Будет колбаса, народ поедет за одеждой, телевизорами, туалетной бумагой, шоколадом, за хорошей жизнью, которой не хватает на всех.

Хозрасчет развяжет руки. Каждый день через город прут три тысячи транзитных автомобилей. Почему горисполком не может брать с них плату умеренную, хоть рубль, но так и набежит за год требуемый миллион. И подумает тогда город: а зачем мы шлем в соседний район триста механизаторов и студентов и школьников сажаем в картофельную грязь? Каждому — свое!

Не просто расстаться с провинцией. Тут узел: политика, психология, экономика. Но самое важное, что в корне всего — будить народ.

НОВОМОСКОВСК — МОСКВА

Радость — перестройка совпала в Новомосковске с важным строительством. Сломали руководящую трибуну, что стояла на месте сокрушенного Сталина. И на этом месте начали строить подставку для памятника Ленину. Сталин стоял. Ленин будет идти («фигура в пальто, площадь развевающихся пол пальто — 36 метров квадратных»). За фигурой горельефы: 1905, 1917 годы и «апофеоз» — радость труда.

История: в городе уже три памятника. Один на химкомбинате в приличном состоянии. Два городских, из гипса, настолько обветшали, что не глубоко знающие нашу историю иностранцы (пусть даже и глубоко) ни за что не поймут, кому этот памятник.

Процесс создания нового произведения искусства: какой был в Киеве дядька, такая и в огороде была бузина. В середине шестидесятых — обмозговали. В середине семидесятых — решили. В 1983 году работы консервируются (вы сверяете с политическим календарем?). Только в марте 1984 года (опять следите?) разрешается дальнейшее строительство. Дата сдачи прыгала с 1985 года, на 70-летие революции, потом — на открытие XIX партконференции, теперь вообще упрыгала в дали.

Подставка стоит — кому было положено, те ее соорудили,— памятника нет.

Московские начальники культуры объясняться не спешат. Попытки их разжалобить по методичности и эффекту напоминают стучание лбом о стену. Дело увязло в проблемах технических, финансовых и даже творческих. Как внезапно выяснилось, оставшееся за спиной время было не совсем апофеозом.

Те, кто слышал про памятник, уверены, что стоит он «мильон». «Сто два-

дцать тысяч»,— сказал мне второй секретарь горкома партии, курирующий это ответственное дело.

«Двести пятьдесят»,— поторговался я. И мы ударили по рукам.

Уже нет смысла говорить: лучше детсад, чем памятник, принятый широченной общественностью: пять от горкома, четыре от горисполкома — «Какой памятник — дело скульптора. Наше дело — обеспечить».

Вверху кто-то решает: сначала мы сделаем «здесь», а потом «там». И дело не спасешь переменой «там» и «здесь» или обращением внимания на новую «там» принятием щедрой программы экономического и социального развития. Здесь все дело в глаголах: «сделаем-м-м», «обеспечим-м-м», «дадим-м-м», «м-мы» — да почему вы-то?

КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ

Как придать в провинции аппарату чисто исполнительные функции, а народу вручить власть? Прежде всего нужен народ: умный, образованный в правовом и во всяком отношении, рассудительный, демократичный.

Что имеется в провинции сейчас?

Десятилетиями шла мощнейшая утечка мозгов в столицу. Из думающих дома оставались не все. Из даровитых — тоже. Многие спились. Все остальные — в Москве. Квартира в столице — как персональное место в раю. Власть, наука, искусство — только там. И деды ушли, и отцы ушли, мальчишки пока еще дома, но подрастут, тоже в Москву поедут. Столица! Она и рай, и пример. Плеснула слабая волна переименований — в Новомосковске тут же шевельнулся местный патриотизм: а что если бы город в Бобрики переименовать? Господи, да кому это надо, хоть во что,— а воду дадут?

КОММУНИКАЦИИ МЫСЛИ

«Новомосковская правда» — самая обыкновенная газета провинции: робкая, тихая, как сова днем. Как сказал зампредгорисполкома, «бьет то по дворнику, то по жэку». Я разговариваю с редактором Александром Васильевичем Алтуховым.

— Скажите, что изменилось во взаимоотношениях газеты и горкома за последние три года перестройки?

— Многое. Вот у меня с первым связи не было, а теперь, видите, прямой. Всегда позвонить может. Подсказать. Он сказал: можете критиковать кого угодно, вплоть до... ну, вплоть до членов бюро! Ну, если только, говорит, фельетон на предгорисполкома напишут, уж ты тогда мне принеси, почитаем. А раньше — одни нахлобучки за критику. Ругнули овощную базу, а меня как поднял на бюро этот... нет, вы не пишите кто, человек заслуженный все-таки... поднял и разнес. А я знаю, ему с этой базы кулечки носили.

— Как вы относитесь к идее иметь несколько газет в городе: допустим, еще орган горисполкома. Другая точка зрения, конкуренция...

— Нет, иначе мы из-под контроля уйдем. Надо в одну дуду дуть. Как говорили классики, чтобы печать была винтиком и болтиком партийного дела. В классовом обществе нашем нельзя нам свободную печать еще.

— В чем плюсы и минусы провинции?

— Шума у нас нету. Выедешь на рыбалку, дитем природы себя чувствуешь. Рыба плескает. Про жизнь думаешь. В Москву езжу — уж не чаю как выбраться... И «дээсов» у нас нету, антисоветчиков!

— Какие слабые места у вашей газеты?

— Критики много. Пример нужен положительный.

— Благодарю вас.

СЛЕДЫ ОТ САНОК — ЭПИЛОГ

А Сергей Андреев все тащит свои саночки.

Жители его родного города никогда в жизни не увидят василька русского, кроваво-красного ятрышника, шпажника черепитчатого, рябчика русского. Никогда в жизни ожившим бантиком не пересечет им путь изящный «аполлон», аристократ «подалирий» и симпатичная «крупноглазка», то, что летало в 1913 году, который мы давно уже безнадежно переполнули.

Андреев начал борьбу.

Диспозиция такова: сначала выставка в музее — гербарии, бабочки со всех континентов, живые насекомые (с кормлением). Этим привлечь общественность. Заинтересовать ведомства, чтобы финансировали. Потом — постоянно действующий зоопарк с выращиванием редких бабочек для восстановления сообщества и продажи за валюту (отечественные парнасиусы — пара: 50 долларов). Этим занимается весь мир. Кроме нас.

Дальше — заповедные зоны в парках и садах, пешеходные дорожки, экскурсии, восстановить изначальное сообщество, шагнуть навстречу покоренной и брошенной природе. Чтобы летали шмели, похожие на швейцаров, порхали диковинные бабочки и гудели сухопарые осы. Пусть поначалу милиция последит. Но вообще все обеспечит общественность. И он вопросительно смотрит на меня. У него очки. Он близорук. Он верит в свои планы.

Иногда мне кажется, что смысл нашего времени прост: восстановить изначальное сообщество. Не рассчитывая плана: «Это во-первых, это во-вторых...», так мы опять свалимся на: сначала машины — потом доброта, сначала колбаса — потом бабочки, сначала порядок — потом демократия. Сначала слово, а потом — посмотрим. Нужно восстановить сообщество. Дать свободу и обеспечить возможность. Солнце ведь светит во все стороны с равной силой, без «во-первых» и так далее. Надо расти во все стороны.

Тогда после нас останется не безликий след слепого аппарата, а дружный веер полозьев миллионов санок, похожий на щедрые, ласковые солнечные лучи.

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ

Когда мне было девять лет, я взошел на трибуну и поклялся, что рано или поздно я вернусь в свой город и тогда...

Я никогда не вернусь.

Когда мечта умирает, остается смеяться над ней.

Провинция ранима: она обидится на меня.

Новомосковск — моя родина.

Она меня простит.

КРИК

Уважаемые жители столицы, озабоченные граждане метрополитенов и троллейбусов, пенные волны праздничных манифестаций, монополисты газетных полос, материал для рукопожатий и флажкомаханий, хозяева презрительных взглядов и столичного шика — у вас ничего не просят, поймите это сразу! Провинция и столица — это города, а люди: в креслах, за двойными дверями, в винных очередях, милицейских нарядах, воинских частях, шахтах, аудиториях — люди одинаковые. Провинция — это мы. Провинция мира, планеты. И нет уже сил спорить, столица ли мы, были ли мы ею, хорошо это или плохо, просто нужно равенство, нужна нормальная человеческая жизнь и возможность ею управлять не сверху вниз, не снизу вверх, а здесь, рядом, не дальше дыхания, не дальше собственного слуха, пусть это будет началом, но уже не будет слышно стонов, перестанут люди замерзать и дохнуть в безвестности и тоске, и нам всем станет теплее, и поймем мы, что не надо бросать свою Родину и ехать штурмовать Москву или Питер, Нью-Йорк или Тель-Авив, Эльдорадо или Атлантиду — на всех приличных людей не хватит земли обетованной! — а здесь это место, где не надо будет рвать алый парус на половую тряпку и расстреливать свои мечты взамен тесных квартирок и мест в бесконечных очередях, и мест за доминошным столиком и у пивного ларька, и на участке за оградой, в глинистой почве... А это будет не скоро, это будет очень не скоро, это гораздо труднее, чем сменить памятник, который стоял, на памятник, который делает шаг вперед, это очень трудно...

Огюст Бланки: «Тьма не рассеется в двадцать четыре часа. Из всех наших врагов этот — самый упорный. Быть может, и через двадцать лет не наступит ясный день».

Но он наступит, ясный день!

Новомосковск — Москва

«ПОДВЕРГАЙ ВСЁ СОМНЕНИЮ»

Николай АНДРЕЕВ,
Марк ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Человек высказал свою точку зрения на экономическое учение Маркса. И вот что с ним произошло.

Вызова к Дехтереву, начальнику политического отдела, капитан первого ранга Рещиков ожидал. Потому не удивился, когда ему приказали срочно явиться в политотдел. Проходя по Адмиральскому коридору родного училища — ленинградского Высшего военно-морского радиоэлектроники имени Попова,— Александр Павлович заметил, что его портрета на доске лучших преподавателей уже нет. Рещиков еще не знал, что его портреты содраны и с доски «Наши ученые», и со стенда «Ветераны войны». Не знал, что в клубе снята мраморная доска, на которой выбита его фамилия как лучшего выпускника училища 1946 года. Не знал, что отдано распоряжение изъять из библиотеки книги и учебные пособия, написанные им. Не предполагал, что через десять дней его исключат из партии. А еще через два дня, 30 октября 1984 года, за ним, уволенным за «аморальное поведение», захлопнутся ворота училища.

Что могло вызвать столь оперативную и беспощадную кару? Почитаем листовку, выпущенную незадолго до этого политотделом: «Александр Павлович Рещиков... глубоко и вдумчиво изучает труды классиков марксизма-ленинизма, решения Пленумов Центрального Комитета партии, постановления Советского правительства... настойчиво овладевает ленинским идейным наследием». Как ни странно, но за это и уволили: за вдумчивое, настойчивое изучение произведений Маркса, овладение ленинским идейным наследием.

В политотделе Рещиков, кроме А. И. Дехтерева, увидел начальника училища контр-адмирала Г. Ф. Авдохина.

— Это вы написали? — спросил Дехтерев, держа в руках листки бумаги.

После утвердительного ответа Рещикову были заданы вопросы: как Ленин оценивает Маркса и его экономическое учение? В какой работе Ленин писал о Марксе? Как КПСС относится к учению Маркса? Капитан первого ранга дал четкие, исчерпывающие ответы.

— Ведь знает! — Дехтерев торжествующе повернулся к Авдохину.— Из этого можно сделать вывод, что он сознательно искажает краеугольный камень марксистского учения.

— Какое вы вообще имеете право заниматься политэкономией? — включился в экзамен контр-адмирал.— Вы же технический специалист! Вот и занимайтесь электроникой.

Но у Рещикова есть такая черта: в чем не разбирается, то хочет понять, добраться до сути. Еще учась в институте, а было это в начале пятидесятых годов, он с изумлением обнаружил, что единственный предмет, который ему не дается,— это политэкономия. Впрочем, как и остальные предметы, он сдал политэкономию на «отлично», но лишь потому, что оттарабанил на экзамене затверженные формулировки. Захотелось разобраться что к чему. Обложился книгами, трудами ученых. Многое прояснилось, но и вопросы выросли непростые. Что есть собственность при социализме? Есть ли у нас место товарно-денежным отношениям? И т. д. и т. п.

В поисках ответов добрался до «Капитала». Год его читал и перечитывал. Со многим у Маркса был согласен, но кое-что вызвало некоторые сомнения. Результаты своих размышлений Рещиков оформлял в виде рефератов. Один из них назвал «Об ошибках в экономической теории Маркса». Его-то и принес на кафедру марксизма-ленинизма училища, отдал начальнику кафедры кандидату философских наук Д. И. Заховаеву.

— Да, он дал мне почитать свой реферат,— вспоминает профессор с погонами капитана первого ранга.— Попытался объяснить Рещикову, что Маркс ошибаться не может. К сожалению, мои доводы Рещиков не воспринял. Он заявил, что пойдет в университет, будет там консультироваться. А вот этого я уже не мог допустить. Это ведь можно рассматривать как антимарксистскую вылазку за пределами училища. Потому я принял решение доложить начальнику политотдела.

Так событиям был дан первый толчок. Во время первой беседы в политотделе Рещиков узнал, что он вобрал в себя все худшее, что было в Каутском и Троцком. «Маркс — гений, а вы взялись его критиковать!» — возмущению Дехтерева не было границ.

— Запомните ленинское: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно»,— дополнил Авдохин.

Тут же Рещикову было объявлено, что он увольняется за совершение аморального поступка.

— А при чем здесь аморальный поступок? — поразился Рещиков.

Этот же вопрос мы задавали в училище многим и получали разнообразные обоснования. Авдохин: «Когда мне доложили, что в моем училище преподаватель открыто заговорил об ошибках Маркса, у меня мурашки по коже забегали». Контр-адмирал испугался. Он не испытывал страха, когда, будучи командиром атомной подлодки, видел через перископ грозные очертания кораблей вероятного противника. Контр-адмирал не дрогнул, когда его, флотского человека, поставили начальником высшего военного учебного заведения. Авдохин бесстрашен в спорах с начальством. А тут испугался. И было, чего. «У нас какая главная задача? Привить курсантам марксистско-ленинское мировоззрение, глубокую ленинскую убежденность, беззаветную преданность идеалам КПСС. Рещиков же покусился на теорию Маркса, а на такое может решиться только глубоко безнравственный человек...»

Послушаем начальника политотдела А. И. Дехтерева:

— Лично я ошибок у Маркса не нахожу. Я практик. Организатор партийно-политической работы. И веду я ее согласно тем документам, которые принимаются на съездах и конференциях партии, Пленумах ЦК. Проводить линию партии в жизнь — вот моя святая обязанность. Я верю Марксу, верю Ленину, верю решениям партии и считаю, что всякое сомнение в них недопустимо... Рещиков подверг сомнению краеугольный камень марксизма-ленинизма. Это в высшей степени аморально.

На кафедре, где работал Рещиков, состоялось партийное собрание. На нем разбиралось его персональное дело. Секретарь парторганизации В. Грибов кратко ознакомил коммунистов с сутью поступка Рещикова. Было несколько выступлений, после чего все единогласно проголосовали за исключение Рещикова из КПСС с формулировкой: «За ревизионизм в экономической теории К. Маркса и в экономической политике КПСС». Никто из голосовавших, за исключением Грибова, даже издали не видел крамольного реферата. Отметим, что почти все знали Рещикова по 20—30 лет, у многих он был руководителем диплома, кому-то давал рекомендацию в партию. И тем не менее никто из учеников не встал, не сказал: «А за что мы все-таки исключаем Александра Павловича?»

Потом профком. Зам. начальника училища О. Верховцев (в свое время один из любимых учеников Александра Павловича) сказал, что Рещикову нельзя доверять обучение и воспитание курсантов. Профком послушно, без сомнений и вопросов, одобрил увольнение.

Итак, Рещиков очутился вне рядов партии, вне стен училища. За что? Чересчур внимательно читал Маркса. Позже, на суде, жена Рещикова — Октябрина Григорьевна — призналась, что говорила мужу, когда он штудировал Маркса: «Ох, Саша, не доведет тебя до добра это занятие». Народный заседатель не преминул обронить назидательно: «Вот видите, истец, вас же предупреждали. Стало быть, у вас был умысел».

Кстати, о жене. Политотдел не упустил ее из виду. Октябрина Григорьевна работала в этом же училище доцентом. Защитила здесь диссертацию, вступила в ряды КПСС. Трижды избиралась депутатом Петродворцового райсовета. Масса благодарностей. Однако не за очередной благодарностью вызвали ее в политотдел. Ей предложили как члену идейно выдержанного, сплоченного на платформе марксизма-ленинизма коллектива письменно осудить действия мужа.

Нужно знать Александра Павловича и его жену, чтобы понять, что значило для них это предложение. Рещиковы — добрая, любящая семья. В согласии и дружбе прожили супруги три десятилетия. И такое... В слезах Октябрина Григорьевна пришла домой и даже попрекнула мужа: «Вот видишь, чего ты добился! Что теперь мне делать?» Рещиков предполагал такой оборот событий. Спокойно отвечает: «Садиться и писать то, что от тебя требуют». Сам же и набросал приблизительный текст отречения. Почему он пошел на беспринципность? Дело в том, что жене предстояло переизбрание на должность доцента, и ей намекнули, что если она не... то ее не... А до пенсии оставалось три года.

Принесла Рещикова в политотдел требуемый текст. И от нее отвязались. Муж же начал долгую, изнурительную борьбу за свою честь и достоинство. Он подал в суд. Его делом занимались многочисленные инстанции. Из-за экономии места оставим детали за рамками своего повествования. Приведем только начало и финал.

Из решения Петродворцового райнарсуда от 15 ноября 1984 года. «...Истец... как преподаватель высшего учебного заведения, допустил фальсификацию, искажение важнейших положений марксизма-ленинизма среди преподавателей училища, тем самым совершил аморальный поступок и уволен ответчиком правильно». Рещиков написал множество жалоб и прошений, пока наконец первый заместитель прокурора РСФСР Н. С. Трубин не вынес протест, и 20 сентября 1988 года все тот же Петродворцовый райнарсуд уже по-иному квалифицировал дело: «...Написание Рещиковым реферата «Об ошибках в экономической теории Маркса» не является совершением аморального поступка... Рещиков подлежит восстановлению на работе в прежней должности».

Справедливость (не прошло и четырех лет!) восторжествовала. Но остается вопрос: а задача ли суда определять, имеет ли кто право указывать классику на ошибки или нет? Впрочем, некоторым даже попытка поставить вопрос о том, что Маркс мог допускать ошибки или заблуждался, представляется сумасшедшей. Причем в буквальном смысле слова. По крайней мере был момент, когда в политуправлении Ленинградской военно-морской базы возникла мысль проверить: а в своем ли уме Рещиков? На заседание парткомиссии базы для негласного освидетельствования был приглашен главный психиатр базы Г. И. Мишин. Во время командировки мы встретились и с ним. Он мгновенно вспомнил события четырехлетней давности:

— Как же, как же! Такие случаи у психиатров известны: долбит человек в одну точку и долбит. Явный уклон в шизофрению.

— Простите, доктор, но за рубежом людей, уверенных в том, что Маркс ошибается, миллионы. Они тоже склонны к шизофрении?

Мишин погрузился в некоторое раздумье. Потом сказал:

— Недавно я прочитал в «Правде», что если человек отстаивает собственное мнение, даже отличающееся от общепринятого, то в этом нет ничего опасного. Какое бы я дал сегодня заключение по Рещикову? В свете последних событий это вопрос скорее философский, чем медицинский.

Хорошо, что «Правда» дает иногда разъяснения, и тогда кое-кто может сориентироваться, кого считать шизофреником, а кого нет. И хорошо, что времена меняются и вопрос из медицинского превращается в философский. Противно только, когда люди ориентируются на политическую конъюнктуру, а не на порядочность, совесть, уважение прав личности. Тревожит, что благотворность последних изменений воспринята многими не как возвращение к здравому смыслу, а как приказ. Характерны размышления на эту тему начальника политотдела училища.

— Я не считаю себя догматиком. Партийные документы предоставляют большие возможности для инициативы и творчества.— Дехтерев помолчал, внимательно посмотрел на диктофон: — Я многое пережил. В свое время, как говорится, «оплакивал» Сталина. Приветствовал решения XX съезда. Потом наступили другие времена. Брежнев. Поддерживал его политику. Поступило указание изучать «Малую землю» — я проводил его в жизнь... Вы думаете, мне

было легко? В кулуарах ведь про Брежнева разное говорили, вплоть до анекдотов, но взойдешь на трибуну — и пропагандируешь его выступления.— Пауза.— Сейчас провозгласили плюрализм. Но ведь есть у него границы. Рещиков их преступает.

Впору посочувствовать Дехтереву: настрадался при переменах линии, испереживался от несовпадений слов и дела. Но как-то не возникает сочувствия. Кто заставляет его проводить линию партии так, чтобы она калечила судьбы людей? И в чем человеческая сущность Дехтерева, если он вчера декларировал с трибуны одно, сегодня — другое, а завтра, если политическая ситуация изменится, будет прокладывать линию поперек прежних деклараций?

Не просто и служителям Фемиды, когда они вынуждены балансировать между идеологией и справедливостью. Мы встретились с судьей Л. Г. Алексеевой. Это она первая в судебном порядке определила, что сомнение в правильности экономической теории Маркса несовместимо с преподавательской деятельностью по моральным соображениям.

— Знаете, мне тогда было очень морально тяжело.

— Почему?

— Рещиков такой положительный. Умный, доброжелательный, уравновешенный. Он не позволял себе никаких выпадов против представителей училища. А те позволяли.

— И все-таки вы отказали ему в иске.

— Я не могла иначе. Ну, вы понимаете...— с надеждой смотрит Алексеева.

— Что мы должны понимать?

— Это было дело необычное. Политическое. Им заинтересовались в городском суде. О нем знали в райкоме партии. Думаю, что и выше.

— Скажите, Людмила Геннадьевна, если бы ваши дети попали учиться к Рещикову, вы бы опасались, что он окажет на них тлетворное влияние?

— Я с радостью доверила бы их ему! Он настоящий учитель, это же видно. Ну, вы понимаете...— нет сил выдержать печальный взгляд Алексеевой. Верим: мучается, переживает.

Мы не первый раз занимаемся историей несправедливого увольнения. Но случай с Рещиковым все же заметно выделяется из типичного ряда. Ведь речь идет чуть ли ни о запрете на профессию по идеологическим мотивам. Хотя и не просто, но удалось-таки восстановить прекрасного преподавателя на работе в судебном порядке. Бюро Ленинградского обкома партии восстановило его в рядах КПСС. А вот в остальном...

У нас состоялся напряженный разговор на кафедре марксизма-ленинизма училища. Коллеги Рещикова нам доказывали, что человека с такими взглядами нельзя на пушечный выстрел подпускать к курсантам, иначе они повернут оружие против Советской власти. «Что же им останется защищать, если Рещиков начнет убеждать их, что у Маркса были ошибки?» — патетически вопрошал один. «Если его восстановят в партии, то мы все выйдем из ее рядов»,— пригрозил другой. Трудно было понять: всерьез все это или нет? Неужели преподаватели полагают, что у курсантов столь примитивный мыслительный аппарат и их можно рассматривать как роботов: вставил одну программу — они пошли налево, сменил программу — замаршировали направо?

Конечно, не так. У нас сложилось впечатление, что курсанты в состоянии разобраться и в общественно-политической обстановке, и в идеологии, и в учителях. По ленинградскому телевидению прошел сюжет о злоключениях Рещикова. И какие же прекрасные письма получили авторы передачи. Вот лишь некоторые отклики: «Честность Александра Павловича, его порядочность, добросовестность в работе и в отношении к людям никогда не вызывали сомнения ни у меня, ни у других знающих его людей...» «Многим из нашего флотского выпуска 1960 года Александр Павлович открыл дорогу в военную жизнь, в науку, воспитал и выпустил в самостоятельное плаванье многих наших сыновей, окончивших это же училище...»

Нам кажется, честность, порядочность, открытость, принципиальность — не те качества педагога, которые могут вызвать у воспитанников дурные наклонности, нежелательный образ мыслей. Преподавателя, офицера не может опорочить интерес к Марксу. Нельзя подавать как «аморалку» и собственное мнение по поводу экономического учения классика. На курсантов, уверены, негативно влияют иного рода факты. Например, такие: начальник училища (до Авдохина) проворовался и получил 13 лет, зам. начальника политотдела базы убил на охоте матроса... Вот где повод задуматься, кому доверяют воспитание офицерского корпуса.

Ярлыков навешано на Рещикова предостаточно, живого места на нем нет. Первые наклеили преподаватели кафедры марксизма-ленинизма во главе с профессором Заховаевым: «...повторяет клеветнические измышления буржуазных и ревизионистских марксологов», «мировоззренчески методологическая беспринципность приводит автора к вредным политическим выводам и клевете на экономическую политику КПСС» (это Рещиков на экономику застоя «клеветал»); «нелепая, несостоятельная и вредная затея», «автор выдвигает ложные, а вернее, клеветнические положения». И венец обличений: «А что, жизнь наша плоха?» Вопрос для 1984 года в самую точку.

Серьезного анализа работы нет. Да и мог ли он быть, если с самого начала был взят курс на разгром «антимарксистской вылазки»? С Рещиковым и не собирались спорить. Профессор Заховаев объяснил это с обезоруживающей прямотой: «Я не буду разговаривать с идеологическим противником до тех пор, пока он не встанет на платформу марксизма. Вот мне прикажут: побеседуй с Бжезинским! Не буду! Не желаю, и все. Повернусь и уйду».

Прицельный огонь по работе Рещикова произвели и обществоведы других военных учебных заведений Ленинграда. Научная полемика велась с помощью таких оборотов: «Реферат написан с элементами издевательства не только над проверенной практикой социалистического строительства теорией, но и над нашими социалистическими ценностями». Да, у Рещикова свое мнение по поводу теории и практики строительства социализма в нашей стране. И тут Рещикову и его рецензентам, видимо, не сойтись во взглядах. Он пришел к выводу, что о практике строительства социализма говорить рановато, поскольку социализм и товарно-денежные отношения несовместимы. Приведем цитату из его реферата: «...практика не может сказать, помогают эти отношения развитию экономики или же мешают, являются балластом. Если, скажем, к новому гусеничному трактору привязать оглобли и запрячь десятка два лошадей, то практика может подтвердить, что трактор может двигаться и без мотора. Роль мотора будет определена лишь после того, как кто-нибудь решится завести его и проехать без лошадей».

Мы понимаем, что у читателя уже давно оформилось жгучее желание узнать, какие же ошибки обнаружил Рещиков у Маркса. И ошибки ли? Мы ознакомили с его рефератом ученых — политэкономов из МГУ. Мнения такие: автор, конечно, не имеет права так глобально именовать свой труд — «Об ошибках в экономической теории Маркса», это обобщение чрезмерное. В то же время многое из рассуждений Рещикова имеет право на существование, автор глубоко владеет предметом, особо заслуживает внимания его тезис о том, что модель нетоварной организации социализма никогда не проверялась на практике.

Политотдел военно-морской базы попросил написать отзыв на работу Рещикова нейтральную организацию — экономический факультет Ленинградского университета. За дело взялись два кандидата экономических наук — И. Гринько и В. Короткий. Мы встретились с ними. Гринько отозвался о реферате: «Шизоидный опус». И добавил: «Да я могу указать на такие ошибки у Маркса, какие Рещикову и не снились». Осталось непонятным: если Гринько видел, что перед ним нечто «шизоидное», почему он вообще взялся писать отзыв? А если у Рещикова по сравнению с тем, что знает Гринько об ошибках Маркса, лишь детский лепет, то почему используются в отзыве уличающие формулировки? Например: «автор ЗАВЕДОМО искажает взгляды классиков». Обратите внимание: чтобы заказчик не усомнился в преступных намерениях Рещикова, слово «заведомо» выделено. И далее: «Здесь и таятся корни ревизии автором теоретических разработок советских экономистов». И заключают авторы свой отзыв грозным предупреждением: рассуждения Рещикова нужно признать «политически вредными». Вот так. Все эти формулировки и обличительный тон возможны там, где нет свободы критики, права на сомнение. Потому не нужно ничего доказывать, вдумываться в мысль оппонента, а только пригвождать ослушника к позорному столбу.

— Политэкономией должны заниматься специалисты, а не дилетанты,— заявили нам «эксперты». Но вот беда: все мы не дилетанты, а участники существующей экономической системы. Жизнь заставляет нас становиться политэкономами. Вопросы экономики начинают нас будоражить при дурном положении хозяйственных дел. Потому мы задаемся вопросами: что с ценами? Почему дефицит? Почему не в состоянии прокормить себя? Почему вторая в мире по мощности экономическая система работает без всякой связи с человеком? Почему? Почему?.. Много ли профессионалы-политэкономы отвечают нам на эти «почему»? Увы! Откуда в таком случае пренебрежение к попыткам рядовых членов общества самостоятельно разобраться в политэкономической ситуации?

А что же двигало Рещиковым, когда он решился на свой труд?

— Мне дороги интересы моего государства,— говорит он.— И мне не безразлично, будет ли оно слабым или сильным, свободным или порабощенным. Я люблю свою страну и хочу, чтобы она была лучше. Но это не означает, что я если встречаю противоречия, то должен молчать... Если я увидел у Маркса слабые места, то почему это воспринимается как попытка его ниспровергнуть? И почему я должен молчать, видя, что мы летим в пропасть?

Личность формируется в диалоге с жизнью, реагирует на ее проблемы. При этом многое приводит к сомнению. Пугаться их или нет? Сомнение — путь к будущему пониманию и объяснению. А догматизм — такова уж его природа — не может без того, чтобы постоянно не проверять человека сомневающегося, мыслящего на силу духа, на крепость совести. И эта проверка, как показывает история, нередко заканчивается трагически. В политэкономии сосредоточены интересы всех членов общества. Потому каждый имеет право высказывать свое мнение. В том числе и по поводу экономической теории Маркса.

Но дело еще и в том, что когда вчитываешься в Маркса, Ленина, то начинаешь сомневаться — и не в марксизме-ленинизме, а в самой административной системе. Административной системе противопоказана всякая глубокая мысль, направленная на изучение ее самой. Социально благонамеренная личность — вот ее идеал. Потому и позиция охранительная. В охранную зону она включает и марксизм. Чтобы сделать его ручным, протрубили на четыре стороны света, что существующая действительность и есть реальное воплощение марксистской теории. Однако действительность убеждает нас в другом. Именами Маркса, Ленина прикрывались все извращения социализма, самые чудовищные беззакония.

Если человек, чем бы он ни занимался, кем бы он ни был, вдруг засомневался в чем-то и вынес свое суждение на суд людской, то это действительно должен быть суд людской, общественный. И не должна некая инстанция решать: правильно это или нет. Надо знакомить со свежей, нетривиальной мыслью всех. Да, могут быть высказывания самые резкие, в том числе и такие, от которых «мурашки по коже». Но иного пути к демократическому обществу нет, кроме пути, когда мысль не подавляется.

Жизнь многообразна, какие-то положения в трудах Маркса и Ленина только намечают подходы к теме, что-то оказалось неперспективным, а что-то скорректировано практикой. Это нормально для теории. Марксизм — наука. И, как всякая наука, предназначен для освоения мира, а не для того, чтобы только молиться на него, как на икону. Актуальны слова, сказанные Н. Бухариным еще в 1922 году: «У нас есть марксистское учение, но нет «марксистских» предрассудков. У нас есть великолепный инструмент, которым мы владеем, а не который владеет нами». Многое в марксизме невозможно воспринимать буквально, вне связи с историческим контекстом.

Скажем, сейчас жарко спорят о том, кто автор «казарменного социализма». Сходятся на том, что теорию выдвинул Троцкий (трудовые армии), а реализовал на практике Сталин (насильственная коллективизация, подневольный труд заключенных). Но раскроем «Манифест Коммунистической партии», и среди мероприятий, которые следует провести пролетариату после революции, мы под восьмым пунктом обнаружим: «...учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия». Следовательно, Сталин строил социализм по Марксу? Не будем спешить с выводами. На этой же странице «Манифеста» есть и такие строки: «...свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». А уж этого Сталин и его режим допустить не могли. И это лишь один пример с одной страницы одной работы Маркса.

Марксизму присуще диалектическое противоречие, без которого теория превращается в набор догм. Марксизм становится мертвым, когда его подменяют бесконечным цитированием. Он мертвеет от бездушной канонизации. Его убивают славословием, начетничеством, откровенной конъюнктурой, вдалбливанием основных постулатов. Набили оскомину схоластика, демагогия, торжественная банальность при преподавании марксистско-ленинской теории. Да и скажите положа руку на сердце, кто из нас знает Маркса? Только очень немногочисленные специалисты. А подавляющее большинство раскрывало последний раз Маркса в студенческие годы.

В политэкономии сосредоточены интересы всех членов общества. Потому каждый имеет право высказывать свое мнение. В том числе и по поводу экономической теории Маркса. Мы подошли к главному вопросу: как сегодня относиться к марксизму? Неоднократно в партийных документах, в том числе и сталинского периода, провозглашалось, что это учение не догма, а развивающаяся, творческая наука. Но одновременно выдвигалось требование, чтобы в марксизме все оставалось неизменным. Как же он будет развиваться, не изменяясь? И что делать, если возникло сомнение в том или ином положении этой науки? Отвечают: в марксизм надо верить, тогда не будет сомнений. Но не ведет ли это к убожеству мысли?

А закончим ответом Маркса на вопрос анкеты: «Ваш любимый девиз — подвергай все сомнению».

Дед Агап (92 года)

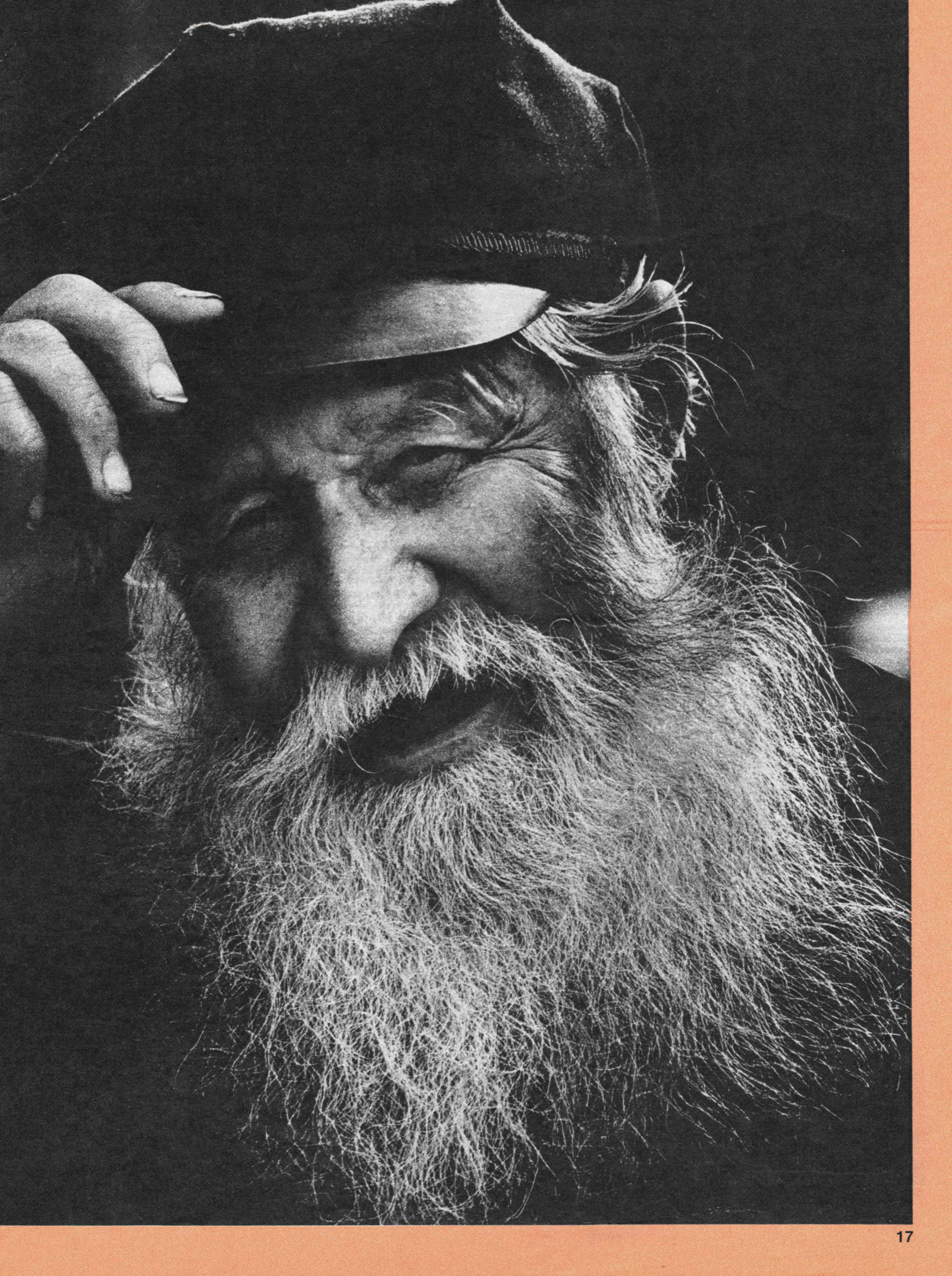

Счастливое детство

Экспрессия

Фото
Сергея НОВИКОВА

Земля у нас одна

Нечаянная радость

Булат ОКУДЖАВА — РАССКАЗ

Посвящаю Зое и Свету

Вспоминаю, как провожал маму в 1949 году.

Да, провожал. Так уж случилось. В 47-м встречал из лагеря, а тут провожал. Тогда многих провожали, и не на день, не на два, а на долгие сроки.

После всего, что было, ее арестовали снова. Мы узнали об этом в одну из отвратительных ночей, когда в наш дом ввалился человек, у которого в Кировакане мама снимала угол. Он приехал около шести часов поздним поездом, чтобы рассказать нам об этом, о последнем ее прости... Впрочем, он мог бы и не приезжать. Всё равно я забыл его имя. Добрые дела не запоминаются. И чего было приезжать, когда ее уже забрали? Написал бы письмо, записочку бы передал со случайной оказией. Мог бы и не беспокоиться. Что тут поделаешь?

Он сидел на кухне, сыпал пепел на пол, на брюки, тяжело вздыхал. Тетя Сильвия плакала негромко, почти шепотом. Лампочка почему-то источала желтый свет. Погода за окном была мерзейшая. Все както сошлось, совпало, а человек должен был выдержать, не распасться от тоски и ужаса и беспомощности... Ну, мы и держались, как могли, и еще гадали: это что — чесеир? Или каэрдэ? То есть член семьи изменника родины или контр-революционная деятельность...

Когда она вернулась в 1947 году после десяти лет лагерей, не было ни реабилитации, ни даже помилования, просто отбыла свой срок и вернулась. В столичных и больших городах жить ей не разрешалось, и тетя Сильвия с большим трудом устроила ее в Кировакане кассиршей в какой-то артели. А мы жили в Тбилиси, и я был студентом университета. К тому времени я уже кое-что начал понимать, какой-то робкий анализ событий совершался в моей затуманенной голове, и возникали горькие вопросы: «За что?», «Почему?», «Ради чего?»...

Тетя Сильвия была постоянно настороже: такое уж было время. Она заглядывала в мои глаза, вслушивалась в мои интонации, они ее тревожили. И она, как бы отвечая на мои немые вопросы, время от времени восклицала:

— Какая мама все-таки счастливая! Не правда ли? Вот вернулась, жива-здорова. И мы снова вместе,— и вглядывалась в меня очень пристально.

— Ну, конечно,— говорил я бодро, чтобы не волновать тетю Сильвию.— Теперь все хорошо. Мама живет, как все, работает, пишет письма, можно к ней съездить...

Но тетю Сильвию слова мои не успокаивали. Что-то ей в них чудилось опасное.

Она подхватывала мои бодрые слова тем решительнее, чем они были бодрее, и говорила громче обычного:

— А что? Разве не так? Как она мучилась в лагере, арестантка! А теперь свободная женщина, даже деньги тебе присылает... Разве не так?..

Или восклицала:

— Что бы мы делали без Сталина? Как бы жили? — и внимательно вглядывалась в меня.

— Так бы и жили,— срывалось у меня,— а может, и не хуже.

— А война? — еще повышала она голос.— Какую войну вынесли! Ты разве этого не понимаешь? Ты что, все забыл?..

— Не забыл,— говорил я, чтобы не волновать ее.

— Карточки отменили...

Карточки продуктовые действительно были отменены.

— Цены понизили...

И цены медленно двигались к довоенным...

— ...и вот мама на свободе!

— Ну, конечно, конечно,— сдавался я.— Разве я спорю?

— Ну, вот,— успокаивалась она,— а то брякнешь где-нибудь такое,— и растерянно улыбалась.

И вот мама трудилась кассиршей и как-то умудрялась выкраивать мне маленькие суммы из своей зарплаты. Мы переписывались. Все как будто снова вставало на свои места, и не было смысла роптать, и стоило преклониться перед яростной мудростью тети Сильвии. Мы быстро привыкали к печалям и все умели объяснять, и, если случался маленький, пусть даже совсем ничтожный праздник, даже не праздник, а легкое послабление, раздували его до несусветных размеров, радуясь и ликуя.

Так вот и ликовали, когда она вернулась, когда удалось устроить ее в артель, когда повезло ей снять угол в домике на окраине у хозяина, не испугавшегося появления в его мирном благополучном доме этой пропыленной, прожаренной в карагандинских просторах женщины с потускневшими зрачками. Да, радовались. Вот ведь как устроен человек! Понапрасну не восклицали, не задавали проклятых вопросов: «За что?», «Почему?», «Во имя чего?». Так, будто бы все было уже известно, все было всем ясно и не хотелось омрачать праздник.

Правда, иногда эти вопросы все же вырывались наружу. Мы, конечно, произносили их шепотом, как бы между прочим, как бы не придавая им значения, и отвечали на них суетливо, полунамеками, в которых сами лишь и могли разобраться. Но иногда шепот надоедал. Тогда тетя Сильвия говорила:

— А что делать, мой дорогой? Если у государства много врагов, как-то ведь надо защищаться...

Но это не могло относиться к маме, и она тут же говорила:

— Ну, с мамой произошла ошибка, конечно,— и всматривалась в меня.— Когда-нибудь, мой дорогой, все это выяснится.

— Я не сомневаюсь,— отвечал я с грустью.

Она кусала губы и вдохновенно произносила:

— Если бы ты был на их месте...— и кивала на потолок.

«Их место» мне не грозило: я твердо был на своем.

И теперь ее арестовали снова. Пришли как всегда ночью. Перерыли комнату, угол, который она снимала.

— Нашли что-нибудь? — усмехнулся я.

— Эээ, ничего не нашли,— сказал ее хозяин, снова роняя пепел.

— Если ничего, значит, все в порядке,— сказал я.

— А что могли найти! — вскричала тетя Сильвия.— Что у нее было, кроме старого белья?

— Ничего не было,— подтвердил хозяин.— Я сидел рядом, а она собиралась. Они искали. Перерыли ее постель, чемодан, а что могли найти?

— Она плакала? — спросил я шепотом.

— Почему она должна была плакать? — крикнула тетя Сильвия.— Что она, виноватая?

— Нет, не плакала,— сказал он,— извинялась передо мной, бедная. А что я? Как будто я не понимаю. Я все понимаю.

— У меня большие связи,— сказала тетя Сильвия, утирая слезы,— они еще не представляют, что я могу,— лицо ее уже пылало вдохновением. Хозяин маминого угла смотрел на нее с изумленной надеждой: — у меня такие связи!.: — сказала она,— им не поздоровится... — и посмотрела на меня победно.

Он сидел и кивал, и сыпал пепел. Потом он ушел. Как-то боком выскользнул в дверь. Стояла ночь. Сыпал монотонный дождь. Что она может сделать? — подумал я.

— Ты не расстраивайся, не вешай носа,— сказала она,— я свою сестру в обиду не дам... Я им еще покажу!.. Второй раз... неизвестно за что... где... сколько можно!

Я-то знал, что она ничего не может. Не было никаких связей, я знал. Да и кто тогда мог? И все-таки ее горячая убежденность как-то успокаивала. А что, если есть? Есть что-то там, кто-то там, неведомый мне, или, например, жене большого человека одно слово — и все изменится, и мы еще посмеемся... А если нет, думал я, значит снова тюрьма? И допросы, и лагерь, и унижение, и карагандинские пески...

Я был студентом четвертого курса. Я знал, что меня терпят и чей-то глаз с небесной поволокой посматривает за мной. Я все время затылком ощущал чье-то упрямое присутствие. Будущее мое было туманно, несмотря на красивые лозунги и возвышенные слова о величии человека... Да, кто-то, может быть, и был велик и прекрасен, но мне лично не улыбалось ничего.

Ах, я ошибся, утверждая, что у нее нет связей, ошибся!

И вот как это произошло.

Она начала куда-то исчезать. Какие-то глухие телефонные переговоры будоражили наш дом. Назначались свидания с кем-то, где-то, и казалось, весь город захвачен этим происшествием, и все прохожие поглядывают на меня, кто с осуждением, кто с сочувствием, то подозрительно, то печально. Вдобавок ко всему — поздняя осень с дождями и пронзительным ветром. Где мама? В тюрьме? В вагоне ли с зарешеченными окнами?

На красивом лице тети Сильвии не отражалось ничего, кроме упрямой сосредоточенности. Неотвратимости судьбы она противопоставляла непреклонность и веру, и женскую хитрость... И телефонную трубку обволакивали лукавство, мольбы, дружеские интонации, и между всем этим не было границ. Все перемешивалось, переливалось одно в другое. Меня захватывала эта таинственная мелодия. Это была школа нашей жизни, способ существования... «Вы же ее знаете...» или «Конечно, конечно, вы правы...», или «Вы мне не верите?..», или «Я понимаю вас, я согласна, но все же, но все же...»

Иногда она тихо плакала, надеясь, что я ничего не вижу, над носком, который она штопала, над нехитрой нашей едой, и я видел: крупные слезы скатывались по белоснежной, по прекрасной ее щеке.

Бывало, она приводила себя в порядок, лихорадочно, торопливо, деловито, придирчиво смотрелась в зеркало, и я видел, как меняется ее облик: то обаятельная улыбка озаряла ее лицо, то суровая непреклонность, а то вдруг просительная гримаса, а то и подобострастный кивок, и царственная невозмутимость, и маска презрения... Видимо, она проигрывала перед зеркалом какие-то разговоры, какие-то с кем-то встречи, от кого хоть что-то могло зависеть в судьбе ее сестры. Я наблюдал эти горькие репетиции, а передо мною струились карагандинские пески, плыла поздняя осень. Был лагерь и колючая проволока, и вышки с часовыми, и мама в сером ватнике возле тачки...

Из утешительных слов тети Сильвии явствовало, что все это несметное множество людей, изъятых из жизни и осужденных на прозябание в тюрьмах и лагерях, что все они в чем-то виноваты, и только с мамой произошла роковая ошибка, которая вот-вот раскроется, и наступит торжество справедливости. Не очень убедительно звучало это, но я и это принимал, как маленькую надежду.

И вот не знаю, как ей удалось пробиться, разведать, выяснить, определить, но однажды она все-таки воскликнула, входя в дом:

— Мама в Тбилиси!.. Ее привезли сюда. Она в Ортачальской тюрьме!.. Теперь будет легче..

Что будет легче, я так и не понял: то ли легче будет о ней хлопотать, то ли легче будет с нею повидаться. Но повидаться нам с нею не пришлось. Свидания не разрешались, пока не состоится суд, а когда он состоится, никто не знал. Вот и продолжалась эта неукротимая деятельность тети Сильвии в надежде хоть что-нибудь выяснить, разведать, определить. О, какие усилия тратились людьми, чтобы нет, не побороть, а хотя бы несколько смягчить эту неумолимую машину нашей судьбы! Все было пущено в ход: от мелкого интриганства до высочайшего вдохновения. Как это получалось у тети моей, у красивой, неистовой, беспомощной сорокалетней моей тети Сильвии, не мне судить. Это для высших сил. Что я? Я просто был при этом. У меня не было ни опыта, ни сноровки, только постоянная вкрадчивая тоска безысходности, разъедающая душу. Быть может, думал я, я заслужил эту участь чем-нибудь таким, каким-нибудь неловким жестом, неосторожным шагом, непродуманным словом? Почему, думал я, другим все: и улыбка, и будущее, и всякие праздники — все, а мне — ничего? Хотя что я знал о других, варясь в своей беде?

Наступила зима, а суда все не было. Гнилая тбилисская зима, гнилые ощущения, дождь и снег, коптящая керосинка, обогревающая комнату, томительные лекции в университете и мои друзья, напрягшиеся вместе со мною. И всяческие фантазии на ту же тему: уж если снова в лагерь, то хоть не в эту пронзительную непогоду, лучше бы летом, пусть жара, пусть, чем вот это неистовство, из промерзших вагонов в отсыревшие бараки и с тачкой под снег... И мы спрашивали друг у друга шепотом: «Ну что слышно? Решилось?..»

В конце концов все ведь решается, не так ли?

Только нужно было набраться терпения. О, мы привыкли терпеть. Терпение стало второй натурой, воздухом, которым мы дышали, и, когда этого воздуха становилось слишком мало для ничтожного вздоха, хотелось кричать и плакать. Как странно двигались мы при этом! Какие произносили несуразности, я помню, покуда однажды самым отвратительным февральским полднем не родились из колдовства тети Сильвии, из заговорщической ее суеты, из ее хождения по краю пропасти долгожданные счастливые выкрики...

Я помню, она крикнула мне в лицо, вернувшись после очередного поединка, что мы победили, что бог есть и есть справедливость... А ты говорил, что нет справедливости, ты помнишь? Кто это говорил? Ты утверждал все это, а я верила, что она ни в чем не виновата, потому что она ни в чем не виновата, а ты говорил, что перед нами глухая стена... кто это говорил? А я верила, я знала... Не будет лагеря, не будет! Ни лагеря, ни тюрьмы... не могут невиновную женщину запихать в лагерь... а ты говорил... а я говорила, что не могут...

— И что же?! — крикнул я, боясь верить.— Что же теперь?

Она наконец села в кресло, а до того все металась по комнате, перебирала на столе какие-то бумажки, маленькая прядь отбилась от ее прекрасной прически, она ее поправляла, но ничего не могла и вдруг успокоилась, уселась и заплакала, как только она умела, бесшумно и страшно. Может быть, это были даже не слезы, а счастливая влага, источаемая душой? Кто знает...

— Вот видишь,— сказала она мне,— как важно вовремя собраться... Я их всех прижала, всех, вот они все у меня где,— и яростно потрясла сжатым кулаком,— они увидели, что она ни в чем не виновата... какой уж тут лагерь? За что? Они дали ей ссылку,— она пристально глянула на меня,— это значит, что ей определят место, ну там деревню, поселок какой-нибудь, и там она будет абсолютно свободна, представляешь? Будет жить в нормальном доме, ходить в магазин, в кино! — Она изучала мое лицо, я это видел.

— Какое счастье! — сказал я и попытался улыбнуться.— Сколько же ей там находиться?

— Ну, это не будет продолжаться вечно,— сказала она с обычной своей прозорливостью.

Она теребила мой чубчик. Ссылка называлась вечной, но мы, словно сговорившись, опускали это слово. Вечного ничего не бывает.

— К ней можно будет ездить, говорить по телефону...

— Хоть бы место поприличнее,— сказал я.— Даже не верится, что не будет лагеря,

Она звонила своим знакомым и говорила, что вот какое гуманное решение и вместо ужаса лагерей будет всего лишь ссылка, хотя мы живем в такое сложное время и в таком окружении, но сочли возможным вынести такое решение... бедная ее сестра, она тоже вздохнет после всего, что было, потому что какая у нее была жизнь? Все висело на волоске, никаких прав...

— Видишь ли,— сказала она мне,— такое сложное время. Конечно, мама ни в чем не виновата и могла бы не подвергаться всем этим ужасам, но мы живем в такое сложное время, и они, конечно, не могут теперь взять ее и выпустить так просто, ты понимаешь?

— Еще бы,— сказал я.

— Главное в том,— сказала она,— что мама ни в чем не виновата. Иначе разве было бы такое мягкое решение?

Казалось, что и погода за окнами помягчела. И я звонил своим друзьям: Зурабу, Володе, Филиппу и Нате, и Додику Барткулашвили, и всем рассказывал о случившемся, и объяснял, какая разница между лагерем и ссылкой, опуская слово «вечная» как излишество. Важно ведь то, что там она будет свободным человеком. Будет ходить в кино, если захочет, и я смогу на каникулы приезжать к ней.

Но почему-то снова мы не могли добиться с нею свидания, и передач у нас не принимали, и сроки ее отправки сохранялись в глубокой тайне.

— Почему она не может поехать сама по месту своего назначения! — сокрушался я, и слово «назначение» успокаивало: оно было так буднично, не то что ссылка или вечное поселение. И снова жизнь испытывала наше терпение, и снова углублялась пропасть между «мы» и «они». Мы были беспомощны, они — таинственны и всесильны.

Однако тетя Сильвия продолжала идти напролом. Щеки ее лихорадочно пунцовели, карие глаза сверкали, непослушная прядка выбивалась из прически. С утра она надевала свои лучшие платья и отправлялась по таинственным адресам. Где уж там она бывала, в какие проникала кабинеты, кого упрашивала, у кого вымаливала — кто знает, но наконец ей и тут пофартило, и она узнала, что завтра отправят маму в арестантском вагоне с московским поездом.

Как странно теперь вспоминать те годы, когда в каждом пассажирском составе был обязательно арестантский вагон — темно-зеленый, с зарешеченными маленькими окнами. Как привычны они были тогда, как равнодушно скользили по ним наши взоры.

Вечером следующего дня, задолго до отхода московского поезда, мы были на вокзале. Дома, перед уходом, тетя Сильвия уложила в большую сумку вещи, которые, как она считала, могли бы пригодиться маме: старая кофта, теплая юбка, пара туфель, ботинки, пакет сухарей, бутылочка с подсолнечным маслом и табак, и несколько старых журналов, и носки, и белье, и даже чайник, простой алюминиевый чайник, видавший виды, потерявший блеск, но еще вполне годный к употреблению.

На вокзале было тихо. Все платформы были пустынны. Состава не было нигде.

Я стоял с сумкой, прислонившись к чугунному столбу, а тетя Сильвия вновь отправилась на разведку, потому что очень важно было установить место, где окажется арестантский вагон. Время шло. Начало вечереть. Дождь прекратился, и только мартовский сырой и колкий ветер бесчинствовал на путях. Вернулась тетя Сильвия — разведчица моей души — сказала, подбадривая меня, что скоро подадут состав. Мы, конечно, не представляли, как все это будет выглядеть и как мы будем передавать сумку маме.

Грязно-серые сумерки опустились на вокзал. Показался московский состав, он медленно приближался. Трудно было определить, какой из путей он выберет, но тете Сильвии было известно, что наша платформа — именно то место, которое нам нужно. Вот послышался перестук колес. Длинная змея поезда, извиваясь, приближалась, однако в последнюю минуту она изогнулась и поползла по совершенно другому пути, за второй от нас платформой. Мы заметались. Там, прямо за паровозом, и точно, просматривался арестантский вагон. Не успел состав остановиться, как пассажиры запрудили платформу. Перебегать через пути было слишком высоко. Мы оказались отрезанными от состава. Поезд, полязгав, остановился, и пассажиры полезли в вагоны. Лишь арестантский вагон стоял в одиночестве — к нему никто не спешил. Я поглядел вдоль путей, где-то вдалеке виднелся переход на другую платформу.

— Смотри, смотри,— крикнула тетя Сильвия,— вон мама!

Непонятно, как успела образоваться группка людей у арестантского вагона. Около тридцати женщин с сумками, с чемоданами стояли кружком, а вокруг — плотным кольцом охрана. Среди женщин я разглядел маму в старой лагерной телогрейке, с лагерным же чемоданчиком в руке. Я замахал, она нас увидела. Мы кивали друг другу. Я выставил вперед руку с оттопыренным большим пальцем, и это должно было означать, что у нас все хорошо, пусть она о нас не беспокоится. Арестантки полезли в вагон быстрой ускользающей струйкой. Влились и исчезли, и снова возле арестантского вагона было пусто.

Тетя Сильвия вырвала у меня сумку и побежала к дальнему переходу. Быстро темнело. Машинист вскарабкался по ступенькам на паровоз. Пассажиры заканчивали посадку. Как моя тетя перебегала через пути, я не видел. В вагонах осветились окна. Везде. И только в мамином вагоне господствовала темень. Затем состав дернулся и медленно заскользил. Через несколько минут его словно и не было.

Вернулась тетя Сильвия. Она успела добежать до вагона и разыскала начальника охраны. Его фамилия была Еськин. Сержант Еськин сначала и разговаривать не захотел, но все-таки смилостивился, хотя вещи передать категорически отказался. Она уговаривала его, называла дорогим, родным и плакала, и сунула ему пятьдесят рублей, и тогда он согласился передать, но только чайник.

— Только чайник,— сказал он,— эта вещь в дороге нужная.

Всю обратную дорогу домой мы праздновали удачу.

Теперь прошло много лет. Теперь и вспоминать об этом как-то не так больно. В 1956 году мама вернулась окончательно. Вот тогда мы и узнали, что чайника сержант Еськин так ей и не передал.

За что? Почему? Во имя чего?..

Впрочем, это уже не имеет значения.

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

ИМПРОВИЗАЦИЯ В МИНОРЕ

Людмила ГУРЧЕНКО

Публикация материала об Олеге Дале «Судьба актера — до и после» (№ 12, 1988) вызвала много откликов. Читатели просят нас вернуться к теме, более подробно познакомить их с жизнью замечательного актера, слишком рано ушедшего из жизни. Людмила Марковна Гурченко согласилась продолжить рассказ.

Однажды весенним вечером в Театре-студии «Современник» показывались три артиста. Два молодых актера, только что окончивших театральный институт, и актриса кино, годами несколько их старше, но уже успевшая и побывать на вершине славы, и понять значение слова «забвение». Той киноактрисой была я. Одним из молодых актеров был Олег Даль. В тот день испытанием и проверкой нас связала судьба. И между нами негласно сложились очень теплые отношения. И потом всегда, краем глаза, мы отмечали друг у друга и успехи, и всяческие изгибы в нашей самой неангажированной в мире, грустной и прекрасной профессии.

В тот вечер я так сосредоточилась на своем показе, что поначалу очень многого не заметила. Я даже не помню, что за отрывок и какую роль играл Олег Даль под взрывы аплодисментов всей труппы, которая обязательно всем составом голосовала и принимала каждого будущего своего артиста. И когда реакция была особенно бурной, я заглянула в фойе, где проходил показ. Худой юноша вскочил на подоконник, что-то выкрикивая под всеобщий хохот,— оконные рамы сотрясались и пищали,— а потом слетел с подоконника чуть ли не в самую середину зала, описав в воздухе немыслимую дугу. Ручка из оконной рамы была вырвана с корнем. На том показ и кончился. Всем все было ясно. После такого триумфа мне оставалось только сделать тройное сальто и вылететь в форточку.

Даль стоял в середине фойе. В руке оторванная ручка. На лице обаятельная виноватая улыбка. Высокий мальчик, удивительно тонкий и изящный, с маленькой головкой и мелкими чертами лица, в вельветовом пиджаке в красно-черную шашечку, с белым платком на груди.

На сцене — умен, артистичен, легок, прекрасен! А вне сцены я ловила странное, непонятно откуда идущее ощущение усталости. Усталый мудрый мальчик с добрыми голубыми глазами, которые видели всё. Абсолютно всё. И... молчали. Его молчание не замкнутость, а какое-то красноречивое, особенное — молчание Даля. В нем жила загадка. Казалось, он был тут. И все-таки тут его не было. Однажды Даль не пришел на спектакль. Состоялся сбор труппы. Олег был любимцем у руководства, и — что в такой ситуации бывает редко — его очень любили актеры. Срыв спектакля вынесли на обсуждение. Даль был спокоен, и казалось, что и поучения, и сочувственные взгляды вызывали у него одинаковое внутреннее отторжение. Какая-то очень личная, тайная невозможность освободиться от самого себя мучила его больше всего. Он никого внутрь не допускал. В него влюблялись женщины. И я, репетируя бок о бок с ним, могла бы заметить, когда и он влюблен. Ведь это особое состояние: человек на крыльях! Ничего подобного. Никакого видимого изменения в поведении, в поступках, во взгляде. У меня вообще создалось ощущение, что он вроде как... позволял себя любить, что ли. Я его не видела в наступательной роли.

В пьесе Василия Аксенова «Всегда в продаже» мы играли в дуэте. Олег исполнял роль трубача-джазмена, а я его подружку — стиляжку в черных чулках и короткой малиновой юбочке. История знакомая: поженились, ребенок, бедность. Их соединила музыка. И они жили музыкой: «А помнишь, Элка, как ты стояла у сцены, а я играл...» Мы пели с Далем на два голоса нашему ребенку колыбельную — популярный американский рождественский блюз. Зал притихал. И от этого мы пели еще тише...

А когда Даль выходил на свое соло, когда он появлялся на авансцене с трубой, когда его длинная, неправдоподобно узкая в бедрах фигура изгибалась вопросительным знаком,— никто не верил, да и не хотел верить и знать, что это звучит фонограмма. Трубач в исполнении Олега Даля был образом музыканта — артиста, взлетевшего высоко и прекрасно понимающего свою высоту. В этом своем соло он всегда был разным. И в каждом спектакле, глядя на него, я испытывала новые и новые ощущения, делала новые и новые открытия. Один раз — да, Олег любит, он счастлив! А другой — нет, он счастлив, когда он один. Его много, очень много. И он никогда не скучает с самим собой. А однажды поняла точно, что главным для Олега Даля была СВОБОДА. Роль трубача для него была очень символичной. В ней существовал Даль-артист и Даль-человек — мудрый и тонкий, который видел реально то, что есть. И никогда не заблуждался в поисках того, чего хочется.

Когда я ушла из театра, мы как-то встретились в самолете. Летели на одну студию, в разные картины. «Ты молодец, решилась. А я нет, нет...»

На съемках в картине «Тень» Далю был 31 год. Внешне не изменился совершенно. Ровность в поведении та же, что и в 23 года. Он не менялся с приходом зимы или лета. Даже пиджак носил тот же — в красно-черную шашечку с белым платком на груди. У меня даже засела мысль — а может, у него таких пиджаков несколько? И это его стиль? В фильме «Тень» он приходил на съемку и, отснявшись, быстро исчезал. Близких друзей рядом не видела. Из картины в картину его приглашала сниматься, восхищалась им и любила его режиссер Надежда Кошеверова. Она прощала ему многое. И тут он иногда срывал съемки...

Его глаза часто подолгу останавливались на каком-то предмете. И непонятно было, слышал ли он, что ему говорила режиссер. Но мизансцену исполнял исправно. Текст никогда не путал. А внутри шла совершенно другая, особенная жизнь. При одной из наших последующих случайных встреч он обронил: «И Заманский молодец, решился. А я нет... пока...» А еще через время: «Знаешь, я ушел из театра. Я доволен».

Чем питался Даль, не знаю. И вообще ел ли он? И если ел, то что и когда? Не видела ни разу. Он держался, казалось, одним воздухом. Откуда брались силы на спектакль, на съемку? Загадочный актерский организм! Конечно, конечно, профессия «актер» — это аномалия. Профессия, которая не поддается никаким законам, режимам, кардиограммам, протоколам... Даль — артист! И этим все сказано. Испытывал ли он приступы отчаяния? Не знаю. Ведь отчаяние бывает, когда рушатся иллюзии. По моему ощущению, у Даля иллюзий не было изначально. У двадцатитрехлетнего тонкого, высокого мальчика очень редко были счастливые глаза. В нашу последнюю встречу он мне сказал мрачно: «Я опять вернулся в театр». Он сказал, что хочет снять фильм. Как интересно он говорил о своих сюжетах! Совершенно неординарные мысли зрелого и грустного человека. Наверное, режиссура была его тайной последней надеждой. Значит, надежда была. Ведь режиссура — это хоть и неполная, но все-таки СВОБОДА? А когда уходят одно за другим чувства, надежда уплывает последней. А там уже вроде как и нечего делать на свете.

Олег был в стороне от зависти к чужому успеху, громким именам — в фильме «Тень» его окружали одни звезды. А о лицемерии и подхалимаже за ролишку, за улыбочку режиссера и говорить нечего. Он светился, когда аплодировали его коллеге. Я ему очень верила. Он был искренне счастлив, что я выкарабкалась из безвоздушной жизни. И он мне, как мог, это показывал. Он знал, что мне это нужно. Что мне очень важно понимать это.

Кто видел Даля только в ролях принцев и королевичей, тот не знает Даля. В Печорине? Да, это Даль. Лермонтова читал Даль. Пушкина читал Даль. Восполнял, дописывал, доигрывал недопетое, недоигранное. Даже не в такой уж выигрышной по хрестоматии роли Васьки Пепла в пьесе Горького «На дне» он так страстно летал, что «облетел», кажется, многих.

А когда из-под запрета появилась на телеэкранах «Утиная охота» режиссера В. Мельникова, Даля уже не было на свете. Он так и не дождался своего успеха в этой роли.

Вечером я одна села у телевизора. Отключила телефон. Ни видеть, ни слышать никого не хотелось. Не отрываясь, смотрела на Олега. Боже мой, какое трагическое ощущение невозможности, а может, и нежелания поправить судьбу... Его драмы хватило бы на многих.

Два Даля... Трубач исполняет «Импровизацию в миноре». Но та минорная импровизация была у Даля самой мажорной, самой светлой. Он играл импровизацию Гиллеспи изогнувшись, как «Девочка на шаре» Пикассо. Шар катился, и катил его по жизни, где он все заранее предвидел и... понимал, что изменить он ничего не в силах. Единственное, к чему он летел — СВОБОДА — доставалась ему с огромными трудностями и осложнениями в жизни.

Даль никогда не гримировал своего лица. И в последней картине он тот же высокий, тонкий, мудрый, молодой, в глупых шароварах стоит один, в пустой квартире. Своим умным пронзительным взглядом смотрит в окно. Худая спина Олега; балкон, на котором стоят и лежат пустые бутылки; серый, заброшенный, заваленный мусором, железками двор. О чем он думал? Это знал только он один. Все же Олег Даль был загадкой. Может быть, именно поэтому его любили и понимали очень тонкие зрители. А бурный массовый успех его обошел. Я думаю, что Олег в своих некоторых работах опередил свое время. Потому он будет интересен всегда.

Кончился фильм. И надо было... В общем, надо было как-то продолжать жизнь.

«У меня впечатление, что, начиная с определенного возраста, у людей здесь, по крайней мере в театральной среде, исчезает импульс к продлению жизни» — это слова английского режиссера Питера Брука, сказанные во время одного из его коротких визитов в нашу страну.

Олег Даль. Его не стало в сорок лет.

ЛИЧНОСТЬ РЕШАЕТ ВСЕ!

Начало на стр. 6.

Советам!» Между прочим, такого лозунга, чтобы «Каждому — орден!», отродясь не было ни при Ленине, ни даже при Сталине, он негласно родился во времена Хрущева и был полностью реализован Брежневым да с таким рвением, которого за глаза хватило бы для выполнения двух Продовольственных программ. Будь у Леонида Ильича толковые советники, они помогли бы ему написать или хотя бы подписать актуальную для того периода газетную статью под названием, до боли нами узнаваемым: «Головокружение БЕЗ успехов». Не помогли. Не подсказали. Зря. Он прочитал бы и, может, сам чего-то понял.

Вернемся в сегодня. Сегодня хозрасчет, аренда, семейный подряд и другие формы кооперации — главные аргументы перестройки: вот плодородное поле для приложения неизрасходованных сил народа-хозяина. Причем наиболее выдающиеся «урожаи», снятые с этой нивы и в сельском хозяйстве, и в промышленности, и в литературе, и в искусстве, в изобретательстве, в архитектуре, в науке, ну и, конечно, в кооперации, не грех бы и в самом деле отмечать наградами. Но какими? Мало орденов? Нужен еще «За перестройку»? И все равно какому-нибудь специальному ведомству пришлось бы внимательно следить за тем, чтобы частота награждений не обгоняла частоты реальных успехов «перестроечников». Мы ведь уже научены, а потому знаем, что щедрое навешивание орденов ни в коей мере не удовлетворяет даже самих награжденных, потому что жажда наград в принципе неутолима. И снова вопрос: какой смысл в этих орденах? Нет, решительно не могу скрыть от читателя того, что он, и сам во мне подозревает: душа моя буквально восстает против всяких, кроме воинских (подчеркиваю, чтобы избежать ненужных упреков: кроме воинских!), наград. Не уходит из памяти давно и прекрасно сказанное: «Все земные почести не стоят одного верного друга». Господи, скольких верных друзей иные из нас уже разменяли на ордена и звания! Мы всю свою жизнь только и заняты тем, что учимся праведно жить, но почему-то не успеваем научиться, пока живем.

О НАГРАДОНОСЦАХ. Простите за сентенцию, но равенство перед законом отнюдь не предполагает автоматического равенства перед орденами: за то и другое еще надо бороться. А пока что категорически утверждаю,— впрочем, никто и возражать не станет,— что у нас есть должности, которые сами притягивают к себе награды. Таким магнитным свойством обладают прежде всего командные посты: партийные, советские, хозяйственные и даже «выборные», особенно когда это слово приходится брать в кавычки. Вы можете назвать, к примеру, хотя бы одного первого секретаря обкома партии или председателя облисполкома, которые, покинув свои посты, не унесли бы с собой по два, а то и по три ордена, причем совершенно независимо от того, какое оставили после себя наследство? Если вы думаете, что все эти люди продвигались наверх по орденам, как по ступенькам, то есть от успеха к успеху, то ошибаетесь. Бывало, конечно, и так, но чаще наоборот: они сначала попадали в номенклатуру, для попадания в которую существуют свои законы, далеко не всегда связанные с организаторскими способностями «абитуриентов», а уж затем к ним начинают липнуть ордена и вовсе не обязательно, чтобы «за большие заслуги», за которые будто бы присуждаются. Попробуйте иной раз сложить все их награды и все их успехи, и у вас получится так: ордена — вот они, налицо. А где успехи?

Прошу понять меня правильно: я вовсе не намерен оспаривать законность получения наград всеми функционерами, у меня для этого нет достаточных оснований. Кстати, «функционер» расшифровывается энциклопедическим словарем как «работник партийных и профсоюзных организаций» с осторожным доперестроечным добавлением: «в некоторых странах».

Напрасно скромничаем: мало того, что функционер, будучи и нашим родным детищем, получил сегодня более широкое толкование, он еще слился в народном сознании с носителем бюрократической функции в административно-командной системе. А проще сказать, стал «деятелем», но не с тем благородным и подвижническим содержанием, какое было когда-то, а с заметным привкусом застойных специй. Не избежали, к сожалению, крена в функционерство и многие сугубо творческие организации, не говоря уже о неформальных объединениях, которые, едва образовавшись, сразу начали разбухать «аппаратом».

Известно, например, что каждый из 69 нынешних секретарей правления Союза писателей СССР имеет хотя бы по одному, но непременному ордену. Ну что ж, скажете вы, шестьдесят девять литераторов-самородков уже внесли, должно быть, от «большого» до «выдающегося» вклада в отечественную словесность: зачем удивляться, если страна наша богата талантами? Вы, разумеется, правы.

Но представьте себе: ваши глаза видят на трибуне или на экране телевизора писателя, актера, художника, композитора с орденом на груди. Скажите откровенно, возникнет у вас намерение соотнести награду с уровнем таланта счастливого обладателя? С популярностью — да, с удачей — да, с юбилеем — да, с высоким покровительством — допускаю. А вот с талантом? Боюсь, что в последнюю очередь, и то, если вспомните книгу, роль в кинофильме, картину на выставке, симфонию. Не странно ли это?

Но более удивительно другое: сами наградоносцы, разговаривая между собой, положим, сразу после получения орденов, тоже тщательно обходят эту неловкую тему. Каждый свою награду, вероятно, оправдывает, что-то «эдакое» в себе, любимом, находя, но в коллегах?! С таким сильным скрипом, что скрип почти всегда заглушает признание чужих способностей. Что это: зависть, недоброжелательность, самомнение? Не будем так плохо думать о людях. Это происходит, по-видимому, оттого, что и вы, читатель, и я, пишущий эти строки, и сами награжденные, все мы одинаково точно знаем: когда решается вопрос об орденах, талант во внимание принимается далеко не в первую, а иногда даже не во вторую очередь,— простите, конечно, за столь откровенную констатацию факта.

Спрашивается, а что же тогда главное? И гадать не стоит: функционерская деятельность! Она всегда на виду, ее не надо подтверждать созданием шедевров, она в отличие от таланта легко «взвешивается» тем, что зовется «уровнем отношений», доступом к начальственному уху, возможностью и умением вовремя нашептать, вонзить в сознание обладателя уха нужное «мнение», которое в условиях недостаточно развитого демократизма решает практически очень многое. С другой стороны, ну что это за критерий — талант? Категория непонятная и некоторым образом даже подозрительная. Одним нравится одно, другим другое, одни захлебываются от восторга, другие плюются, кому-то подавай произведения, которые должны быть «понятны народу», кому-то — которые должны быть «народом поняты»: разницу, к сожалению, до сих пор еще не все улавливают или не хотят улавливать.

Отважусь на такую крайнюю мысль: если мы, серьезно ставя вопрос о критериях для присуждения наград людям творческих профессий (именно творческих!), решим пренебречь функционерством, номенклатурной принадлежностью и доступом к «начальственному уху», нам придется либо вообще отказаться от наград (за что я голосую двумя руками, и не только я, уже многие почтенные люди недвусмысленно высказались по этому поводу), либо устраивать по каждому конкретному случаю общенародный референдум (что, как вы понимаете, не реально), либо, вспомнив, как награждали орденами летчиков во время войны за определенное количество боевых вылетов или сбитых самолетов врага, переходить на такую же несложную, но безошибочную систему обоснований наград.

А именно: давать, например, каждому композитору орден за сочинение трех симфоний (или трех балетов, или двадцати фуг, или ста популярных эстрадных песен, или двухсот рок-композиций) да еще при условии, если автор умеет играть не менее чем на двух инструментах; каждому артисту — за полсотни сыгранных ролей при условии выхода на пенсию или при наличии хотя бы одного обширного инфаркта; каждому художнику — за написание сорока картин размером не менее 2×1,5, выставленных, как минимум, на трех персональных выставках, и хорошо бы еще имеющему окладистую бороду как признак породистости (надо подумать, правда, как определять этот признак у женщин-художниц); каждому литератору — за три романа (или три поэмы, или десять повестей, или тридцать рассказов, или две пьесы, поставленные не менее чем в двенадцати театрах) и т. д. Кто-то скажет: а качество?! А что качество? Мы до сих пор пользуемся «валом»: плохо, конечно, живем, но живем. С орденами, между прочим.

Вижу недоумение на лице читателя: автор, конечно, валяет ваньку, но неужели ему понадобилось так делать, чтобы обосновать невозможность выработки критериев для оценки произведений литературы и искусства? Неужто без доведения проблемы до полного абсурда это недоказуемо? А вдруг в Постановлении уже есть какие-то критерии, их, может быть, уже выработал законодатель?

Постановление, ау-у-у! Не откликается.

Ордена между тем, если вы обратили внимание, носить в последнее время стали значительно реже. Объяснение надо искать, по-видимому, в том, что меняется время. Оно становится деловым, и мозги постепенно поворачиваются в другую сторону: не к наградам, а к работе. Дело надо делать, вкалывать в поте лица, вот аренду бы себе в петлицу присобачить в виде какого-то символа, хозрасчет красным бантом на шапку: «Не для отличия,— как сказал молодой арендатор по телевидению,— а для узнавания: кто есть кто».

Отсюда и стиль строгий, деловой. Согласитесь, нелепо, собираясь на совещание, далекое от торжественного, а посвященное агрономическим проблемам, надевать на себя орденский иконостас, образовавшийся, возможно, именно за тот период, когда закладывался фундамент нынешних трудностей. Нет, конечно, никто не встанет на совещании и не скажет, что в зале, мол, сидят люди, одетые «не по погоде», но общая атмосфера деловитости и серьезности как бы диктует участникам совещания деликатность в обращении с орденами. Вот и высший эшелон власти, прочувствовав момент,— что хорошо было видно, к примеру, на только что прошедшем мартовском Пленуме, ограничивает себя ношением скромного депутатского значка, спрятав в сейфы прочие и, надо полагать, немалые награды до тех времен, когда перестройка, во-первых, станет необратимой и, во-вторых, начнет приносить плоды.

Есть еще одна причина общей сдержанности, которую нельзя не заметить. Когда-то древнеримский оратор Квинтилиан сказал: «Что бы ни делали государи, кажется, будто они это предписывают всем остальным». Подмечено точно и живо даже сегодня, хотя и государей у нас нет, и с культом, Бог даст, покончено навсегда. И все же, и все же. Нет, не жгут по ночам министры свет в своих кабинетах, как делали это во времена Сталина, зная, что и «отец народов» не спит. Но стоит нынешнему министру явиться утром на коллегию без галстука, а в рубашке под пиджаком, застегнутой на верхнюю пуговицу, как через неделю большинство членов коллегии попросит жен пришить на рубашки пуговки. А найдется один начальник главка из десяти, который, наоборот, сменит пиджак на спортивную куртку на молнии, министр посмотрит на него долгим запоминающим взором, зато в этом главке на совещании директоров заводов начнется вскоре повальное переодевание в куртки на молниях, за исключением, возможно, одного директора из пятнадцати, который наденет вдруг косоворотку.

Я, конечно, утрирую, но обнажаю принцип, по которому живет наша славная бюрократия, не только копируя сверху вниз чисто внешние признаки, что выглядит не более чем забавно, но одновременно нарабатывая один стиль деятельности, единомыслие и единообразие, которые замечательно гасят инициативу, подавляют личность в любых ее проявлениях. Между прочим, министр, с которого я начал этот краткий обзор, галстук на пуговицу тоже не потому поменял, что он такой самостоятельный, а потому что заметил у кого-то, сидящего этажом выше. А потом в министерстве вдруг первым переходит на хозрасчет по второй модели именно тот главк, начальник которого носит спортивную куртку на молнии, а главк этот тянет и вытягивает завод, начальники цехов которого строптиво носят косоворотки.

Печальный жребий копирования минует, кажется, только творческие союзы. Здесь все, начиная с сановных членов секретариата до рядовых творцов, одеваются кто во что горазд: и в толстые свитера, и в цветастые рубахи навыпуск, и в длинные шарфы вокруг шеи, и в легкомысленные блузы с красными «бабочками», ну и, конечно, в строгие темные костюмы при галстуках, не без этого, но главное — думают разнообразно или по крайней мере учатся думать.

Шума от них, разумеется, много, так ведь и пользы не меньше.

О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ. Завершаю повествование наиболее сложной для меня и болезненной для иных темой. Избежать этого разговора совершенно невозможно. Вообще могу признаться, что если бы ордена только украшали людей, как их украшают кулоны, то есть несли одну эстетическую функцию, а не социальную и нравственную, я бы не вцеплялся в эту тему с таким бульдожьим упорством.

Увы, Постановление «О совершенствовании...» так и не стало плотиной на пути наградного паводка. Более того, у меня создается впечатление, что ордена все еще не утратили свою «допинговую» сущность. И раньше так было, и сегодня: едва кончается действие одной награды, кстати сказать, определенное теперь в пять лет, как срочно требуется «подкалывать» новую порцию. Ну, кажется, все имеет имярек: он Герой Социалистического Труда, и лауреат многих премий, в том числе Ленинской, и ордена у него куры давно не клюют, и спит он спокойно, поскольку, представим себе, получил все это заслуженно, но будто приближается время «ломки», и вновь издается Указ о награждении его пусть небольшим, но все же орденом,— да зачем он ему? И что это за труженик такой, если разучился работать «не за страх, а за совесть», как говаривали прежде, а умеет только «не за совесть, а за орден», как надо говорить теперь? Правда, учитывая то обстоятельство, что он не сам себе подписывает Указы, не знаю даже, сердиться на него или ему сочувствовать?

Потороплюсь напомнить читателю: есть у нас, конечно, и самоотверженные работники, и мужественные борцы за перестройку, которых необходимо поддерживать и, возможно, даже награждать, но чем? Орденами и званиями, то есть официальным признанием? Или народ их наградит доверием и любовью, то есть признанием общественным? Право, не знаю, что они сами по этому поводу скажут, но мне сдается, нет у них в этом смысле альтернативы: истинные прорабы перестройки в допингах не нуждаются. По мне, так лучше знать о человеке, что он «достоин, но не имеет», чем «имеет, но недостоин».

Итак, мы у самого подножия трудного разговора, посвященного социальной справедливости. Если закон и общество решат награждать в дальнейшем только людей достойных, к тому же за реальные дела и по их конечным результатам, то логическим продолжением такого решения должна стать «забота» о наградах, неправедно розданных в далеком и недавнем прошлом. Постановление по этому вопросу опять целомудренно молчит. Но я не уверен, что все мы способны смириться с тем, что многие люди все еще носят реальные награды за липовые заслуги. Не думаю, что всем нам достанет великодушия не замечать того, что кто-то все еще пользуется нечестно полученными привилегиями. Не каждый из нас сумеет отвести взор от, прямо скажем, реликтовых дважды Героев Социалистического Труда, столкнувшись с ними на улице, по которой они, правда, ногами не ходят, а все еще катят в черных «Волгах».

Нет, читатель, не ждите: имен и фамилий и на сей раз не будет. Не жажду я чужого позора. Хочу справедливости всего лишь, но не забываю о том, что под лозунгом социальной справедливости и головы могут лететь, и кровь может пролиться. Так будем сдержанны и осторожны, уповая на то, что «стыд,— как сказал великий философ Владимир Соловьев,— есть начало совершенствования». Впрочем, не слишком ли я наивен? В таком случае люди, о которых я говорю, должны понять: если я не называю фамилий, это не значит, что их не назовут другие, а дело определенно идет к тому, что скоро начнут называть. Не будем думать, что все они пребывают в младенческом неведении относительно заслуженности своих привилегий: в отличие от нас с вами они-то как раз точно знают, кем, когда и за что «делались» и «давались» им ордена и звания. На что же теперь рассчитывают? Что про них все же забудут под шум перестройки? Или на то, что процесс пойдет вспять и останется только почистить награды бархоткой? Вот уж кому в таком случае перестройка, как кость в горле, но неужели они не понимают, что мы и это про них знаем? Почему ж не находят в себе мужества отказаться от всех этих «радостей», почему тихо сидят, как мыши за веником, тоскливо и обреченно ожидая, когда начнут отбирать при помощи Указов «о лишении»? В конце концов чем быстрее человек избавится от чужого, тем быстрее у него останется собственное.

Понимаю: сегодня трудно найти смельчака, рискнувшего публично не принять предложенной ему награды, хотя такое право, как ни парадоксально это прозвучит, должно безнаказанно предоставляться каждому. Но публично отказаться от **ТЕХ** лауреатств?! — как говорится, под бурные аплодисменты всего зала. Не представляю себе газеты, которая не поместила бы на своих страницах десяти строк заявления о добровольном возврате незаслуженных наград. Трудно решиться на такой шаг? Трудно. Жалко терять так много привилегий? Жалко. Но ведь все потерять может и тот, кто обладает совсем немногим. Куда важнее, товарищи, сохранить лицо, и этот шанс должен быть предоставлен этим людям: такова еще одна причина, по которой не надо торопиться с фамилиями. Говорят, что гроссмейстер умеет рассчитывать партию на двадцать ходов вперед, мастер — на пять, а новичок как минимум на два.

Ну что ж, время «пошло́». Теперь ваш ход, «лауреаты»!

Закончу все же опубликованием некоторых фамилий, но прежде напомню читателю недавний «Телесерпантин», который вел Марк Захаров. Разговаривая с Андреем Кончаловским, он спросил своего собеседника (примерно так): в чем, с его точки зрения, особенно остро нуждается наша сегодняшняя жизнь? Задай он этот вопрос мне, я попросил бы сутки телевизионного времени и после безостановочного перечисления претендовал бы на строчку в Книге рекордов Гиннесса. Кончаловский ответил одной фразой, даже одним словом, сказав его проникновенно, без актерского нажима: «В личностях».

И вот, представьте, буквально через неделю состоялась читательская конференция, на которую и меня пригласили, я не пошел из-за болезни, но знаю, что там произошло. Ведущий, социолог по профессии, обратился к молодежной аудитории с просьбой назвать ныне живущих рядом с нами людей, обладающих правом именоваться «Личностями», он сказал: с большой буквы. Не стану тратить время на описание страстей, которые там разбушевались, сразу скажу о результате. Залом был выработан список из тридцати фамилий, тридцать первую добавили уже под занавес. Приведу список весь, уверенный в том, что он может быть каждым из нас и оспорен, и продолжен, и укорочен, но вести полемику вне зала со мной вы, надеюсь, не будете. Тем не менее обратите внимание на размах крыльев у этого списка: есть в нем и Святослав Рихтер с Виктором Астафьевым, и Сергей Аверинцев с Аллой Пугачевой, и Роальд Сагдеев с Роланом Быковым, и Валентин Распутин с Виталием Коротичем, и Дмитрий Лихачев с Гавриилом Поповым, и Юрий Карякин с Михаилом Горбачевым, и Андрей Сахаров с Майей Плисецкой, и Андрей Нуйкин с Алексеем Германом, и Альфред Шнитке с Борисом Ельциным, и Гарри Каспаров с Николаем Сивковым («архангельским мужиком»), и Григорий Бакланов с Леонидом Абалкиным, и Василий Белов с Булатом Окуджавой, и Татьяна Заславская с Ильей Глазуновым, и Владимир Кабаидзе с Владимиром Дудинцевым, и Святослав Федоров с Борисом Гребенщиковым, и после совсем уж отчаянных дебатов в список вошла Жанна Агузарова. Всё.

Сознаю: приведенный мною список может вызвать и раздражение, и удовлетворение, и, что называется, ноль эмоций, но это зависит, собственно, от каждого из нас, а не от каждого из них. Короче говоря, можно как угодно относиться к этому перечню, приняв ту или иную фамилию с большей или меньшей симпатией, можно какие-то имена вовсе не принимать, но давайте сойдемся в главном: перед нами индивидуальности, дополнительной чертой которых является еще их известность, популярность.

Но самое интересное заключается в том, что правом называться личностью обладают и многие «выборщики», то есть люди, составившие список, как и многие «оценщики», то есть люди, читающие сейчас эти строки и вырабатывающие свое отношение к списку. Какими критериями в конце концов определяется «личность»? Как минимум нестандартностью личных качеств, причем вовсе необязательно признанной окружающими, но ощутимой самим человеком: вспомните провозглашенную Андреем Платоновым «самность». А таких людей на земле, в том числе и в нашем обществе, конечно, не три десятка, а, условно говоря, легион. Что же касается наград, то по отношению к ним личность всегда обладала и будет обладать самостоятельной ценностью, совершенно независимо от того, имеет значок лауреата или нет. Когда-то Сталин провозгласил лозунг «Кадры решают всё!» Мне кажется, что в ту пору, когда личностям повально заменяли сердца на пламенные моторы, они становились «кадрами». Если сегодня «кадрам» вернуть сердца, они вновь превратятся в личности, которые как раз и способны все решать.

Именно от них будут зависеть качество нашей жизни и судьба перестройки.

Вы не согласны?

КАЛУЖСКИЙ ИНЦИДЕНТ

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

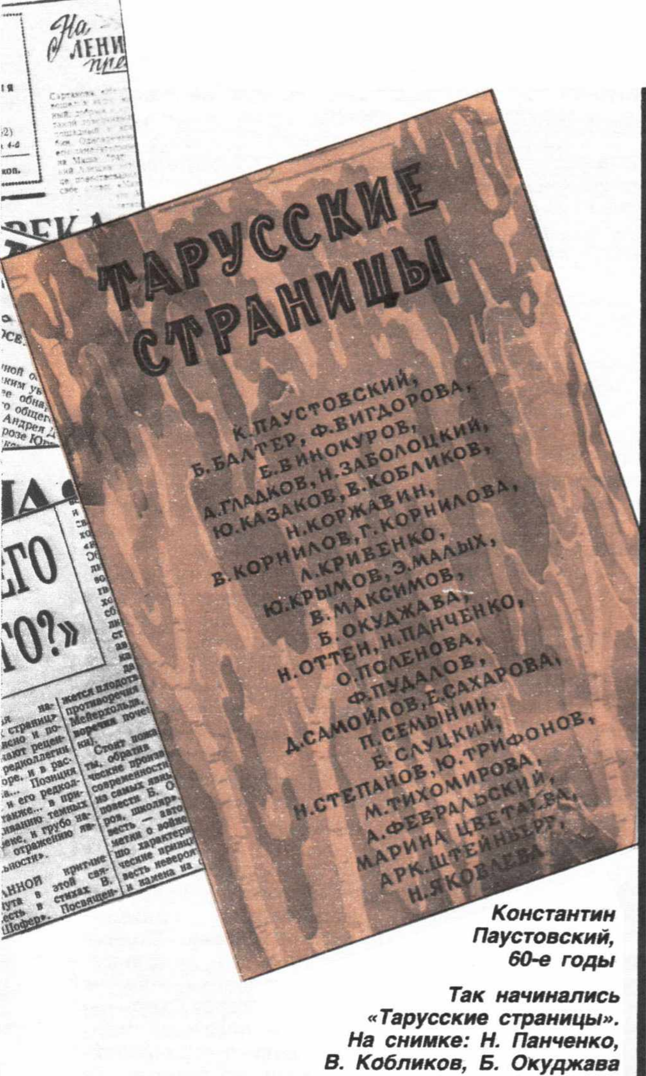
Илья МИЛЬШТЕЙН

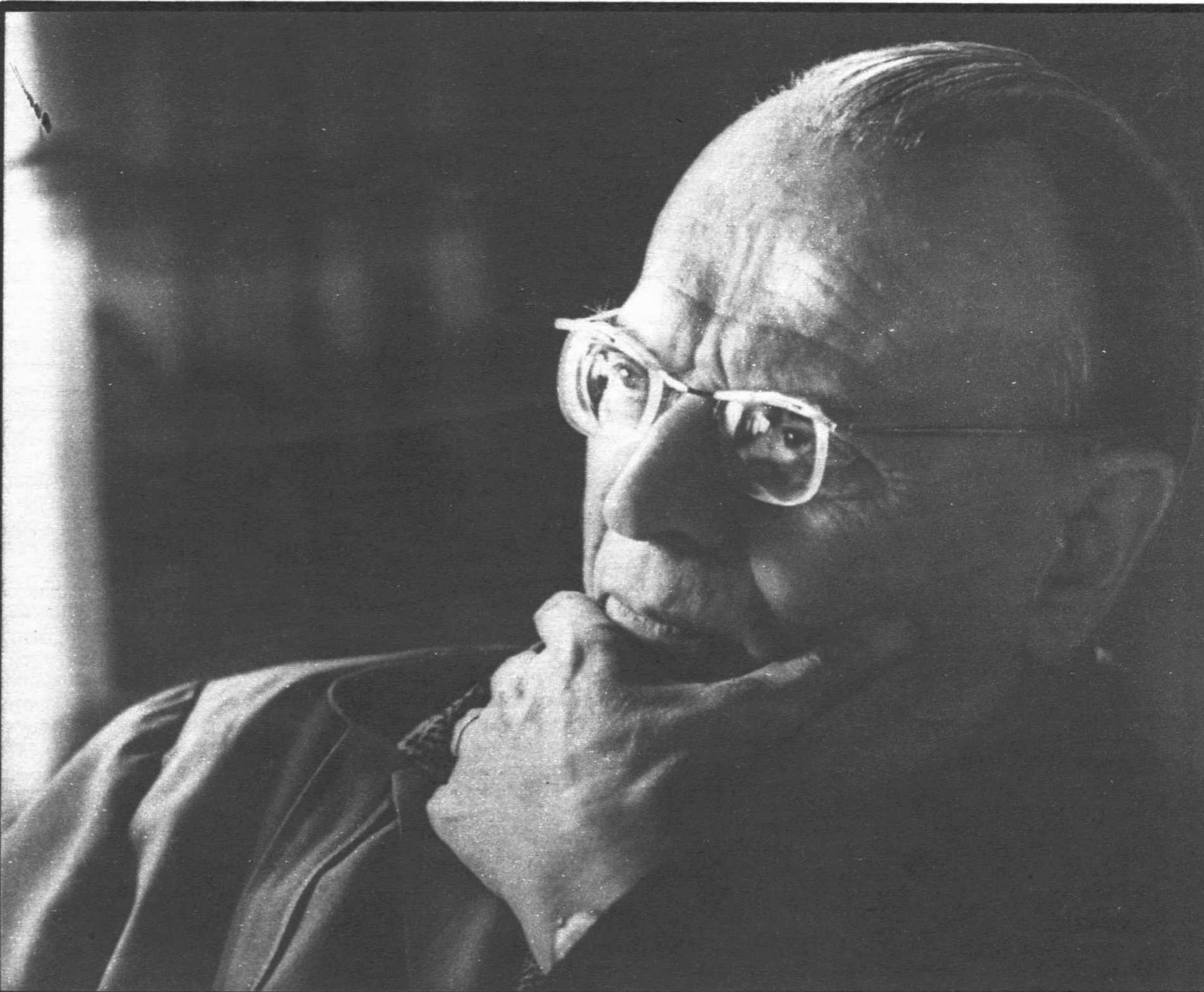

стория, о которой пойдет речь, случилась почти тридцать лет назад в Калуге. Происшедшее было связано не столько с местными особенностями, сколько с теми изменениями, которые обозначились в жизни всего общества. Началась эпоха XX съезда. Новая действительность ожидала новой литературы. Многие руководители, борясь на словах с ретроградами, на деле обнаруживали крайнюю непоследовательность в области культуры и склонность прислушиваться к мнению тех, кто по привычке продолжал всюду искать и находить заговоры. Разгром «Литературной Москвы», травля Дудинцева, постыдное «дело Пастернака» — все это происходило тогда.

Страх скрывался за маской презрения и гнева. **«Сейчас в литературе толчется кучка неких что-то пишущих пижонов,— заявлял в 1961 году на страницах газеты «Литература и жизнь» Всеволод Кочетов.— Пишут они о том, что у них произошло в постели ночью... о том, что увидели они из окна троллейбуса на московских тротуарах, о том, как пушист снег на Никитском бульваре,— чирикают, выходят со своим чириканьем на подмостки «творческих вечеров», аплодисменты девиц со средним образованием принимают как знаки всенародного признания, и, упоенные дешевым успехом, все дальше отстраняются от большой народной жизни».**

Тем не менее литературная жизнь развивалась. Здоровые силы общества, пробужденного от тоталитарного гипноза, готовили демократические преобразования, порой находя поддержку у здравомыслящей части партийного аппарата.

Константин Паустовский, 60-е годы

Так начинались «Тарусские страницы». На снимке: Н. Панченко, В. Кобликов, Б. Окуджава

Страсти, кипевшие в столицах, выплескивались на периферию. Провинция, как и во все времена, жила надеждами, спорами, слухами, столичными новостями. И было чувство, переполнявшее многих: вот-вот начнется... Что — начнется? А жизнь. Предполагалось, что начнется она где-нибудь там, в Москве... но было еще и стремление, которое выглядело очень дерзким, но уже не казалось бессмысленным: начать самим. Во всяком случае, не расстреляют, не загонят в лагерь, не посадят в тюрьму. Иные времена.

1 октября 1959 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР издали постановление «О литературно-художественных альманахах», призывавшее «принять меры по улучшению выпуска художественной литературы местными издательствами». В конце того же года в Калужское книжное издательство пришел новый главный редактор. Его здесь знали, он был местным автором. Экономист по образованию, Роман Левита выпустил две брошюры, готовил книгу. В издательство его, по терминологии тех лет, «бросили на укрепление». Укреплять следовало прежде всего экономическую базу: слабо оснащенное, повязанное по рукам и ногам разными планами и инструкциями, издательство задыхалось под бременем расходов, связанных с выходом малопопулярной сельскохозяйственной, политической да и художественной литературы. Литературный отдел — его возглавлял поэт Николай Панченко — печатал произведения местных авторов, что ни писателям славы, ни читателям радости, ни издательству денег не приносило. Это угнетало и редактора, и нового главного редактора, и директора А. Ф. Сладкова. Недавнее постановление ЦК оказалось как нельзя кстати. Издательство решило его выполнить...

В небольшом кабинете, который на пару занимали Левита и Панченко, довольно скоро родилась идея. Она была проста, и ничего оригинального в ней вроде бы не содержалось. Идея такая: издать альманах. Она была неоригинальной хотя бы потому, что альманах в Калуге уже издавался. В нем участвовали опять-таки местные авторы, иногда удавалось привлечь и кого-нибудь из маститых, но это — как исключение, после долгих уговоров, напоминаний, встреч... Новизна заключалась в другом.

Экономист Левита и поэт Панченко задумали сделать свое бедное издательство богатым. Экономист обладал хорошим литературным вкусом, а поэт — экономической хваткой. Решено было, что районный альманах должны прежде всего составлять произведения, отмеченные печатью таланта. Их авторами могут быть как современные прозаики и поэты, так и писатели прошлого. Попутно выяснилось, что талант — критерий абсолютный, а паспортными данными писателя можно пренебречь. Неважно, где он жил или живет — в Москве, Ленинграде, Тарусе, Елабуге... Если хоть раз прикоснулся к калужской земле, значит — калужанин. Конечно, не в экономике тут было дело. Просто очень хотелось издать хороший литературный сборник. В этом и заключалась крамола.

История калужского альманаха, случившаяся во времена оттепели,— классический пример риска, дерзкой авантюры, без которой немыслим литературный процесс.

Конечно, издательству повезло. Повезло, что в Тарусе жил К. Г. Паустовский. Без его помощи, участия и защиты альманах бы не вышел. Имя Паустовского было хорошим прикрытием, и это подсказало название сборника — «Тарусские страницы». К слову сказать, Таруса многие годы служила прибежищем для людей с неблагополучной биографией. Здесь жили и А. Цветаева, и А. Эфрон, и Н. Мандельштам, и писатель Б. Балтер, и поэт Н. Заболоцкий. Отбыв срок в лагере, в Тарусе поселился поэт и художник Арк. Штейнберг. Сюда приезжали молодые поэты, художники. Провинциальный городок сохранял свои культурные традиции, заложенные в начале века. Паустовский, который еще недавно вел семинар в Литературном институте, знал молодых писателей и был рад возможности пригласить их в Тарусу — в «свой» альманах.

Паустовский предложил и составителя сборника — кинодраматурга, критика Н. Д. Оттена, в то время постоянно

жившего в Тарусе. Выбор был правильный: Оттен сразу же загорелся этой идеей и активно включился в создание альманаха.

«Тарусским страницам» этот человек был необходим,— вспоминает поэт Владимир Корнилов,— знаете, как бывают необходимы дрожжи в тесте. Он любил писателей, любил литературу и любил игру. Часто бедствовал, но вечно кому-то помогал, кого-то куда-то устраивал, горячился по пустякам, сражался за справедливость — без этого жить не мог! Он был благородным человеком, порою храбрым, способным на поступок. В 49-м угодил в космополиты, ждал ареста... Жизнь его била до самого конца, но сломать не могла. Он старался не для денег — для игры!.. И часто проигрывал. Вряд ли он был удачлив, но благодаря его отзывчивости, стараниям, напору ко многим его друзьям пришли удачи. Такие люди, как Оттен, нужны, их не хватает сейчас».

В редакционную коллегию альманаха, кроме Оттена, вошли В. Кобликов, Н. Панченко, К. Паустовский и Арк. Штейнберг. Деятельную помощь оказывала писательница Е. Голышева, жена Н. Оттена. Дело пошло быстро: все понимали, что надо спешить. В Калугу и Тарусу, где находился «штаб» альманаха, стали приезжать будущие авторы. Кого-то приглашали, кто-то приезжал сам. Предварительных списков не было, все решалось на месте. Спорили с авторами, спорили между собой, ругались, мирились — кипела жизнь. Все понимали, что происходит нечто необычайное, небывалое до сих пор. Хлынул поток рукописей. С ходу не отвергалось ничего. Предъявлялись, впрочем, два жестких требования. Во-первых, произведения должны были обладать несомненными литературными достоинствами, поэтому даже для написания необходимых сборнику «очерков наших дней» приглашались профессионалы, и среди них К. Паустовский, Ф. Вигдорова, Н. Мандельштам (она печаталась под псевдонимом Н. Яковлева). Во-вторых, на страницы альманаха попадало только то, что печаталось впервые.

Публиковались неизвестные стихи Марины Цветаевой и Николая Заболоцкого, воспоминания о В. Э. Мейерхольде, неизвестная ранняя повесть Юрия Крымова, «Новые материалы о жизни и творчестве В. Э. Борисова-Мусатова». Пробивались к читателю молодые и не очень молодые писатели, не имевшие возможности напечатать самое важное для них в других издательствах или хранившие до поры свои рукописи в столах. Пришел с новым рассказом «благополучный» Юрий Трифонов. К. Паустовский опубликовал главы из книги «Золотая роза». Что же касается многих других, то «Тарусские страницы» фактически открывали читателям таких поэтов, как Наум Коржавин, Владимир Корнилов, Борис Слуцкий, Николай Панченко, Давид Самойлов; таких прозаиков, как Юрий Казаков, Булат Окуджава, Владимир Максимов, Борис Балтер... Некоторые из них печатались и ранее, но только на страницах альманаха смогли заявить о себе во весь голос. Так, Б. Слуцкий, по всеобщему признанию, опубликовал в сборнике лучший свой прижизненный цикл стихотворений. Помню, с какой жадностью мои сверстники (родившиеся примерно в один год с альманахом) читали в конце 70-х «Тарусские страницы», с грустной дотошностью отмечая в чем-то схожие судьбы его участников: эти умерли, те далече, один здесь, исключен из Союза, другой печатается, но его старую повесть не переиздают, попала в «черный список»... И десять, и двадцать лет спустя «Тарусские страницы» поражали пестротой и богатством содержания, разнообразием имен и однообразием судеб, но более всего тем, что отличает настоящую литературу от ее многочисленных эрзацев — соединением смелости и таланта.

Однако я сильно забежал вперед. Между тем сборник еще не вышел, а над ним уже начали сгущаться профессиональные тучи. Некоторые калужские писатели, обиженные тем, что их не пригласили участвовать в альманахе, зачастили в обком. Их принимал заведующий отделом пропаганды П. П. Ананьев, который с первых же дней стал принципиальным противником «Тарусских страниц», хотя и в глаза не видел ни одного из готовившихся к печати произведений. Он несколько раз вызывал главного редактора и предлагал обсудить альманах на собрании «местной писательской общественности». Левита понимал, чем может закончиться такое собрание, и был тверд: у сборника есть редколлегия, приглашайте ее... Редколлегия резко возражала, а Паустовский был не той фигурой, чтобы Ананьев мог ему приказывать. К тому же за альманах был секретарь обкома по идеологии А. К. Сургаков, и ему поначалу удавалось несколько охладить идеологический пыл своего подчиненного. Так, выигрывая один за другим бои местного значения, «Тарусские страницы» неуклонно продвигались вперед. Вскоре сборник был подготовлен и запущен в типографию. С верстки — таков порядок — он поступил в цензуру.

«Разрешал» альманах начальник Облита Г. И. Овчинников.

«Он был такой — демократ и, в сущности, порядочный человек,— рассказывает Н. Панченко,— но тут вдруг в последний момент испугался и отказался ставить подпись. Мы задумались: что ему противопоставить? И поняли, что нашей логики и убеждения будет недостаточно. Мы не знаем слов, которые надо произносить в подобных случаях. Поняв это, стали уговаривать Сладкова, который в таких делах был более опытен, пойти и поговорить с цензором. Директор согласился и как-то удивительно легко все уладил. Он, как мы узнали потом, сказал Овчинникову такие слова: «Геннадий, ты не даешь «лит» как цензор? В таком случае покажи мне инструкцию и параграф». Тот отвечал, что возражает как коммунист. «Так вот, как цензор ставь подпись и печать, а как коммунист пиши письмо в обком!» Он вздохнул и подписал, надел свои черные нарукавники и сел писать письмо в обком. Кажется, так и не написал... После, когда начался разгром, он пострадал одним из первых: уже пожилого человека, его сразу отправили на пенсию. Мне его больше всех жалко!»

«А пока Овчинников колебался,— продолжает рассказ Р. Левита,— мы не спали ночей, бегали в типографию, всячески улещивали наборщиков и бешено качали тираж. Поскольку ситуация стала очень тревожной и у нас были все основания считать, что издание в любой момент может быть приостановлено, приняли такое решение: в спешном порядке отпечатать тысячу экземпляров. А уж потом спокойно допечатывать остальной тираж.

Болело все издательство! Корректоры сидели днями и ночами, вычитывая сборник. Кажется, первый раз в жизни они выпускали что-то настоящее. Окончив свой труд, оставили на столе записку: «Последний лист считан, уходим домой. 6.30 утра». Итак, быстро отпечатали тысячу, затем еще 30 тысяч — вышел первый завод. Больше, к сожалению, не успели».

«Тарусские страницы» ныне библиографическая редкость. Первая тысяча, отпечатанная на белой лощеной бумаге,— раритет. Заглянем в выходные данные: тираж 75 тысяч. И не поверим цифре. На самом деле — 31 тысяча. Более ни одного экземпляра не вышло. Что же произошло?

Видимо, кому-то из начальства пришла охота раскрыть альманах и углубиться в чтение. Углубившись в чтение, начальство ужаснулось. Чему ужаснулось? С точки зрения современного читателя, ужасаться было решительно нечему. Ни политики, ни литературных полемик — проза, стихи, воспоминания, множество иллюстраций и репродукций. Разве что Фрида Вигдорова, процитировав уже известную читателю кочетовскую тираду о «литературных пижонах», мягко указала ему на то, что «если литератор не видит, как пушист снег на Никитском бульваре, то какой же он литератор?». Едва ли это можно было расценить как посягательства на основы.

Булат Окуджава вспоминает, что один литературный критик — «отвратительный тип»,— увидев сборник, радостно кричал, что разгромную статью на него можно писать не читая: по одному подбору имен. Известно также, что часть тиража продавалась в фойе XXII съезда, состоявшегося в октябре 1961 года. Тут простор нашему воображению: можно поразмышлять, кто из покупателей был способен повлиять на дальнейшее развитие событий. Многие могли повлиять — на съезде присутствовало немало литературных и иных «генералов». Но нет фактов, и догадки строить не на чем. Одна из них, правда, была столь упорной, что дожила до наших дней. Согласно этой версии, все, что случилось потом, было направлено лично против К. Г. Паустовского, чья безукоризненная репутация и независимый характер сильно кое-кого раздражали...

Однако обратимся к фактам. В конце ноября 1961 года Н. Д. Оттен пишет своему знакомому: «Огорчаюсь по поводу молчания прессы о «Тарусских страницах». Прошел месяц с тех пор как сборник вышел, а у нас о нем ни слова, кроме упоминания в «Неделе». А ведь это, ей-богу, книга, а не еж! Ее можно взять в руки и о ней не опасно говорить. Пусть в ней есть что-либо спорное, но ведь это честная попытка писателей сделать книгу на той периферии, с которой они тесно связаны! Неужели групповщина так заела людей, что они не желают замечать ничего, что ни к каким группам не принадлежит?!»

Оттен испытывал беспокойство, ибо по своему опыту хорошо знал, что стоит за таким молчанием прессы. Ждать пришлось недолго. В субботу, 23 декабря 1961 года, в калужской газете «Знамя» появилась статья, подписанная заведующим кафедрой литературы местного пединститута Н. Кучеровским и доцентом той же кафедры Н. Карповым. Само название статьи уже не оставляло никаких надежд: «Во имя чего и для кого?»

Для тех, кто инспирировал эту статью, ответ на сей вопрос звучал весьма неприятно. Альманах пользовался читательским спросом; калужский облторг получил на него огромное количество заказов, значительно превышавшее объявленный тираж. Нечего и говорить, что издательский план был перевыполнен и теперь его можно было перевыполнять достаточно долго: допечатывать тираж, а в перспективе — издавать новый сборник...

Тридцать лет спустя статью Кучеровского и Карпова трудно читать, тем более цитировать. Мешает известное чувство брезгливости, к которому примешиваются растерянность и досада: зачем же так писать о литературном сборнике, с ходу приклеивая политические ярлыки, с ходу предъявляя политические обвинения, какие свойственны скорее жанру доноса, а не критической статье.

Однако почитаем.

Выясним, что «идейно-художественные» и «идейно-эстетические» ошибки составителей сборника заключаются прежде всего в публикации стихов Марины Цветаевой (попутно отмечу, что в «Тарусских страницах» была опубликована и проза поэта — впервые в СССР). «Призывая понять и полюбить стихи этой поэтессы,— негодуют авторы статьи,— Всеволод Иванов пишет (на страницах альманаха.— *И. М.*): «Любовь объясняет все, так же как и прощает многое, если не все». Эта позиция всепрощения и эстетской любви выражена в стремлении обойти противоречия в деятельности Мейерхольда...»

Что ни в коем случае нельзя прощать Марине Цветаевой, видно из следующего абзаца. Оказывается, «отрывок из поэмы «Лестница», написанный в стиле футуристической зауми, полон смятенных чувств, растерянности перед жизнью, страха перед «робкой мебелью» нищеты, окружившей поэтессу.

Эту поэзию мятущихся, недосказанных мыслей понять до конца трудно, а полюбить нельзя...»

Зато других поэтов, опубликованных в сборнике, понять оказалось просто. Так, например, в повести в стихах В. Корнилова «Шофер», «по существу, дискредитируется моральный облик покорителей целины, чьи горячие сердца и золотые руки дали родной стране миллиарды пудов хлеба». Это почему дискредитируются? Потому что живут они в поэме бедно, неопрятно, в грязных целинных бараках, пьют («вся повесть как бы пропитана густым запахом спиртного!»), да и любовь у них не любовь, а «моральная беспринципность... отношений». «Всякое бывает в жизни,— веско замечают авторы,— есть в ней теневые стороны. Но литература социалистического реализма, обличая недостатки, призвана утверждать... моральный кодекс строителя коммунизма, веру в высокое достоинство человека. Нам не нужны «идеальные» герои, ходячие добродетели. Пусть писатель покажет сложность и противоречивость человеческой жизни, но помнит при этом, во имя каких положительных идеалов он это делает».

Что касается стихотворений Б. Слуцкого, А. Штейнберга, Н. Панченко, Н. Коржавина, то им — всем скопом — «недостает чувства времени». К тому же нередко они «лишены глубины идейного содержания...». Еще хуже дела обстоят с Е. Винокуровым. Его поэзия «страдает отсутствием ясной, определенной мысли и натуралистичностью описаний». Он «с пафосом» описывает работу полотера, но пафос этот «ложный». А стихотворение «Та женщина костлявая была» «может лишь оскорбить достоинство человека преклонного возраста».

Наконец, «нельзя умолчать и об опубликовании стихотворения Н. Заболоцкого «Бегство в Египет», в основу которого лег евангельский сюжет. Каков бы ни был реально-бытовой план и «психологический подтекст» стихотворения «Бегство в Египет», ему не место в сборнике «Тарусские страницы». Не место, и все.

Это о поэзии. Много внимания уделено и прозе. Так, повесть В. Максимова «Мы обживаем землю» — «клевета на жизнь советских людей». Примерно то же самое говорится о рассказах Ю. Казакова. «Авторская позиция сказывается в... навязывании читателю ложных представлений о безрадостности жизни современной деревни, об извечности уродливых страстей и стремлений людей». Следующая фраза должна быть признана классической: «Спекулируя на фактической возможности существования подобных Каманину типов (рассказ «В город».— *И. М.*), Ю. Казаков придает образу масштабность, значение жизненной нормы». То есть существование «подобных неприятных «типов» вроде бы «фактически возможно», однако изображать их нельзя. А ежели автор, насмотревшись на них в жизни, все же изображает таких героев, то исключительно «спекулируя на фактической возможности существования». Вот так.

Продолжение на стр. 25.

Н. И. АНДРОНОВ. Род. 1929. НОЧЬ В СОЛИГАЛИЧЕ. 1981.

В. Е. БРАЙНИН.
Род. 1951.
ДОМ № 9. 1986.

КОЛЛЕКЦИОНЕР ЛЮДВИГ

Начало на стр. 8

менного искусства. Но Людвиг считает, что сделано еще не все: есть имена, без которых его коллекция останется незавершенной. Он снова и снова едет в Москву, ходит по мастерским, смотрит, отбирает, сравнивает...

— Я пытаюсь познакомить Запад с Востоком. Но и наоборот. Например, в Восточном Берлине есть постоянная экспозиция западного искусства. Это одно из наших с женой собраний. Совсем недавно эта коллекция была перевезена в Прагу. И Национальная галерея в Будапеште довольна нашей деятельностью, потому что коллекция, которую я там разместил, выводит искусство Венгрии за пределы ее границ. Эта постоянная экспозиция скоро перерастет в самостоятельный музей; мы сейчас ведем переговоры о создании музея современного искусства в Будапеште. Я им сделал такое предложение: если они построят такой музей, я не только подарю бо́льшую часть этой коллекции, но дополню ее другими работами.

А самое чудесное было бы, если бы в Москве тоже построили музей современного искусства, где можно показать и советское искусство, и социалистических стран, и западных. Мы бы с удовольствием сотрудничали в Москве с работниками культуры, чтобы создать такой музей. Ведь, кроме различий в искусстве разных стран, существует и очень много общего — оно́ несет в себе гуманизм и светлые начала, выражает надежды и заботы человека... Надо, чтобы все это увидели и поняли...

Сегодня уже нельзя безоглядно осуждать практику продажи произведений искусства. Другое дело, что нам пора выработать какой-то оптимальный механизм торговли, который бы позволил и достойно представить страну на мировой арене, и в то же время не дать «уплыть» из СССР шедеврам.

Современное искусство можно оценивать по-разному, но обидно, что за границей для наших картин строятся прекрасные музеи, мы же заставляем пылиться в запасниках многие произведения, лишь изредка показывая их в выставочных залах. Любое произведение искусства должно «работать», иначе оно умирает. И вот уже в который раз хочется спросить: когда же наконец современное советское искусство сможет занять свое место в специальном музее?

Елена СКВОРЦОВА

А. И. ПЕТРОВ.
Род. 1940.
КУКЛЫ. 1976.

Много обвинений в «натурализме» и даже в порнографии: «разного рода эротически грязные истории происходят почти со всеми персонажами эпических произведений сборника». Читатель, не знакомый с произведениями сборника (в Калуге его вообще запретили продавать), подумал, наверное, бог знает что, хотя на самом деле «персонажи» обнимались, целовались и мучились от измен. «Не случайно,— догадывались авторы,— ...в сборнике берется под обстрел статья В. Кочетова... в которой он выступил против ...кучки литературных «пижонов», подделывающихся под чуждые нам вкусы».

В конце статьи досталось и Паустовскому, который «слишком рано и не слишком скромно объявляет... Тарусу литературным и художественным центром Подмосковья. Не следует желаемое выдавать за действительное!»

Вывод звучал приговором: «Забвение принципов партийности в литературе, безыдейность, эстетски-объективистский взгляд на жизнь, натуралистическое копирование отрицательных явлений действительности могут заслужить лишь справедливое осуждение со стороны нашей общественности».

События развивались стремительно. 9 января 1962 года в «Литературной газете» появилась статья Е. Осетрова «Поэзия и проза «Тарусских страниц». Статья вышла противоречивая. Автор многого не договаривал, однако для посвященных по мере чтения все становилось на свои места.

Главная цель критика заключалась в том, чтобы опровергнуть статью калужских «литературоведов», ни словом о ней не упоминая. А ежели опровергнуть не удастся, то хотя бы дать им понять, в каком тоне следует писать о литературе. В создавшейся ситуации это казалось единственным шансом хоть как-то защитить сборник и требовало от редколлегии даже некоторого мужества. Такими были в те годы условия игры. «Литературная газета» попыталась сформировать у общесоюзного читателя в общем доброжелательное отношение к «Тарусским страницам» (ну, вышел сборник и вышел, ничего страшного), не опускаясь, однако, до перебранки с областной газетой — как бы не тот уровень. Цель была благородная, но способ ее достижения оказался не совсем удачным.

Обругав Окуджаву, автор, сам того, может быть, не желая, добавил к списку «уличенных» Кучеровским и Карповым писателей еще одно имя. Ю. Казакова критик назвал «блестящим имитатором» Чехова и Бунина и, естественно, задался вопросом: «Является ли подлинным искусством самая тонкая, самая умелая имитация?» Ответ получился отрицательный. Сегодня, когда писатель занял подобающее ему высокое место в истории русской литературы, а три рассказа, напечатанных в альманахе, признаны классическими, можно пожалеть об ошибке критика, не забывая при этом, что именно Е. Осетров одним из первых назвал Юрия Казакова «превосходным стилистом, владеющим искусством плавной, исполненной внутреннего благородства фразы».

Что до поэзии, то она в целом «не приобщила нас к злобе дня, не запечатлела современности». После калужских обвинений в клевете на советский народ и политической неблагонадежности это прозвучало почти как вызов...

Последние два абзаца статьи были, по-видимому, обращены не к читателю, а прямо наверх — к литературному и прочему начальству. «Итак, какой же вывод мы сделаем о «Тарусских страницах»? — спрашивал Е. Осетров.— Однажды Константин Паустовский назвал Тарусу нашим отечественным Барбизоном. Это сравнение, на наш взгляд, имеет чисто внешний характер. Известно, что окрестности Фонтенбло были для французских художников не просто приютом спокойствия, отдыха и вдохновения. Барбизонская школа стремилась к правдивости и безыскусственности в противовес господствовавшему тогда во Франции официальному академическому искусству. У барбизонцев была своя эстетическая программа.

У авторов «Тарусских страниц», конечно же, нет никакой отличной от всей нашей литературы своей «тарусской» эстетики. Но живой думает о живом, и слабость современной тематики стала главным недостатком этой во многом привлекательной и умной книги».

Таким образом, «Тарусские страницы» признавались фактом советской литературы, авторы альманаха — советскими писателями, у которых нет и не может быть никаких разногласий с искусством соцреализма. Тех, кто всюду искал заговоры, следовало успокоить. Здесь вам не окрестности Фонтенбло, убеждал критик, не какой-нибудь Барбизон, здесь, братцы, Таруса... Но ком уже катился с горы.

В тот же день, когда в «Литературной газете» была опубликована статья Е. Осетрова, на калужском бюро обкома состоялось обсуждение работы издательства по выпуску сельскохозяйственной литературы. Докладывал главный редактор. Некоторые восприняли это всерьез и начали обсуждать достоинства сельскохозяйственной литературы. Они были не в курсе дела. А. А. Кандренков, недавно назначенный первый секретарь обкома, оборвал прения и спросил, обращаясь к Левите: «Что вы нам можете сказать по поводу статьи в газете «Знамя»?»

Важная деталь: в том же номере газеты, на той же странице, где была напечатана статья Кучеровского и Карпова, помещалась весьма доброжелательная рецензия на книгу Р. Левиты. Намек главному редактору был прозрачен: лично против вас мы ничего не имеем, признайте свои ошибки и ступайте работать дальше... Крови никто не жаждал — не те времена. Предстояло сделать выбор.

Левита был краток: со статьей, уничтожающей сборник и объявляющей его идейно порочным, он категорически не согласен. Гораздо ближе к истине статья, опубликованная только что в «Литературной газете», корректно отмечающая и положительные, и отрицательные стороны альманаха.

«Что тут началось! — вспоминает Р. Левита.— Во время «обсуждения» я пытался вести запись. Вот они, эти листочки, чудом сохранившиеся с тех пор. Берегу их как реликвию...

Выступает редактор местного «Знамени» А. П. Бекасов: «Издательство проявило полную беспринципность!.. пошлятина!.. стихи Винокурова про полотера — апология рабского труда!.. молодежь у нас растет вкривь и вкось, а вы ей в этом отношении помогаете!.. грубейшие идейные ошибки, тенденциозность от начала до конца!.. это не просто плохой сборник, это сборник вредный».

Слово берет Ананьев: «Вы, Левита, пренебрегли теми рекомендациями на расширение авторского актива, которые вам дал обком!.. Вы наплевали на общественные начала, на местных авторов!.. политическая незрелость!.. преклонение перед авторами!.. скатились с правильных партийных позиций!..»

Еще один выступавший, уже не помню кто: «Ю. Казаков — совершенно безыдейный... очень талантлив? тем опаснее... он капает в душу советской молодежи — яд!.. Паустовский — идейный путаник!» и т. д.

Черту подвел Кандренков. «Вы говорите, что не согласны с мнением нашей газеты, однако «Знамя» — это партийный орган, а «Литературная газета» — беспартийный! Вы не имеете права соглашаться с беспартийным органом, если партийный дал другую оценку!»

В итоге всем по выговору, а нашему защитнику Сургакову поставить на вид. И приостановить дальнейшее печатание!»

Прошло некоторое время, и на страницах «Литературы и жизни» появилась «пародия» некоего Теодора Орисио, обращенная к творчеству Ю. Казакова. Издеваясь над Е. Осетровым, сравнившим писателя с Буниным и Чеховым, сатирик не стеснял себя ни в чем и явно преуспел в жанре пасквиля.

Заканчивалась «пародия» так: «За окном засеняло, запаустовело. Бунин и Чехов перевернулись в своих гробах».

Заметим, что между двумя столичными газетами в те годы шла упорная, хотя и достаточно скрытая борьба. Стоило «Литературной газете» чуть высунуть голову (опубликовать, скажем, «Бабий яр» Е. Евтушенко), как «Литература и жизнь» скоро и грубо ее осаживала, являя хороший пример средства быстрого реагирования (как сказали бы мы сегодня). Судьба «Тарусских страниц» была лишь эпизодом в этой жестокой борьбе, впрочем, достаточно ярким и поучительным. Поучительным хотя бы потому, что левая «Литературная газета» потерпела бесславное поражение.

«Литература и жизнь» не ограничилась одним ударом. Через несколько дней на страницах газеты появилась редакционная статья, в которой одобрительный пересказ публикации в «Знамени» сопровождался собственным уничижительным разбором калужского альманаха. Кое в чем, по мнению московской газеты, провинциальные коллеги-проработчики хватили через край, а кое-чего не заметили. «Стоит сожалеть, что рецензенты, обратив внимание на прозаические произведения, посвященные современности, прошли мимо одной из самых явных неудач сборника — повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр». Между тем эта повесть... достаточно хорошо характеризует идейно-эстетические принципы литератора. Повесть невероятно мелка, в ней нет и намека на смысл и идеи справедливой войны. Герой повествования вовсю обнажает потребительскую свою сущность, упражняется в эгоцентризме на самом низшем уровне».

Заклеймив «Школяра», «Литература и жизнь» занялась непосредственно Е. Осетровым, чей робкий замысел представить альманах безобидной, даже как бы старомодной книгой был ею немедленно разгадан и осужден.

Редакция «Литературы и жизни», натоpевшая в политических играх еще в 40—50-е годы, объясняла читателям, зачем понадобилось критику указывать на «познавательность» книги и сожалеть, что «современная тема не заняла» в ней «подобающего места». Как бы не так! Книга современная, в этом и вред ее, как бы ни стремился Е. Осетров увести разговор к некоторым малозначительным частностям. «Но о том ли написана его рецензия? И во имя чего она написана?..»

Тем временем в Калуге состоялось бюро обкома, куда в спешном порядке были доставлены директор издательства и заболевший Левита. Оно оказалось коротким. Был оглашен приказ: во изменение предыдущего решения главного редактора с работы снять. Товарищу Сладкову заменить выговор на строгий выговор. Других мнений нет? Все свободны.

«Кажется, в феврале 1962 года,— рассказывает Н. Панченко,— уже уволившись из издательства, я бегал по Москве с письмом, которое мы сочинили с Оттеном. Мы объясняли цели сборника, возражали против калужской статьи, против общего решения. Письмо подписали в основном авторы «Тарусских страниц», в том числе, конечно, и Паустовский. Мы понимали, что ни директора, ни главного редактора, ни Сургакова уже не спасти, и цель наша была проще — защитить авторов. Письмо возымело действие — нас вызвали в ЦК. Помню, вел заседание А. В. Романов. Перед ним на столе лежал альманах. Он раскрыл его и начал листать, приговаривая: «Это нам нра-авится... с этим мы согласны... против этого не возражаем... непло-охо... это тоже хорошо... и это...» Романов сказал, что у него нет претензий к авторам, тем не менее издательство следует примерно наказать. По его сведениям, издательство израсходовало бумагу и деньги, предназначавшиеся для других целей.

«Это не так»,— сказал я и объяснил, что мы израсходовали средства, предназначавшиеся для выпуска областного альманаха — очень непопулярного и нерентабельного, а также для «коммерческого» издания сочинений Марка Твена, на что имелось соответствующее разрешение Госкомиздата. «Ну, тогда нас неправильно информировали»,— развел руками Романов. Встреча закончилась».

Вскоре состоялось бюро ЦК по РСФСР, посвященное «Тарусским страницам», которое вел тот же Романов. Как вспоминал потом Сладков, оно длилось около десяти минут. Были повторены прежние обвинения в идейной ущербности и оглашен окончательный приговор: принять к сведению решение Калужского обкома о снятии главного редактора; Сургакову объявить выговор; снять директора!

Затем Калужское издательство постиг еще один, последний удар. Оно утратило самостоятельность и стало филиалом Приокского книжного издательства с центром в Туле. Это решение как бы соответствовало постановлению ЦК КПСС от 22 июня 1960 года «О неправильной практике организации новых издательств», направленному против создания новых нерентабельных издательств и призывающему к укрупнению нерентабельных старых. Читатель знает, что после «Тарусских страниц» Калужское издательство уж никак нельзя было назвать нерентабельным... Разбогатев, оно претерпело примерное наказание, дабы другим неповадно было!

Несколько лет спустя альманах был переведен на английский язык и в сокращенном виде издан за океаном. А. А. Ахматова привезла его из Лондона в подарок Владимиру Корнилову. У нас о сборнике многие годы писать было не принято — как-то не разрешалось. Так закончилась история «Тарусских страниц».

Теперь, почти тридцать лет спустя, многое видится яснее и проще. Парадоксально, но следует признать, что в споре двух столичных газет права оказалась «Литература и жизнь», а либеральная «Литературная газета» ошибалась. Все-таки альманах имел четкую эстетическую позицию, которая, несомненно, была противопоставлена «господствовавшему тогда... официальному академическому искусству», насквозь лживому и бездарному,— совсем как в окрестностях Фонтенбло!

Одна из отличительных черт нашего времени — жестокие литературные споры. Конца им не видно. Исход непредсказуем. Так было не всегда. Бывало иначе. Дуэль завершалась быстро; противники сражались не на равных. Одни размахивали тонкой рапирой, другие — дубиной. Одни были мишенью, другие — стрелками. У одних было слово, у других власть.

«Калужский инцидент» — один из первых в новейшей истории нашей литературы. Один из многих. «Инциденты» случались разные. «Тихие», как арест рукописи В. Гроссмана или медленное выталкивание за границу честных писателей. «Громкие», как суды над И. Бродским, над А. Синявским и Ю. Даниэлем. Скандальные, как высылка Александра Солженицына или разгром альманаха «Метрополь». Результат был один.

Прежде чем заглядывать в будущее, обернемся еще раз назад. Увлеченно следя за нынешними бурными полемиками или гневно отворачиваясь от них, не будем забывать, какая из сторон раньше праздновала победу, какими средствами ее достигала и чем увенчались праздничные торжества.

СТАРИКАМ ВЕЗДЕ У НАС ПОЧЕТ?..

Тема моего письма — великая нужда в государственном милосердии. Это непривычное словосочетание отражает суть того, о чем я хочу сказать. Речь пойдет о пенсиях, точнее, об ужасающем положении большинства пенсионеров в нашей стране. А начну я немножко издалека...

В деревнях Новгородчины (я родом как раз оттуда) настоящими людьми считались только те, которые заботятся о стариках. Порядок, чистота, аккуратно сложенные поленницы дров и какой-то добрый деревенский лад были в этих домах. И милосердие. Там всегда давали милостыню нищему, а путника не только кормили, но и оставляли на ночлег. Потому и пользовались хозяева всеобщим людским уважением.

Той же народной меркой — способностью к милосердию — можно, наверное, оценивать и целые государства: их демократичность, гуманизм, уровень цивилизованности. Забота о стариках там является нравственной нормой, а их полная социальная защищенность — нормой юридической и экономической.

Если наше государство и общество претендуют на роль цивилизованного и демократического, то как можно понять и объяснить явное пренебрежение к старикам пенсионерам? Свидетельством такого пренебрежения, по моему мнению, является тот удивительный факт, что ни на XXVII съезде КПСС, ни на XIX партконференции не уделили должного внимания десяткам миллионов пенсионеров. Эта проблема давно не была предметом обсуждения на правительственном уровне. Обещанный к публикации новый Закон о пенсиях не разработан до сих пор, хотя общая концепция его очевидна и не требует долгих дебатов. Положение усугубляется тем, что самыми обделенными оказались старые женщины, ровесницы моей матери, вынесшие на своих плечах все тяготы страшной войны и послевоенной разрухи. Это они получают сейчас пенсию 50—60 рублей в месяц. А цены растут каждодневно. И только Госкомстат да Госкомцен СССР не замечают этого вопиющего факта. Руководители этих ведомств, видимо, и не подозревают, что теперь только в Москве, Ленинграде да, может, в Прибалтике продают продукты по госцене. В остальных — все втридорога.

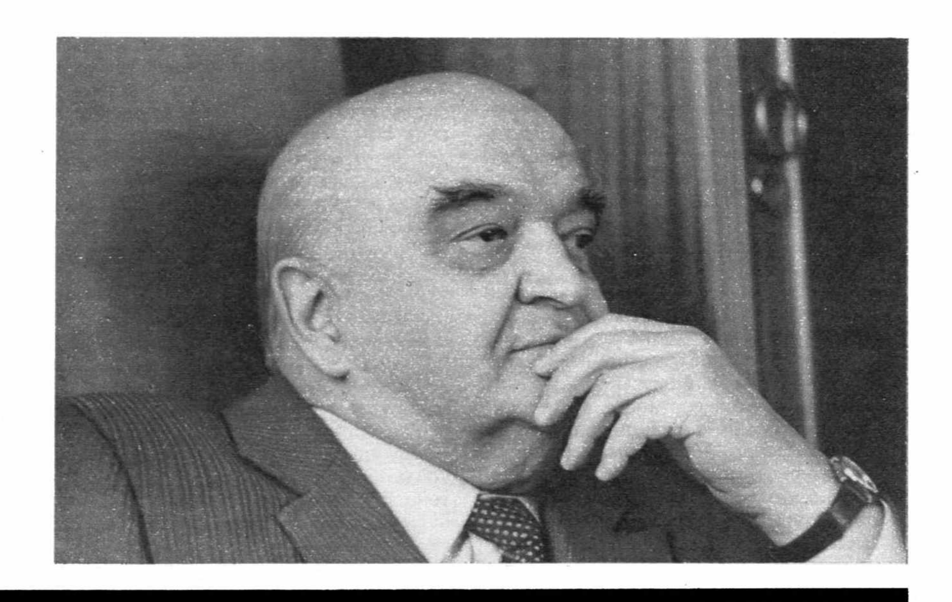
Мы ужасаемся стихийным бедствиям, всенародно помогаем пострадавшим. Почему не ужаснемся положению пенсионеров? Почему не видим их беды, хотя они живут рядом? Неужели мы до сих пор в плену старого лозунга «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет?» Вопросы... Вопросы...

И еще один вопрос: «Не кажется ли аморальным тратить миллиарды на повороты рек, мелиорацию, БАМ, выпускать впятеро больше, чем надо, тракторов и комбайнов в то самое время, когда бедствуют миллионы людей?»

В. В. МОРОЗОВ,
лауреат Государственной премии СССР, ведущий геолог Карельской экспедиции
Петрозаводск

ПРОШУ СЛОВА!

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Интервью Председателя Верховного Суда СССР Владимира Ивановича ТЕРЕБИЛОВА журналу «Огонек»

КТО ОСУДИ

— Владимир Иванович, недавно впервые были опубликованы некоторые данные судебной статистики за 1988 год. Нельзя ли их кратко прокомментировать?

— По моему мнению, это очень нужная и давно ожидаемая акция. Что касается комментариев к опубликованным данным, то для этого требуется тщательное, глубокое социологическое исследование. А эта работа, к сожалению, проводится у нас лишь в ведомствах, в ограниченном объеме и не всегда носит объективный характер. Поэтому первый «комментарий» сводится к тому, что крайне необходимо поручить, например, Институту государства и права АН СССР организовать глубокое изучение данных судебной статистики, подкрепив их научно обоснованными социологическими исследованиями и снабдив сравнительными данными других государств. Без всего этого публикация этих сведений малоэффективна. Ограничусь самыми общими замечаниями. И, главным образом, скажу о том, что вызывает особую тревогу.

В 1988 году зарегистрировано 1 867 223 преступления, то есть примерно на 70 тысяч больше, чем в 1987 году. Но, пожалуй, еще более тревожно то, что в прошедшем году по зарегистрированным преступлениям было выявлено лишь 1 286 000 подозреваемых лиц, то есть более 1/3 преступлений или примерно около 500 тысяч правонарушителей остались невыявленными и безнаказанными. Это, пожалуй, главная «болевая точка» и главная проблема, которая сказывается на росте преступлений.

Кроме того, органы расследования и прокуратуры решили не привлекать к судебной ответственности 474 тысячи правонарушителей, ограничившись другими мерами воздействия. Таким образом, в суд дел было направлено лишь на 736 тысяч обвиняемых, а суды в 1988 году рассмотрели дел на 679 тысяч человек, то есть только 1/3 правонарушителей предстала перед судом.

В 1988 году к лишению свободы были приговорены 231,7 тысячи подсудимых — это 34,1 процента (в 1987 году — 33,7 процента). С учетом роста некоторых видов опасных преступлений, конечно, следует еще раз посмотреть, обеспечивает ли карательная практика надлежащий уровень борьбы с преступностью. Но вместе с тем даже в этой сложной ситуации хотелось бы сказать, что было бы грубой ошибкой объяснять рост некоторых видов преступлений результатом демократизации наших законов. Нам никак нельзя возвращаться к практике прошлых лет, когда в связи с бездумным применением длительных сроков в местах лишения свободы скапливалось огромное количество людей. Их труд и перевоспитание были организованы из рук вон плохо. В такой обстановке увеличение наказания на 2—3 года лишения свободы ничего не меняло и не способствовало перевоспитанию заключенных. Скорее наоборот, из мест лишения свободы нередко выходили и продолжают выходить люди более озлобленные, склонные к паразитическому образу жизни.

Отмечу, что среди осужденных лиц по-прежнему высоко число ранее судившихся — 257 тысяч человек. Полагаю, что одна из главных причин рецидива — это не только серьезные недочеты в работе следователей, прокуратуры и судов, серьезные недочеты в организации отбывания наказания, но и, что очень важно, неудовлетворительная организация трудового и жилищного устройства освобождаемых заключенных. Их не берут на работу, многим из них негде жить. Это непростая и крайне острая социальная проблема, в решении которой главная роль принадлежит местным Советам, и если она не будет решена, то, по моему мнению, трудно рассчитывать на быстрое снижение рецидивной преступности.

— А как выглядит статистика оправдательных приговоров? Одни считают, что суды у нас почти никого не оправдывают, другие утверждают, что суды охвачены эйфорией демократии и выносят слишком много оправдательных приговоров.

— Первые близки к истине, вторые вольно или невольно ошибаются или не хотят видеть правды.

Примерно с 30-х годов принято считать, что главная компетенция суда — определить размер наказания. Вопрос же о виновности или невиновности предрешался еще до приговора на предварительном следствии. Такая практика существовала многие годы. Даже и сейчас оправдательные приговоры составляют не более 0,5 процента. Если эти проценты перевести на язык цифр, то этот показатель выглядит так: в 1988 году суды оправдали 2,5 тысячи человек, то есть из 200 подсудимых суды оправдали одного человека, а 3—4 года тому назад один оправдательный приговор выносился на одну тысячу судимых. Я не хочу сказать, что суды обязаны выносить оправдательные приговоры, но все-таки эта статистика говорит о многом. Прежде всего она требует глубокого исследования вопроса: нет ли у нас в правосудии обвинительного уклона?!

Приведу такой пример. На последнем Пленуме Верховного Суда СССР в марте 1989 года были прекращены дела на 16 человек, которые в общей сложности были осуждены к 104 годам лишения свободы. Из этого срока к моменту реабилитации уже отбыли наказание в общей сложности 74 года. Это вопиющий показатель. Но даже он позволяет утверждать, что главной ошибкой и главной опасностью для правосудия, видимо, по-прежнему остается необъективное следствие и обвинительный уклон при вынесении приговоров.

— Рассматривали ли суды в прошедшем году дела на лиц, репрессированных в 30—50-е годы?

— Да, рассматривали. К сожалению, у меня нет сводных данных по Союзу, но только Верховный Суд СССР реабилитировал в 1988 году 326 таких лиц. На прошедшем Пленуме Верховного Суда СССР в марте текущего года рассмотрено еще 89 таких дел.

— Владимир Иванович, в Верховном Суде СССР рассматриваются самые сложные и крупные дела по первой инстанции. Выносит ли ваш суд оправдательные приговоры?

— Статистика Верховного Суда СССР в отношении оправданных лиц весьма похожа на статистику других судов. В 1985—1988 годах судебные коллегии Верховного Суда СССР оправдали лишь одного человека.

— Как вы относитесь к так называемой «теории» Вышинского о значении признания подозреваемого на следствии или подсудимого в суде?

— В 30—40-е годы процветала и утвердилась методика следствия, которую схематично можно было бы изобразить так: арест; содержание месяцами, а то и годами в тюрьме; далее следовало обязательное сообщение в печати об аресте врага народа. Этот набор средств и помогал получать голословное признание в совершении преступления. Потом нередко мужественные люди отказывались от вынужденных признаний, но было поздно.

По «теории» Вышинского, признание

вины на следствии или оговор хотя бы одним свидетелем признается достоверным доказательством в отношении тех, кого назвали врагом народа. Нам такая «методика» следствия, естественно, не подходит. Дело перестройки надо делать чистыми руками. Как бы ни были сильны подозрения, но если нет достоверных доказательств, должен быть вынесен оправдательный приговор. Поэтому я принадлежу к тем, кто не считает признание «царицей доказательств». В каждом случае нужно тщательно изучить, как получено признание и подтверждается ли оно другими доказательствами. А оценка их достоверности принадлежит только судьям по их внутреннему убеждению, и нельзя требовать, чтобы судья обязательно соглашался с оценкой следователя, прокурора или адвоката.

— Вы несколько раз в печати высказывались за необходимость введения судебного контроля за арестом до суда. Какова ваша позиция сейчас?

— Хочу отметить, что в последнее время прокуроры, несомненно, более взвешенно стали решать вопросы о санкциях на арест до суда. И все же в 1988 году, по предварительным данным, более 7 тысяч человек были взяты под стражу без достаточных оснований. Кроме того, до сих пор в следственных изоляторах в течение многих месяцев и даже нескольких лет содержатся обвиняемые, дела на которых в суд никогда не представлялись. Пусть даже эти лица подозреваются в серьезных преступлениях, разрешать следователям содержать их до суда в тюрьмах и изоляторах столь длительные сроки недопустимо. Обычно это свидетельствует лишь о том, что достаточных данных для обвинения этих лиц в преступлениях не имеется. Считаю такие факты недопустимыми. Содержание под стражей свыше десяти месяцев должно быть санкционировано судом, да и то в разумных пределах. Об этом должно быть записано в Законе.

— Принятие каких законодательных актов, прямо относящихся к судебной реформе, можно ожидать в ближайшее время?

— По-моему, их три. Уже опубликован проект Основ уголовного законодательства. Проект, как мне кажется, в принципе приемлемый. Но есть еще дискуссионные вопросы. Один из них, сохранять ли применение смертной казни, а если применять, то по каким преступлениям. Имея в виду, что все европейские страны не применяют этого наказания, многие предлагают нам также отказаться от этого вида наказания. Предложение гуманное, во многом убедительное. И все-таки с учетом состояния преступности у нас в стране эту меру мы пока будем вынуждены сохранить. Хотя применять, думаю, ее следует только в исключительных случаях, а также по делам, связанным с убийствами при отягчающих обстоятельствах.

Другая дискуссия касается сроков лишения свободы. Есть немало сторонников значительно уменьшить эти сроки. По моему мнению, предельные сроки наказания по отдельным преступлениям целесообразнее было бы снизить. За тяжкие же преступления это наказание можно было бы применять в пределах до 15, а может, и до 20 лет лишения свободы.

Есть и еще один дискуссионный аспект этой проблемы. Предельный срок лишения свободы для несовершеннолетних предлагается снизить до 7 лет. Я думаю, что этого делать не следует. Ситуация будет складываться таким образом, что за тяжкое убийство лицо в возрасте 17 лет и 11 месяцев может быть осуждено не более чем на 7 лет, а к лицу в возрасте 18 лет и 1 месяца может быть применена исключительная мера наказания. Вряд ли это справедливо и целесообразно. Может быть, установить для возрастной группы 14—16 лет предел в 5—7 лет?

— А как на сегодняшний день обстоит дело с законами о судоустройстве и статусе судей?

— Два эти законопроекта пока что в работе. Для судей эти акты особенно важные. Поэтому полагаю, что до принятия этих законопроектов их следует обязательно опубликовать для обсуждения. Ведь в этих законах должен быть решен, пожалуй, главный вопрос судебной реформы — создание гарантий подлинной независимости суда. Сейчас у нас сложилось весьма противоречивое положение: в Конституции записано, что суд независим и подчиняется только закону. В то же время суд подотчетен Совету, поднадзорен прокурору, подведомствен Министерству юстиции, финансируется и обустраивается по решению других правительственных органов; в качестве еще одного руководителя имеется областной или Верховный суд; к этому надо еще прибавить общественное мнение, выражаемое средствами массовой информации, с чем, согласитесь, нельзя не считаться. Ко всему этому набору можно прибавить руководящую роль партийных комитетов... О какой «судебной независимости» нам можно говорить?! Спрашивается, от кого же не зависит сегодня суд? И мало кого удивляет сегодня то, что некоторые судьи уходят из судов. Кто осудит судью за такой шаг? Прежде всего его нужно понять.

Положение дел необходимо менять. И прежде всего необходимо в первую очередь перестроить психологию советских, партийных, правоохранительных и других органов, чтобы не на словах, а на деле признали они надлежащее место и роль суда в системе советского государства. Это, пожалуй, самое-самое главное и самое-самое трудное в судебной реформе!

Мне представляется, что в этих законах надо по-новому решить и вопрос о неприкосновенности судей. Сейчас на практике дело иногда обстоит так: судья находится в судебном заседании, а там же — прокурор и адвокат. Все они ищут истину по делу, а в это время следователь возбуждает уголовное дело, производит обыск в квартире судьи, изымает документы, допрашивает свидетелей на предмет добропорядочности судьи и т.д. Разве назовешь это положение нормальным? Разве это неприкосновенность?!

В одном из дальневосточных округов таким вот образом военный прокурор возбудил дело в отношении судьи, якобы повинного в том, что он необоснованно возвратил дело на доследование и волокитит рассматривание уголовных дел. Позже прокурору пришлось дело прекратить, но все эти события стали широко известны гражданам.

— Чем же закончилась эта история?

— Как мне сказали, судью направили в другой регион, ибо ему теперь неудобно после всего того, что произошло, смотреть «в глаза жителям городка», а прокурора откомандировали в другой регион — на берег Черного моря. Там ему уже в другой прокуратуре поручили «надзор» за судами. Разве это «неприкосновенность»?!

По нашему мнению, дело в отношении судьи может быть возбуждено только после того, как компетентный орган приостановит полномочия судьи или он будет отозван с занимаемой должности.

— Владимир Иванович, по сей день, образно говоря, не утихают страсти по так называемому «делу Чурбанова», которое слушалось в Верховном Суде СССР. Что бы вы могли сказать об этом деле?

— По-моему, эти «страсти» искусно поддерживаются заинтересованными лицами. Дело рассматривалось опытным судьей и народными заседателями. До сих пор протеста Генерального прокурора по этому делу нет. Может быть, следует напомнить, что помимо названного дела в Верховном Суде СССР недавно были рассмотрены еще два уголовных дела по Узбекской ССР. Главные обвиняемые — бывший министр хлопкоочистительной промышленности Усманов и бывший первый секретарь Бухарского обкома партии Каримов — приговорены к высшей мере наказания; Чурбанов и ряд других должностных лиц приговорены к длительным срокам лишения свободы; лишь один обвиняемый оправдан.

По моему мнению, это весьма суровые приговоры. Я не принимал участия в рассмотрении этих дел, но полностью полагаюсь на высокую квалификацию и безусловную порядочность судьи, народных заседателей. Во всяком случае, прокуратура имеет возможность в законном порядке обжаловать эти приговоры в Пленум Верховного Суда СССР, и я не сомневаюсь, что они будут тщательно и справедливо рассмотрены.

— В печати да и у нас в «Огоньке» стали появляться статьи в защиту репрессированных в годы застоя. В частности, имело место выступление в защиту известного изобретателя, ученого, бывшего лауреата Ленинской премии И. Хинта. После этой публикации Генеральный прокурор СССР А. Сухарев в декабре 1988 года принес по этому уголовному делу протест в Верховный Суд СССР, а в феврале 1989 года он его отозвал. Значит ли это, что на деле Хинта поставлена точка?

— Отнюдь. Дело в том, что Председатель Верховного Суда СССР также имеет право на принесение протеста в Пленум Верховного Суда СССР. Этим правом я и воспользовался — принес свой протест, придя к выводу, что это дело нуждается в повторной судебной проверке. Будет ли удовлетворен этот протест на Пленуме Верховного Суда СССР, сказать трудно. Подождем, что скажет Пленум.

* * *

В заключение же читателям «Огонька» хотелось бы сказать, что становление подлинно правового государства в значительной мере зависит в первую очередь от того, сумеем ли мы сформировать подлинно независимый суд. Для этого как минимум необходим Закон, карающий за вмешательство в судебную деятельность, за неуважение к суду. Совершенно необходима широкая гласность судебной работы — это одна из наиболее надежных гарантий беспристрастности и независимости суда.

Записал Михаил КОРЧАГИН

Т СУДЬЮ?

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ В 1927 ГОДУ

Начало на стр. 9.

ческих заметках, дневниках и многочисленных письмах Бехтерева, эта рукопись была целиком готова в конце 1928 года, но так и не вышла в свет. В 1957 году В. Н. Мясищев организовал Всесоюзную конференцию, посвященную столетию со дня рождения Бехтерева. В резолюции конференции было признано необходимым, в частности, издание собрания сочинений патриарха отечественной неврологии и психиатрии. Но грозные ревнители чистоты павловского учения Н. И. Гращенков и Э. А. Асратян напомнили о «методической порочности» рефлексологии и даже (подумать только!) научных спорах Бехтерева с самим Павловым. И решения конференции сами собой развеялись и забылись. Время от времени печатались биографии Бехтерева, авторы которых награждали его титулом «научного богатыря», но незнакомый с его творчеством читатель мог воспринимать подобные определения не более как образ Ильи Муромца на конфетной коробке.

* * *

У этой давней трагедии есть еще и чисто медицинский аспект. Один узкий специалист-невропатолог приглашает на консультацию другого, даже не предполагая, что тот позволит себе выставить психиатрический диагноз первому лицу государства. Сегодняшний психиатр отвергнет легендарный диагноз, не найдя у Сталина того систематизированного бреда, к которому он как узкий специалист привык в своей клинике.

Какое же содержание вкладывал Бехтерев в понятие «паранойя»? Ведь этим греческим словом можно определить и тяжелый психоз со стойким бредом, и особый вид психопатии со склонностью, по П. Б. Ганнушкину, к образованию так называемых сверхценных идей (прежде всего об особом значении собственной личности). Наиболее вероятно, что Бехтерев имел в виду именно психопатию, когда человек сохраняет способность к логическим действиям. Лживость и лицемерие, непомерная жестокость и стремление завуалировать свои мотивы «высшей целью», крайний эгоцентризм в сочетании с не менее крайней подозрительностью позволяют властителям «нероновского типа», как говорил Бехтерев, даже убивая, оставаться убежденными в своей правоте; «вину они переносят на свои жертвы». Тем не менее судить о правомерности диагноза, поставленного Бехтеревым, не имея истории болезни и полноценных архивных данных, не представляется возможным. Так не пора ли избрать полномочную комиссию для проведения ретроспективной судебно-психиатрической экспертизы Сталина?

* * *

Незадолго до смерти Бехтереву передали предложение Циолковского о проведении исследований, связанных с выживанием человека в космосе. «Как жаль, что суетная жизнь не позволяет мне предаться изучению этой интересной задачи»,— со старомодной изысканностью ответил академик. Как жаль, хочется повторить за ним, что нам приходится теперь расследовать причину его смерти и забвения его работ.

Нина ЧУГУНОВА,
Евгений СТЕЦКО (фото)

ЛЕТАЙТЕ ШАРАМИ ЛИТОВСКОГО ОБЩЕСТВА ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕЙ!

(Фиеста. Назидательное воспоминание)

...Легендарное по стремительности и красоте своего утверждения Литовское общество вырвалось на мировую арену прошлой осенью, явившись в польский город Лешно на чемпионат Европы* огромным составом. Тридцать восемь человек сидели в «Икарусе»! При том, что пилотов было всего-то два, шаров — один. При том, что команда-новичок из СССР была допущена лишь к тренировочным полетам по программе соревнований. Еще к фиесте, конечно.

В Лешно нас встретила стена ливня. Ранним утром и ранним вечером возможны полеты. В другое время там начинается ветер, опасный, не ощутимый на земле. Кто поспорит с летчиками в знании ветра? Разве только монгольские пастухи, араты. Чья еще жизнь зависит от погоды?

— Нина,— сказал, возникнув в вечной темноте ливня, Римас,— я летчик!

Мужество отчаяния было в его голосе.

— Я летчик. Я знаю: этот дождь будет идти три дня.

Утро было, как Первомай.

...и я бы никогда не напомнила Римвидасу Мацюлявичюсу, другу, его ошибки, но иногда хочется вспомнить хорошее в жизни, и тогда ливень польской осени в расцвете сил обрушивается на меня, а наутро как бы цвели сады. И полеты, главное, состоялись, вот о чем речь, полеты состоялись.

Гинтарас, врач и кооператор из Каунаса, в вязаном жилете, шлепанцах и белых носках (кого только не было в команде литовской!), и я стояли на краю летного поля, полного, как блюдечко, росы. Наша бывшая «скорая» (со стертой ацетоном надписью) увозила корзину с шаром к месту общего старта. Туда ушли пилоты Мацюлявичюс и Валунас в комбинезонах великолепного цвета морской волны, и с ними фотокорреспондент. (Он, между прочим, был третьим человеком, поднявшимся на баллоне в наше время над нашей территорией, ну да дело прошлое, дело летнее, дело июля.)

Под тугим небом они шли, как космонавты.

Мы повернулись и пошлепали в ангар, ловко приспособленный под ресторан при помощи военной камуфлирующей сетки. Ресторан получился огромным, как ангар.

Официант смотрел мимо нас в сверкающее небо в раме распахнутых ворот ангара.

Доктор попросил два чая и плеснуть туда коньяка. Мы сели у самых ворот и увидели, как, взгромоздившись на миниатюрный черный велосипед изысканного дизайна, укатил к месту старта главный судья.

...они же поднимаются медленно, они не сразу оживают, они сначала постно лежат на боку, пока не взревут горелки, не погонят горячий воздух под темя купола, и тогда несколько человек хватаются за веревки по краям его горла, готовясь удерживать его на земле, пока в корзину прыгают пилоты, и так что у тебя есть масса времени бежать к нему, путаясь в воде и траве, бежать к ним всем, занявшим небо, бежать, отдуваясь, и добежать из последних сил, и вцепиться в веревку, торжествуя, и, запрокинув голову, уставиться под купол с тоской.

Легенда Литовского общества в моем исполнении такова (сокращенный вариант).

Молодой летчик Римвидас Мацюлявичюс стремится летать на всем, что может взлететь, и он не одинок в «летающей республике» — Литве. Две страсти владеют литовцами — баскетбол и авиация, Сабонис и — высший пилотаж, планеры, дельтапланы, сверхлегкие аппараты, самоделки, парашюты... что еще?

И Римас летал на Як-12 и на Ан-2, строил дельтапланы и прыгал с парашютом, служил в ВДВ, получил звание мастера спорта и не прерывал учения, сначала окончив политехникум, потом исторический факультет университета и после поступив в Высшую партийную школу «для борьбы с бюрократами». Секундомер Литовского общества был пущен в ту минуту, когда в Венгрии на соревнованиях по парашютному спорту он столкнулся с энтузиастами полетов на шарах и узнал, что в Венгрии и, скажем, в Польше воздушные шары эксплуатируются десять лет без единого трагического случая.

Он «загорелся», он полетел домой, окрыленный. Ни на минуту он не замешкался, не задумался, возможно ли это у нас?

Я хочу сделать отступление о проклятом «никогда».

— Этого у нас никогда не будет!

Слышали? Не важно, по какому поводу. Там и сям при виде лучшей жизни, лучшего покроя костюма и лучшего способа приема посуды. «Не жили хорошо, и не надо было начинать». Это шутка нашего времени. Наш черный дизайн.

— Да нам этого и не нужно.

Я спотыкаюсь об это «никогда». Я слушаю рассказ Римаса и думаю, что никогда не испытаю полета. Почему же? «Потому что». Я записываю: «Особенно замечательно, когда шар летит низко», и не могу понять, как это и что хорошего.

Больше скажу. «Никогда», освобождающее от забот, вчера было едва ли не оплотом нравственности в нашем простом быту.

И так всю жизнь, смиренно и затравленно, но с почти незаметными погрешностями в осанке мы отходили от витрин, от фильмов, от новостей, от людей иных, от мнений, от душу раздирающих простых блестящих идей. И даже узнавая, что вот это и то у нас когда-то было...

Вот почему, не зная праздника открытых возможностей (фиесты действительно освобожденного труда), мы теперь не всегда умеем в этом празднике поучаствовать, как белые люди. Иной раз с нами трудно фирмачам.

Римас мне нравится тем, что «никогда» исключала его натура и его профессия: привычка строго различать риск и авантюру.

— Нина, я летчик (в смысле: не могу не летать!).

Непробиваемую стену он обошел на вираже.

Он возвращается в Вильнюс и публикует в молодежной газете от 6 января 1988 года интервью «Ищу единомышленников». 27 февраля единомышленники из Литвы, а кроме того, из Ленинграда, Киева, Москвы собираются на учредительную конференцию: первым следствием столь демократичного и умного начала было перечисление в адрес юного общества 70 тысяч рублей от Вильнюсского совета содействия самодеятельному техническому творчеству и координации НТТМ, начавшего список лиц и организаций, без сочувствия и поддержки которых пришлось бы туго.

Великолепный момент — вручение двух шаров обществу. Тут хорош остроумный выход из положения. Деньги есть (один шар стоит 20 тысяч рублей), нет валюты. Так... Литва производит отличные планеры. Планеры оказались нужны будапештскому аэроклубу, и Венгрия, на счастье, один из признанных производителей воздушных шаров. Вот он, прекрасный миг: в аэропорту под Вильнюсом военный венгерский самолет, военные летчики жмут руку нашему летчи-

---

*** Полное название: Шестой чемпионат Европы по полетам на баллонах, то есть на воздушных шарах, наполняемых горячим воздухом, не газом.— *Н. Ч.***

ку, выгружают два шара, загружают планер, «делают» всем ручкой.

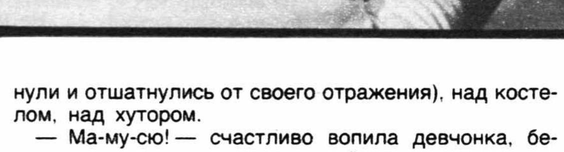
Первый полет состоялся 11 июня 1988 года, стоп, секундомер — со дня публикации прошло пять месяцев, со дня основания общества — три!

К этому моменту два члена общества имели международные, утвержденного образца права пилотов, пройдя бесплатную подготовку в Польше, еще двое там же получили лицензии механиков. Римас и каунасский летчик Юозас Валунас, летающий тридцать лет с четырнадцати, запускавший шары в детстве, «чтобы пролетели через весь Каунас», сдавали в Польше экзамены по аэростатике, летному праву, устройству шара, метеорологии, штурманскому делу, радиосвязи, технике безопасности.

...чтобы взлететь почти в той же манере, что и мне не известный Иордакис Купаренка, ликовавший летом 1806 года в небе Литвы, еще точнее — над Вильно. О Купаренке рассказал мне Римас.

Значит, мы летали? Римас, летали? Было, что ли?

Летали, летали. Мы ставили рекорды, мы прыгали с шаров с парашютами, и кепочки-восьмиклинки падали с наших стриженых запрокинутых голов. Теперь восстанавливаемся. Как и во всем. Свободный полет, спорт-игра был невозможен вчера, держу пари. Вот главная мысль моих игривых набросков.

...Это спорт.

Швейцарец Мартин Месснер, победитель Пятого чемпионата, после первого упражнения занимал 17-е место, потом упал на 30-е, потом пал еще ниже. Лидер, швед Исбер, после двух дней соревнований полетел хуже, а в последний день чемпионата некто в форме подвел меня к стенду и ткнул носом в имя: Дэвид Бареффорд, Великобритания.

— А Матиас де Бруин? — с пониманием сказала я.

— О! — сказал он, в форме члена команды, не пилота, и шумно дышавший после польского пива в кафе, откуда отлично просматривалось поле (это спорт, в котором есть герои, зрители, удобные и неудобные места).

В последний день голландец де Бруин сбросил маркер в ста метрах от мишени, а Бареффорд угодил почти в центр. Все бежали к нему. Теперь оставалась фиеста. Я открыла программу полетов.

Дэвид Бареффорд, тридцати восьми лет, доктор медицины, баллон «Про-спорт», шел под номером «56», набирая очки: 951, 794, 417, 998, 670. (И ветер брал его под крыло и бросал.)

Это спорт. Это спорт тридцатилетних, сорокалетних. Хотя летать можно с шестнадцати. Хотя летать можно и в шестьдесят.

Юозас Валунас с проседью в бороде, в грязном небесном комбинезоне шел рядом.

— Знаешь,— сказал он вдруг, взглянув в небо раз, другой,— сколько я потерял там друзей. За тридцать лет...

Он был похож на Римаса безумием своей страсти, не любви. Приземлялся шар «Отель Ибис» с французами, над ним завис «don't know» австралийца... Я могу перечислить, что делает это занятие спортом, я могу описать такие упражнения, как «охота за лисом», как погоня за лидером, как разобщенный старт и финиш в одном месте. Но что это даст? Вот идет Юозас Валунас, летчик, теряющий друзей,— он знает все, он молчит.

Я спросила Валунаса, зачем ему шары. Он стал отвечать, что было для меня неожиданностью.

— Совсем другое чувство,— втолковывал он мне.— Вот я огорчился, что не могу купить вертолет,— построил сам! Надо... летать. Надо стараться.

Он хотел сказать: летать по небу необходимо.

В утро фиесты я подошла к Харви Хьюбеллу, богатому американскому гостю, прибывшему в Лешно со своим шаром, с женой, с дочерью, с девушкой-пилотом из Калифорнии. Жена протянула мне сигареты. Она похвалила мой свитер. Она сказала вдруг: «Печально, что девочка, по всей видимости, так и не выйдет замуж, она слишком увлечена полетами». Двадцатипятилетняя дочь, пачкая белоснежную униформу, проваливаясь в мокрой земле ковбойскими красными сапожками, бежала к шару. Мы могли поговорить и о замужестве, проведя накануне полдня в погоне-слежении за полетом папаши. И теперь я надеялась, что он не откажет мне.

— Но просьба этого парня была первой,— сказал Харви, сама справедливость.

Я оглянулась — с этой минуты рыжие волосы, рыжие веснушки, добрейший облик Арвидаса мне вспоминать невыносимо, что делает с людьми зависть, Арвидас, прости.

Меня взяли венгры. Главный венгр бросил меня в корзину, как мешок с картошкой. Горелки рычали, пуская драконово пламя. Державшие за веревки упирались изо всех сил. Главный венгр был в каске, на каске было написано: «Papa». Папа сказал через поляка: «Я сам шахтер, там здоровье съел ревматизм, думал: жизнь кончилась, а она — началась...» Державшие отпустили веревки, мгновенно оказавшись далеко внизу.

Мы летели. Было очень тихо.

— Смотри: зайонц,— сказал польский пилот по имени Вацлав Тарнавски из Сталовой Воли.

Шар «Сталова Воля» летел за нами.

Было тихо. Было очень тихо. Мы летели над убранным полем, над копешками сена, над омутом (заглянули и отшатнулись от своего отражения), над костелом, над хутором.

— Ма-му-сю! — счастливо вопила девчонка, бежавшая по пашне наравне с зайцем.

Я оглянулась и увидела всех в небе. Фиеста началась.

Потом была зима, Римас наезжал в Москву, занявшись организацией Всесоюзной федерации. Встречи в Лешно не прошли впустую: сотрудничать с Обществом воздухоплавателей решили чехи, англичане, американцы. (Я вспоминаю сначала общее недоумение при виде литовского национального флага над палаткой: кто такие? Когда дополнили его советским, испанцы схватили свое красное вино, подсели к нашему костру, а за испанцами буквально все: кто-то хотел продать нам шар, кто-то мечтал долететь — хм!..— до Красной площади, кто-то твердил о совместном полете, и то была фиеста на земле, праздник, к которому Римас и компания были готовы, они его ждали.)

К середине зимы в Литве, кроме Литовского общества, образовалось Вильнюсское «Литуаника», начали создаваться клубы и общества на кооперативных началах в Каунасе, Ионаве, Пренае, Алитусе. Общества будут сами себя окупать, зарабатывая деньги на народных праздниках, катанием желающих и т. п. Перспективы очень интересные, разные.

На мой взгляд, самые важные новости: сотрудничество с компанией «Пепси-кола», будущим спонсором открывающейся в Вильнюсе школы пилотов, а также решение, принятое при живейшем участии ЦК ВЛКСМ, о совместном с английской фирмой «Камерон» производстве воздушных шаров, с нашей стороны участником дела выступает кооператив «Сотрудничество».

Летайте шарами Литовского общества воздухоплавателей.

P.S.

Я помню, как на приеме, устроенном в ангаре испанской делегацией, президент Испанской федерации воздушных шаров Томас Феллю, улыбаясь, сказал, что шары — это тот вид спорта, который невозможно развивать в одиночку. Его улыбка была печальна...

Даже если ты гений, ты станешь гением-одиночкой, я понимаю.

И в Литве, в городе Ионава, есть такой гений, Ляонас, точнее, Леонид Симнишка, построивший свой шар из пленки для полиэтиленовых пакетов. Этот шар из кульков летит. Римас с тревогой летчика-профессионала наблюдает за полетами Симнишки. Есть время Кулибиных... старое время. Есть время Римаса Мацюлявичюса.

...но Леня Симнишка ничего с собой поделать не может. Он не может не летать и уже не может не строить свои зыбкие, прозрачные, не отвечающие технике безопасности, манящие иллюзией простоты и чуда шары.

Когда ему пора было взлетать, не оказалось шара под рукой. Не было шаров в стране. Были — в мире. Теперь его не переделаешь. Но это другая тема.

Вам во что бы то ни стало необходимо попасть в Соединенные Штаты Америки или, скажем, в Сингапур. Вы так упорно пытаетесь заполучить билет на один из ближайших авиарейсов, что протаптываете дорожку от своего дома до дверей международного агентства Аэрофлота. В конце концов выясняется, что все самые и не самые ближайшие рейсы улетят без вас, а вам предстоит ждать своего вылета... минимум полгода. Негодованию вашему нет предела? Чтобы пролить больше света на проблему, отчего происходят очереди, срывы поездок, другие неурядицы, а также отвечая на многочисленные отклики, последовавшие за статьей «За 362 дня до вылета» (см. «Огонек» № 44, 1988 г.), мы публикуем интервью с начальником Международного коммерческого управления гражданской авиации В. Д. САМОРУКОВЫМ.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

— Владимир Дмитриевич, не хотелось бы повторяться: то, что творится с авиабилетами не только на международных, но и на внутренних линиях Аэрофлота, хорошо известно. Очевидно, все-таки билеты — только часть проблемы?

— Вы правы. Однако поговорим сначала о билетах. Очереди за ними, если посмотреть глубже, лишь отражение целого ряда нерешенных проблем, накопившихся в Аэрофлоте за последние годы.

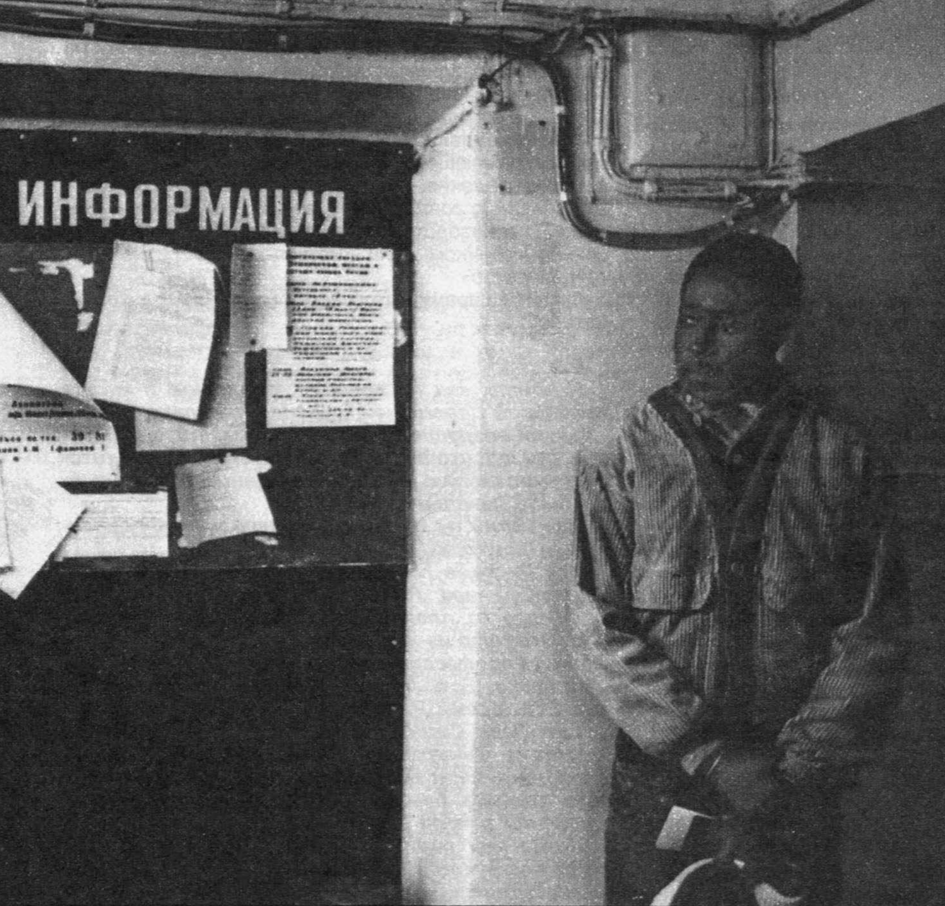
На внутренних авиалиниях — это хроническая нехватка авиатоплива, авиадвигателей, что ведет к простою самолетов и, следовательно, к нехватке их, особенно в летний период. Задерживается поступление новых, более экономичных самолетов типа Ту-154М, Як-42. Уже не говоря о том, что нет помещений для расширения касс в Москве и других городах, несовершенна организация и технология бронирования мест и продажи билетов. Отсюда ежегодный неудовлетворенный спрос на авиабилеты для 15 миллионов советских граждан и длинные очереди...

На международных авиалиниях — свои особенности, перевозки пассажиров здесь тесно связаны с процессами социальными.

Вы знаете, каков у нас, извините за профессиональную терминологию, пассажиропоток?

За последние два-три года он рос по ряду направлений, как шестнадцатилетний юноша. Это прежде всего США, Канада, ФРГ, Израиль. В значительной мере рост происходит за счет лиц, выезжающих за рубеж на постоянное место жительства или по приглашениям родственников и знакомых. В 1988 году, например, их число увеличилось в 8 раз по сравне-

нию с 1986 годом. Только в Израиль за прошлый год отправилось 20 тысяч человек.

— Как осуществляется перевозка пассажиров в Израиль? Ведь Аэрофлот не имеет прямого сообщения с этой страной?

— В связи с тем, что Аэрофлот не выполняет полетов в Израиль и не имеет коммерческих соглашений с национальной авиакомпанией, перевозка пассажиров из СССР в Израиль и обратно осуществляется через такие страны, как Австрия, Кипр, Греция, Румыния, Италия, при участии авиакомпаний этих стран. Как видим, возникают дополнительные сложности и в оформлении билетов, и с валютно-финансовой точки зрения.

Перевозки в Нью-Йорк, Вашингтон, Монреаль в последнее время также резко возросли. Не справляются не только регулярные рейсы Аэрофлота, но и рейсы авиакомпаний других стран: ЛОТ — через Варшаву, ЧСА — через Прагу, Сабена — через Брюссель и другие. А что творится на австралийском направлении! Все авиакомпании, выполняющие свои рейсы из Сингапура, официально сообщили, что свободных мест нет на несколько месяцев вперед. Этот далеко не полный перечень стран показывает, что для отправки только одного пассажира, например, в Северную Америку, приходится запрашивать подтверждения в нескольких пунктах Европы и очень часто получать отказ. Так вот и появляется небезызвестный «лист ожидания». При этом приходится выбирать самый оптимальный маршрут. Ведь большинство пассажиров, выезжающих по частным приглашениям, на постоянное место жительства, в командировки, производят расчеты в рублях, в то время как Аэрофлот за каждого пассажира платит иностранным авиакомпаниям инвалютой. Кроме того, мало кто знает, что за границей нужно платить валютой и за пролет территории, и за посадку, и за взлет, и за стоянку, и за техническое обслуживание, и за топливо, и за многое другое. Но Аэрофлот несет еще и ответственность за выполнение жесткого валютного плана. Это, кстати, лишний раз показывает, что наши беды — не только чисто внутренние. Аэрофлот — лишь одно из звеньев экономики страны, ее уменьшенная модель, если хотите.

— Могут ли выезжающие за границу купить билеты в других городах, кроме Москвы?

— Те, кто хоть раз выезжал за рубеж, знают, что купить билет можно только после того, как оформлены все документы: загранпаспорт, выездная виза из СССР, въездная — в страну назначения, транзитная виза в случае следования через третьи страны. И если выездную визу можно оформить в ОВИРе многих городов СССР, то для получения въездной визы в какую-либо страну необходимо приехать в Москву, в посольство страны въезда. Естественно, что будущий пассажир по прибытии из другого города в Москву, где ему оформляют въездную визу, тут же обращается в Центральное международное агентство, и, как показал анализ пассажиропотоков, количество таких пассажиров составляет свыше 50 процентов от общего числа вылетающих. При этом некоторые посольства не выдают виз без наличия авиабилетов, и тогда пассажиры вынуждены по крайней мере дважды обращаться в ЦМА — за бронированием и за оформлением. Помимо «частных лиц», нашими клиентами являются и государственные предприятия (до 1200 организаций), в том числе такие, как «Интурист» и «Спутник» (свыше 1 миллиона человек в год), Соврыбфлот (свыше 220 тысяч человек), Госкомтруд, Госкомспорт, Госконцерт, Госкомнаробраз, МВЭС и другие. Чтобы сократить время обслуживания пассажиров, Министерство гражданской авиации приняло решение продавать билеты без предъявления загранпаспорта и без виз. Таким образом, мы частично разгружаем Центральное агентство международных воздушных сообщений за счет территориальных. Кроме того, для сокращения времени оформления авиаперевозки мы организовали обслуживание работников ряда организаций Москвы на рабочих местах, разворачиваем внедрение системы автоматической выписки авиабилетов.

— Наша промышленность уже выпускает такую технику?

— К сожалению, пока нет, на это также приходится тратить валюту. Дополнительные рейсы мы тоже вводим. В летнее расписание 1989 года планируется внести около сорока изменений по частоте полетов, типу самолетов.

— И тем не менее проблема билетов остается.

— Действительно, проблема билетов — лишь одно из звеньев цепочки. В последнее время в печати, помимо «Огонька», появился ряд статей, в которых работников Аэрофлота упрекнули и в халатном отношении к работе, и в неквалифицированности. Конечно, и такое бывает, как, наверное, в любом учреждении. Перестройка — не волшебник, которому достаточно махнуть палочкой, и все сразу станет хорошо. Но я с полной определенностью могу сказать, большинство наших служащих относятся к своим обязанностям добросовестно. Взять, к примеру, кассы продажи билетов Центрального международного агентства на Добрынинской площади. Если пройтись по этим служебным помещениям, а потом для сравнения перейти в офис одной из иностранных компаний, ту же польскую ЛОТ, благо и идти далеко не надо — все в одном здании,— бросится в глаза разительный контраст. Семь-восемь человек у нас в одной комнате при том объеме работы, который приходится выполнять,— цифра невероятная. Переход на новую технику мы только начинаем, и пока нашим диспетчерам приходится держать в голове и на полках множество различного справочного материала, который, по идее, положено хранить в компьютере. Чтобы быстро перевести часть операций на компьютеры, нам, помимо всего прочего, требуется валютная самоокупаемость, которой, к сожалению, пока нет.

Недавно на одном из партийных собраний в агентстве вновь поднимался вопрос о строительстве специального здания и выделении дополнительных помещений. Я объяснил, что министерство неоднократно выходило с предложениями в Моссовет по этим вопросам. Потом встала одна из сотрудниц и сказала, что о проблеме помещений говорится не первый год и что если бы хоть один человек, занимающий в Моссовете ответственный пост, разок постоял в очереди, очередей за билетами давно бы не стало. А пока одни часами выстаивают в очередях, а другим билеты доставляются на машине, в Моссовете еще долго будут рассматривать то, что давно назрело. Сказано, может быть, излишне резко, но и сотрудницу можно понять. Мы понимаем, что вопрос о строительстве в центре Москвы специального здания или переоборудовании старого с целью передачи его нам на самом деле непростой. Одними письмами из МГА в Моссовет их не решить.

— Владимир Дмитриевич, вы сказали, что у вас стоит проблема не сокращения, а увеличения штата. Не находится ли это в противоречии...

— Во-первых, не штата всего управления, а лишь тех его подразделений, которые занимаются продажей и бронированием билетов. Во-вторых, думаю, невозможно с позиции общих требований решить все частные проблемы. Судите сами. Мы создали Центр автоматизации коммерческой деятельности. Начавшееся с апреля прошлого года использование системы автоматизированных расчетов международных авиатарифов позволило поднять производительность труда диспетчеров-тарификаторов примерно на 70 процентов, а также оперативно набирать статистику для анализа и принятия решений. С апреля 1989 года Аэрофлот получит новую современную систему бронирования с пакетом услуг, которые имеют другие авиакомпании мира. В течение двух лет будут автоматизированы все представительства Аэрофлота за границей, а их, между прочим, 122.

— Кстати, может ли и до какой степени наш пассажир воспользоваться услугами иностранных авиакомпаний или они существуют лишь для пассажиров своих стран?

— По идее, может, если у него на руках имеется конвертируемая валюта. Поэтому, за редким исключением, советские пассажиры пользуются услугами Аэрофлота. Но не всегда Аэрофлот может доставить вас в любую точку земного шара. Предположим, вы хотите попасть в Лос-Анджелес. В этом случае Ил-62 доставит вас только до Вашингтона или Нью-Йорка, а дальше за вас начнет нести ответственность другая авиакомпания. Расчеты с ней уже не в рублях, а в конвертируемой валюте. У вас, конечно, этих денег нет — расплачивается Аэрофлот. То же происходит и в случае передачи пассажиров с билетами Аэрофлота, оплаченными в рублях, на рейсы иностранных авиакомпаний. А суммы, которые платит Аэрофлот в этом случае, немалые. Так, за прошлый год только американской компании «Пан Американ» и западногерманской «Люфтганзе» выплачены большие суммы инвалютных рублей за полеты в основном советских граждан, выезжающих на постоянное место жительства и по приглашениям. В целом платежи Аэрофлота иностранным компаниям за передачу им пассажиров с билетами Аэрофлота увеличились почти вдвое. В условиях перехода Аэрофлота на валютную самоокупаемость проблема полетов советских граждан на самолетах иностранных авиакомпаний обостряется и значительно усложняется.

— Какой выход из создавшегося положения вы видите?

— Эту проблему, на мой взгляд, можно разделить на две части.

Во-первых, советским гражданам, которые выезжают за границу на постоянное место жительства или по частным приглашениям, должна быть предоставлена возможность обмена советских рублей на иностранную валюту в сумме, достаточной для приобретения билетов на рейсы иностранных авиакомпаний. Сейчас же, согласно действующим правилам, утвержденным Минфином и Госбанком СССР в июле 1984 года, советским гражданам данной категории предоставляется возможность обмена рублей на иностранную валюту лишь в ограниченном размере для использования за границей на цели проживания.

Во-вторых, сейчас многие ведомства и организации, которые направляют своих специалистов за границу, часто обращаются в Аэрофлот с просьбой отправить их рейсами иностранных авиакомпаний, но с оплатой в соврублях, то есть опять же за счет Аэрофлота...

Конечно, такая практика несправедлива. Каждое ведомство, каждая организация, имеющая выход на внешний рынок, должны иметь свои валютные средства на транспортные расходы и использовать их по своему усмотрению. А если таких средств нет, то пользоваться только рейсами Аэрофлота. Иначе перейти Аэрофлоту на валютную самоокупаемость будет очень сложно.

Сейчас среди 30 основных авиакомпаний мира, выполняющих регулярные международные перевозки, Аэрофлот стоит на двадцатом месте. Чтобы сделать прорыв, необходимо существенно повысить конкурентоспособность Аэрофлота во всех сферах его деятельности. При этом не обойтись без изучения, использования опыта коммерческой работы на международных рынках авиаперевозок, чем как раз и призвано заниматься новое управление, начальником которого я являюсь.

— Зарубежные авиакомпании привыкли к конкуренции, хорошо знают ее законы. Для нас это, как я понимаю, непаханое поле. Неужели действительно реально за пару лет все освоить?

— Между прочим, конкуренция вовсе не означает полную изолированность сторон друг от друга и тем более их обоюдную враждебность, как мы почему-то привыкли считать. Наоборот, экономическое соперничество одновременно может быть и взаимовыгодным сотрудничеством. Одним из первых опытов такого соперничества можно назвать так называемый «беспосадочный мост Москва — Нью-Йорк — Москва», открытый в 1986 году на самолетах Боинг-747. Мне пришлось принимать участие в предварительных переговорах, которые проходили в Москве и Вашингтоне. Как известно, в 1978 году «Пан Американ» в одностороннем порядке прекратила рейсы в Москву, спустя десять лет после их открытия. Тогда компания сослалась на их экономическую невыгодность. Переговоры проходили непросто. Если раньше, зная, что по определенным параметрам уступаем своему партнеру, мы всячески пытались добиться для себя односторонних преимуществ, то теперь об этом не могло идти речи. Только равная заинтересованность привела переговоры к успеху. И если раньше на недостатки можно было где-то смотреть сквозь пальцы, то, когда Аэрофлот включился в деловое соперничество с «Пан Американ», тут пришлось перестраиваться. Взять, к примеру, цех бортового питания в аэропорту Шереметьево. Он уже давно не соответствует мировому уровню и в плане технической оснащенности, и в плане качества приготовления и ассортимента пищи. Перенимая опыт, учась у американцев, мы в срочном порядке начали подтягиваться. Недавно подписано соглашение с известной американской фирмой «Мариотт» о создании совместного предприятия по строительству и эксплуатации современного цеха бортпитания. С авиакомпанией «Пан Американ» создаем совместное предприятие по строительству и эксплуатации гостиниц.

— А как вы видите роль совместных предприятий в улучшении сервиса пассажиров Аэрофлота?

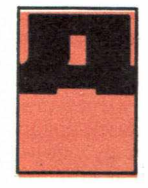
— Я считаю, что создание совместных предприятий в системе Аэрофлота — это не дань моде, а насущная необходимость. В этом плане надо торопиться, чтобы наверстать упущенное для Аэрофлота время.

Вел интервью
Михаил МАМАЕВ.

Михаил УСПЕНСКИЙ
(Красноярск)

БОЛЕЗНЬ

РАССКАЗ

иректор одного крупного промышленного предприятия Аркадий Семенович Кременчук взялся как-то мыть руки. Мыл, мыл и вдруг заметил на тыльной стороне правой руки синенькое пятнышко. Пятнышко как пятнышко, только синенькое. Как бы маленький синячок. Аркадий Семенович не придал пятнышку никакого значения.

Дня через два на пятнышко указала ему жена Евстолия. Но только это не пятнышко уже было, а кругляшок. Как циркулем прочертили с синей тушью. Евстолия была заполошная, а Аркадий Семенович мнительный. Как и многие другие, он во всем видел угрозу рака. Поэтому и побежал в онкологию. Там сидел старый профессор и сказал, что это никакой не рак, а след от старой татуировки. Кременчук возразил, что у него сроду не было никакой татуировки, но профессор сказал: «Да бросьте вы! С кем не бывало в молодости!»

Тем временем на завод приехал министр, и Кременчуку стало не до кругляшков. Предприятие, слава богу, не подкачало, и на прощание министр крепко пожал Аркадию Семеновичу руку.

— Э, да ты наш, из балтийских! — удивился министр, поглядев на руку Кременчука. Кременчук глянул на руку и удивился пуще министра. На запястье расположился морской якорь, повитый лентою славы. На ленте было написано «Балтика». Кременчук принялся что-то врать про крейсера и миноносцы, хотя на самом деле не то что на флоте не был, а и от сухопутных войск сумел в свое время открутиться. На его счастье, министр спешил, так что обошлось без вечера воспоминаний.

Проводив гостя, сразу же пошел к кожнику.

— Вам в косметический кабинет нужно,— сказал кожник.— Не совсем приятная процедура, но придется потерпеть.

— Да это болезнь у меня! — сказал Кременчук.

Жена Евстолия организовала мужу визит в косметический кабинет. Там татуировку выжигали током, но отступились.

— Нет,— сказали ему.— Слишком свежая. Вообще похоже, что она регенерирует. Мы с такими не боремся.

Аркадий Семенович снова к кожнику:

— Поглядите, что делается!

А на руке у него делалось вот что: появилась девичья головка, а под ней написано, что Галя.

— Всего за сутки выросла!

— Хорошо,— сказал врач.— Посмотрим, что будет дальше.

Дальше было так. Жена Евстолия устроила мужу страшную-престрашную сцену.

— Ты с блатной связался! — кричала она.— Блатную завел! Она тебя заставляет наколки делать! Я ее разыщу, твою Галю!

И покинула Аркадия Семеновича. То ли Галю принялась разыскивать, то ли кого другого. Поэтому ложиться в кожную лечебницу он не стал. Где кожная, там и венерическая. Да еще жена ушла. Люди станут болтать что попало.

Потом стало совсем плохо. Аркадий Семенович еженедельно посещал финскую баню вместе с несколькими друзьями и знакомыми очень высокого ранга. Честно говоря, через эту баню он и в директора вышел.

Картинки на руках он позалепил пластырем и поехал в баню.

— Ой, не могу! — завопил через несколько минут в парилке академик Миканоров, тот самый, что открыл град Китеж.— Поглядите, друзья мои, так сказать, на тыл нашего достопочтенного Аркадия Семеновича!

Поглядеть было на что. На ягодицах Кременчука был вытатуирован кочегар с лопатой. Когда Кременчук ходил, кочегар начинал вкалывать.

— Это что,— сказал маршал Солдатенков.— Вот у моего начштаба на Втором Белорусском почище была...

Он рассказал содержание военной татуировки, и все захохотали еще сильнее. Кроме одного очень влиятельного человека. Он глядел на Кременчука, поджав губы.

— Довольно странно в вашем возрасте, Аркадий Семенович,— заметил он.— По меньшей мере странно.

На следующей неделе Кременчук вообще не рискнул прийти в баню. На груди у него пригрелась картинка из японской личной жизни. Ноги заговорили, что они-де устали, но к любимой дойдут. Вокруг левой руки обвилась змея. На животе появилась надпись: «Всю жизнь на тебя работаю». Ниже — хуже.

Каким-то образом слухи о расписном теле директора стали достоянием общественности, хоть он и ходил на работу в перчатках и старался нигде не расстегиваться. Секретаршу уволил и взял пожилую. Все равно рабочие, приходившие к нему в кабинет, стали вести себя панибратски, норовили похлопать по плечу.

— Ты, Семеныч, понимаешь рабочего человека,— говорили они.— Не то что некоторые. Ты свой в доску!

Аркадий Семенович ослаб духом, не мог даже одернуть наглецов и подписывал их заявления не глядя.

Как-то позвонил к нему маршал Солдатенков.

— Ты что же, Семеныч, баньку не посещаешь? Показал бы нам свою Третьяковку! — и захохотал.

На теле Кременчука живого места не осталось. На пальцах появились перстни, от которых исходили как бы лучи. Орлы и драконы терзали голых девушек. Спина украсилась репродукцией «Сикстинской мадонны». Только лицо болезнь пока миновала. Давешний кожник донимал Аркадия Семеновича просьбами лечь к нему в клинику: хотел, видно, диссертации на нем защищать.

Пожалел Кременчука только его шофер Володя. Он посоветовал ему сходить к одной специальной старушке — кожнику-любителю. Любила она лечить кожные болезни. За деньги, конечно.

Аркадий Семенович решился. Старушка осмотрела Кременчука и поглядела ему в глаза твердо и страшно.

— Давай сюда все деньги! — потребовала она.

Аркадий Семенович подал ей бумажник.

— А которые на книжке? — не унималась бабка.

Пришлось съездить и за теми.

Тут бабка поставила диагноз:

— Это у тебя болтунцы повылазили, милый человек.

— Какие... болтунцы?

— Болтунцы от лишнего разговору. На нервной почве. Сколько ты набрехал, столько и повылазило. Лечить их надо так: ни с кем не разговаривать, помалкивать. Год-другой помолчишь, глядишь, и сойдут.

Кременчук хотел было спросить про деньги, но бабка так страшно и грозно прижала палец к своим синим губам, что он не решился ничего сказать.

Молчком много не наруководишь. Пришлось Кременчуку ехать в министерство и подавать заявление по собственному желанию. Министр даже обиделся на молчание Кременчука.

— Вот ты, оказывается, какой,— сказал министр.— И разговаривать не хочешь. А еще с Балтики! — и плюнул.

...Прошел год. Аркадий Семенович Кременчук живет в хибарке на берегу реки вместе с бичами и богодулами. За татуировку и молчаливость эти полууголовные элементы его крепко уважают. «В законе наш Немтырь!» — почтительно говорят о нем и приносят ему водку и консервы. На закате дня Аркадий Семенович выходит на берег реки и смотрит на далекое здание своего бывшего заводоуправления. Он верит, что когда-нибудь вернется в свой кабинет, но вернется совсем другим человеком. Знаками он объясняет это своим соседям.

Только что Михаил Жванецкий подарил нам сигнальный экземпляр своей книги, выходящей в издательстве «Искусство». Книги этой вы никогда не увидите, потому что о вас позаботились. Позаботился тот же человек, который выдал «Огоньку» неполные сто тысяч экземпляров для розничной продажи на весь Советский Союз; он же установил стотысячный тираж для книги Жванецкого. Он, этот человек, точно знает, что нам с вами надо читать.

Мы тоже знаем. И поэтому с вышеуказанным мнением не согласны. И предлагаем вам устный рассказ из сборника. Почему устный? Потому что еще недавно Жванецкого вообще не печатали. Почему? Потому! А почему нет рыбы?

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

ГДЕ РЫБА? РЫБА ГДЕ?

Я много лет хочу понять, почему во всех приморских городах мира самое красивое, самое обильное — рыбные базары, где переливаются тысячи рыб, ползают омары, лангусты, где плавают в аквариумах сотни угрей. Тысячи, тысячи разных рыб, живых и копченых.

И почему у нас в приморских городах рыбы нет. Почему нет рыбы в Одессе. Вот той морской, возле которой стоит этот несчастный город. Почему нет рыбы в морском городе. Куда она девается? При наличии министерства и самого большого в мире рыбного флота. Где бычки, анчоус, скумбрия, камбала, сарделька, глосики — где рыба?

Почему человека с пятью бычками на нитке так упорно преследует милиция? Почему еще в прошлом, позапрошлом году свободно продавалась изумительного вкуса кругленькая, упругенькая одесская тюлька домашнего соления? Почему рыбаков ловят и преследуют? Я понимаю — главная задача, чтоб не было. Но под каким научным девизом, вот что меня интересует. Действительно — святая цель, чтоб люди не ели, но хочется узнать, под каким предлогом! Запрещено ловить все месяцы в году? Рыбаку обязательно надо сожрать все, что споймал, и нельзя поделиться?

По утрам прутся куда-то в море какие-то колхозы. Они что, вообще не ловят? Зачем огромный флот? Сейнеры, траулеры, речные, морские, озерные? Куда улов идет? В правительство? В Кремль? Там столько не съедят. В Москве бычков и камбалы черноморской нет. Куда девается? Конторы сжирают, что ли? Рыболовецкие правления? Так там вроде милиция круглосуточно дежурит. Не купишь у рыбаков ни штучки.

Последний раз спрашиваю, куда девается свежая черноморская рыба? Почему мы должны доедать это мороженое несчастье с Дальнего Востока, которое уже кто-то ел? И не надо мне доказывать с цифрами в руках, как увеличилось потребление рыбы. Я по роже докладчика и так вижу.

Что они мне докажут? Что она есть? Когда я ее уже столько лет не вижу. Что же за специалисты такие вели вековую борьбу со жратвой? Что же они так остервенело вырывают у нас из рук бычка, судака, кильку, куда несут конфискованное? В пользу государства? Это куда же? Какое государство вырывает кусок изо рта у своих граждан в свою пользу? Все знают, что такое — в пользу государства. Это либо дохнет за углом, либо тут же под водочку — в ближайшем отделении.

Могли бы объяснить, почему рыбы нет,— объяснили бы. Могли бы дать — дали бы. Не обучены! Выращивать, вылавливать не обучены. Отнимать, отбирать, разгонять, привлекать — обучены. Может, рыбу ловить нельзя? А почему? Объясни, если сумеешь. И, если мы согласимся, все равно дай съесть уже пойманную, куда ты ее поволок?

Вспоминаю виденные в кино огромные, переливистые рыбные базары, тысячи, миллионы разных рыб.

Два вопроса: почему она там есть и почему ее здесь нет?

Илья ФОНЯКОВ

Есть редчайший и очень древний жанр стиха — палиндромон. Это стихотворение в одну строчку, которое читается и слева направо, и справа налево. В старину палиндромонами украшали чашу: как ни верти — прочтешь одно.

Молебен о коне белом

Тарту дорог как город утрат

Лом о смокинги гни комсомол!

Яро закусала ренегата генерала сука Зоря

Несун гнусен

Знамо даже у ежа дома НЗ!

Ненец ценен

Мастер жрет сам

И пиши оду худо и шипи

«ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ШЛЯПЫ»

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Покидая гостиницу «Интурист», всегда хочется снова в ней побывать... и спросить, вернувшись: «Ни один номер так еще и не освободился?»

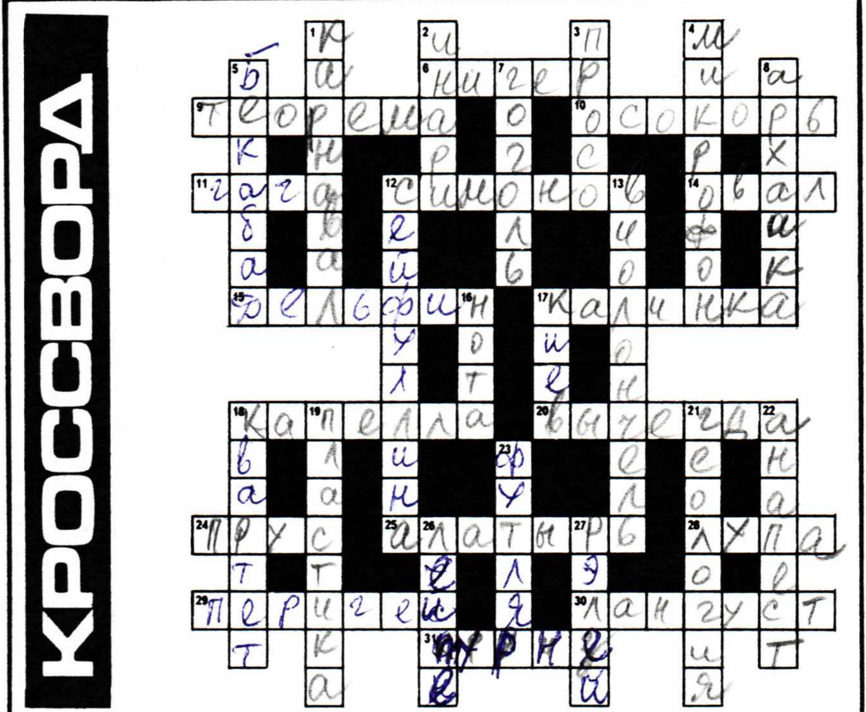
* * *

Мы — продукты эпохи, не имеющей продуктов...

* * *

Налицо стирание граней между городом и деревней: городской асфальт стал напоминать проселочные дороги.

Подобрал материалы Игорь ДВИНСКИЙ, рисовал Вадим МЕДЖИБОВСКИЙ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Река в Западной Африке. 9. Математическое положение, устанавливаемое путем доказательства. 10. Разновидность тополя. 11. Полярная морская утка. 12. Актер, режиссер, народный артист СССР, выступавший в Театре имени Вахтангова. 14. Замкнутая кривая, эллипс. 15. Северное созвездие. 17. Русская народная песня. 18. Хор, ансамбль из певцов и музыкантов. 20. Приток Северной Двины. 24. Польский писатель, автор романа «Фараон». 25. Город в Чувашии. 28. Увеличительное стекло. 29. Ближайшая к Земле точка орбиты Луны. 30. Крупный морской рак. 31. Путешествие по круговому маршруту.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Массовое народное гулянье с уличными шествиями, танцами, играми. 2. Озеро на севере Финляндии. 3. Злак с метельчатым соцветием. 4. Устройство для преобразования звуковых колебаний в электрические. 5. Город в Ташкентской области. 7. Выдающийся русский писатель XIX века. 8. Ранний период в развитии древнего искусства. 12. Советская писательница, автор повести «Виринея». 13. Смычковый музыкальный инструмент. 16. Официальный дипломатический документ. 17. Стихотворение В. В. Маяковского. 18. Басня И. А. Крылова. 19. Плавность, изящество движений в танце. 21. Комплекс наук о строении, составе и истории земной коры. 22. Стихотворная стопа. 23. Коробка, чехол для хранения вещей. 26. Остров в Филиппинском архипелаге. 27. Английский физик, выведший закон излучения.

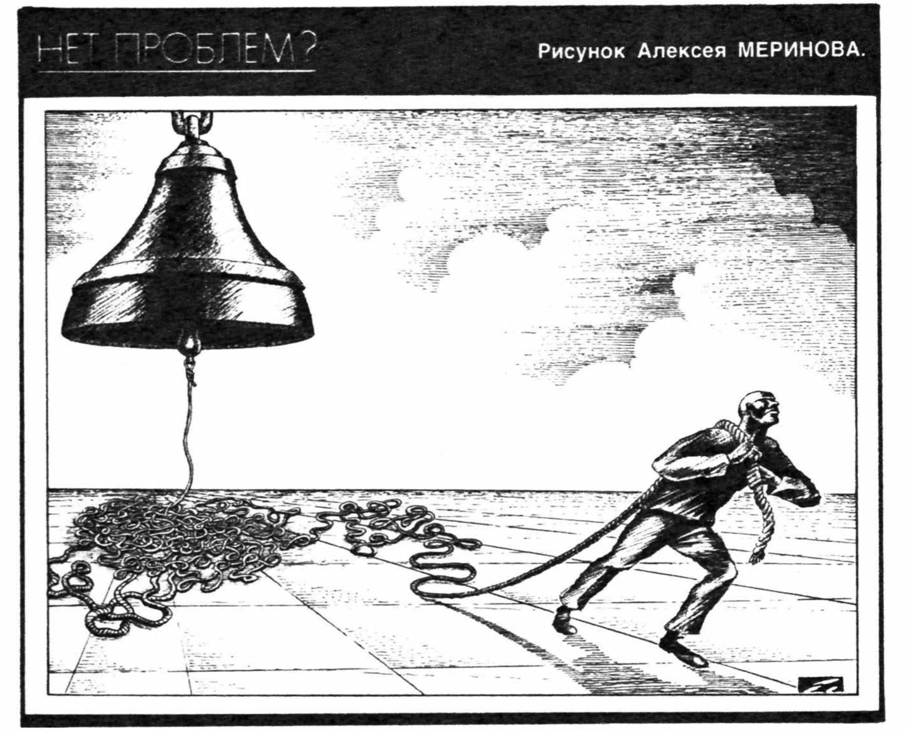
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Петрушка». 8. Общество. 9. «Гобсек». 11. Вазуза. 12. Трубецкой. 16. Демарш. 17. Европа. 18. Евгений. 21. Мольер. 22. Ниобий. 25. Ибараки. 27. Фланец. 28. Стимул. 29. Балалайка. 33. Хартия. 34. Анализ. 35. Вокалист. 36. Камертон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Лесостепь. 2. Букет. 3. «Набоб». 4. «Гонец». 5. Нечай. 6. «Звездопад». 10. Крушельницкая. 11. Волейболистка. 13. Евле. 14. Радиозонд. 15. Провинция. 19. Горка. 20. Ненка. 23. Голованов. 24. Трубников. 26. Реал. 29. Битлз. 30. Амати. 31. Апекс. 32. Анкер.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

Л. БОРИСОВА. Брошь «Дождик».

Ю. МАЛАНЧУК. Коробочка.

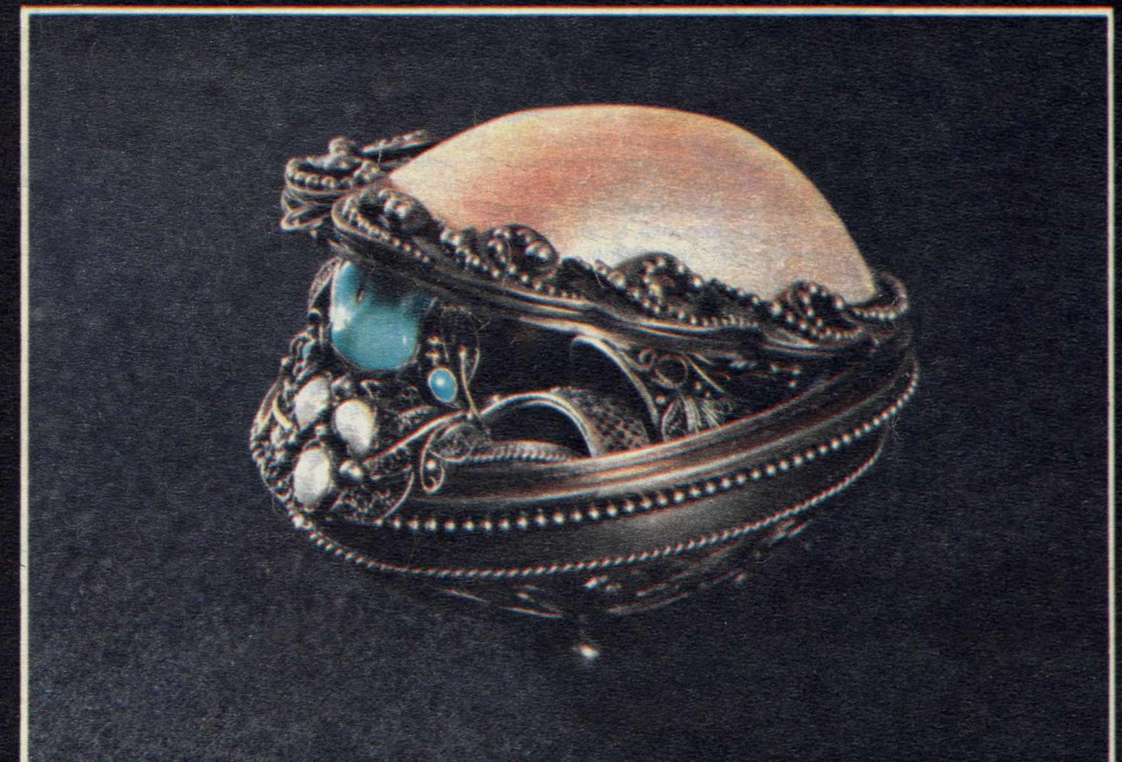
Г. ЛИОКУМОВИЧ. Подвес «Вдохновение».

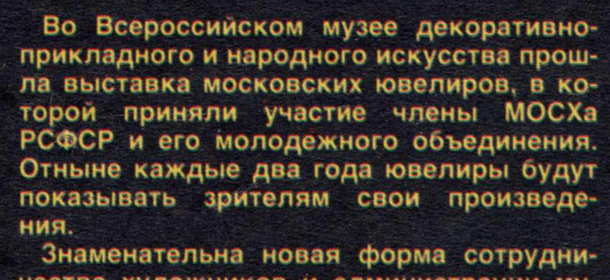
Р. КУЛИКОВ. Колье и серьги.

Т. ЧИСТЯКОВА. «Россия новая». Брошь и серьги.

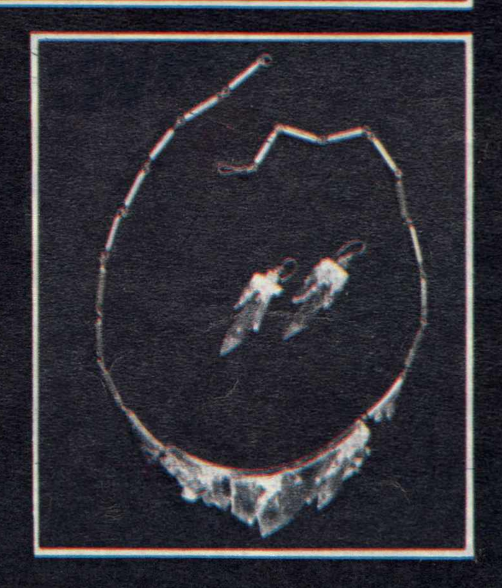

Во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства прошла выставка московских ювелиров, в которой приняли участие члены МОСХа РСФСР и его молодежного объединения. Отныне каждые два года ювелиры будут показывать зрителям свои произведения.

Знаменательна новая форма сотрудничества художников и администрации музея: для членов МОСХа отменен выставком. В духе времени музей наряду с традиционными и классическими образцами ювелирного искусства выставляет авангардистские работы молодых ювелиров.

40 коп. Индекс 70663